

Всеволод Игоревич Авдиев
Военная история древнего Египта

Том II
Период крупных войн в Передней Азии
и Нубии в XVI-XV вв. до н.э.

Москва
Издательство академии наук СССР
1959

Тираж 2000 экз

Введение

Часть первая.

Социально-экономические основы завоевательной политики Египта
в период XVIII династии.

Глава I. Экономика Египта.

Сельское хозяйство

Ремесленное производство

Торговля с Нубией и Пунтом

Глава II. Социальные отношения.

Глава III. Государственное управление.

Система государственного управления

Везират

Часть II. Завоевательные походы времени наибольшей военной мощи Египта

Глава IV. Походы Тутмоса III

Первый поход Тутмоса III в Сирию

Осада Мегиддо

Значение первого похода Тутмоса III в Сирию

Поход 29-го года

Шестой и седьмой походы Тутмоса III

Восьмой поход Тутмоса III

Последние походы Тутмоса III в Переднюю Азию

Завоевания в Нубии

Проникновение египтян в Переднюю Азию и их культурные взаимоотношения
с народами Палестины, Сирии и Финикии

Глава V. Последние завоевания и упадок военной мощи Египта в XV—XIV вв. до н.

э.

Военная политика Египта при Аменхотепе II
[Правление Тутмоса IV и Аменхотепа III]

Глава VI. Организация и техника военного дела в период крупных войн XVI—XV

вв. до н. э.

(главным образом при XVIII династии)

Указатель имен и названий

Сокращения

Введение

При изучении каждой исторической проблемы приходится сталкиваться с рядом старых, издавна установленных общих представлений и точек зрения, которые, не подвергаясь достаточной проверке и критике, часто принимаются на веру и механически переходят из старых исторических трудов в новые; в большинстве случаев авторы последующих работ, находясь в плену старых схем, вносят в господствующие концепции лишь некоторые самые поверхностные изменения.

Только объективное изучение проблемы в целом на основе тщательного анализа всех сохранившихся источников позволяет историку восстановить реальную историческую действительность.

В течение целого столетия историю древнего Востока, главным образом на Западе, изучали в основном с точки зрения развития политических событий, культуры и религии древневосточных народов. Много внимания уделялось описанию войн, причем чаще всего успехи той или иной стороны объяснялись либо при помощи пресловутой «расовой теории», либо исходя из преувеличенных оценок деятельности того или иного политического деятеля, военачальника или царя.

Но эти взгляды, которые использовались для идеологического обоснования всякого рода великодержавной политики и особенно резко проводились сторонниками колониальных захватов на Востоке, глубоко неправильны и тенденциозны. Нельзя одни древневосточные народы противопоставлять с позиций так называемой «расовой теории» другим народам. Нельзя сказать, что одни народы были какой-то неведомой «силой» или «судьбой» предназначены к извечному господству над другими народами древнего мира. Нельзя считать, что одни народы были какими-то особыми носителями исконно «высшей культуры», которую они насаждали в завоеванных странах. Нельзя преувеличивать роль отдельных политических деятелей, [3] выражавших интересы своего класса, той или иной социальной группы.

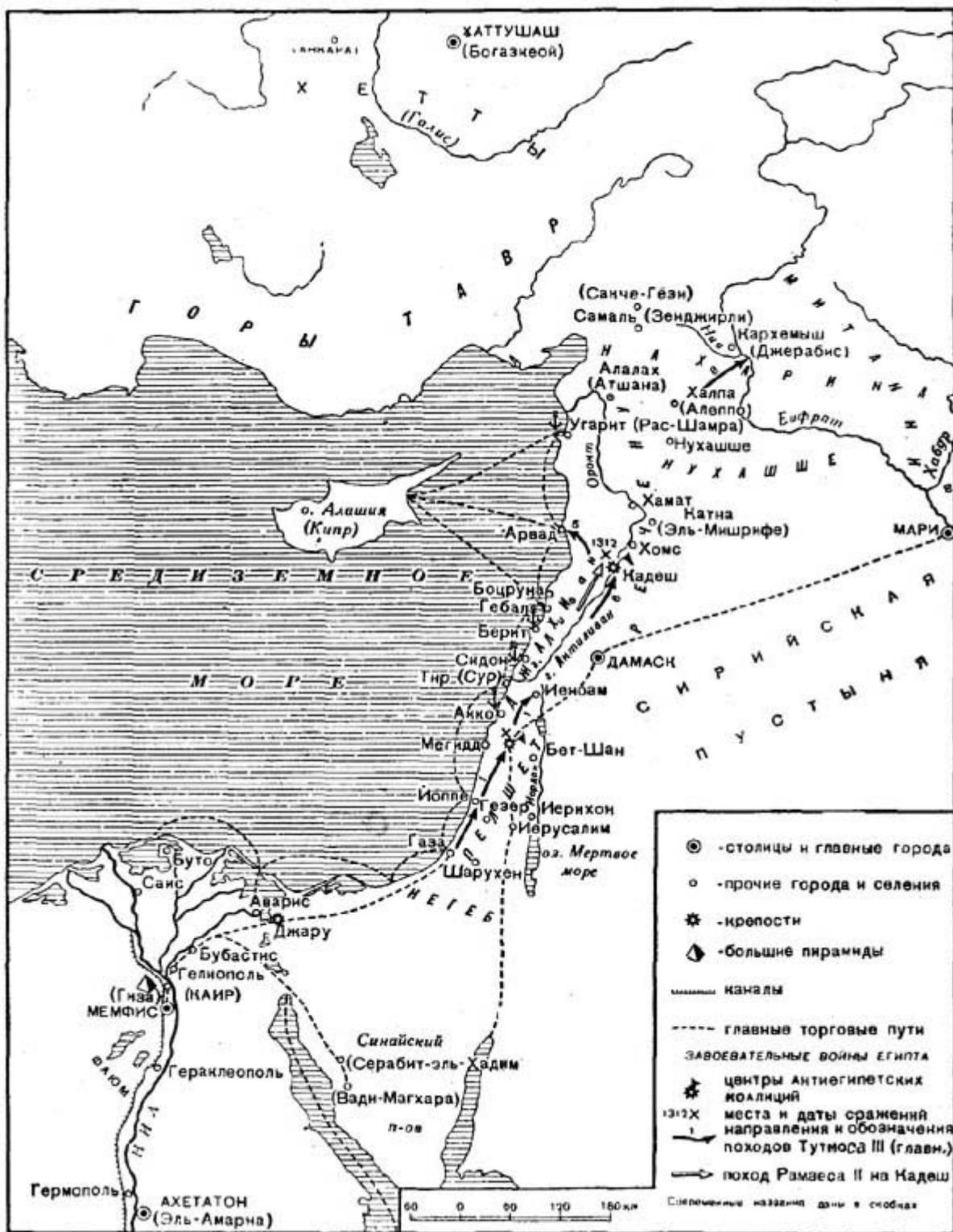
В пределах древневосточного мира не было единой колыбели человечества. Культурная жизнь не могла зародиться только в одном центре и распространяться одним народом. Ни Центральная Азия с Памиром, ни «райский сад» Южной Месопотамии с Уром Халдейским, ни прославленный Вавилон не были единственными исконными очагами, из которых, по древним преданиям, культура распространялась по всему миру. Теперь уже нет никаких сомнений в том, что древние народы, достигшие определенного уровня в

развитии хозяйственной жизни и общественных отношений, во многом вполне самостоятельно создали те культурные ценности, которые легли в основу их позднейшей цивилизации. Двуречье Тигра и Евфрата, Нильская долина, нагорье Малой Азии и Закавказья, эгейский островной район и восточное побережье Средиземного моря были районами, где в глубокой древности разнообразные народы создавали высокую и самобытную культуру.

Рост производительных сил приводил к распаду древнего общинного строя и создавал экономические предпосылки для возникновения рабства и рабовладельческой эксплуатации. Так возникли древневосточные деспотии, целью которых было сохранение устоев классового строя. Развитие хозяйственной жизни даже в эти древние времена требовало доставки из других стран различных видов сырья. Являлась необходимость эксплуатировать естественные богатства не только своей страны, но и соседних территорий. Наконец, некоторый прогресс в сельском хозяйстве и ремесле, вызвавший появление избыточных продуктов, требовал развития древнейшей меновой торговли. Но в особенности погоня за рабами — наиболее дешевой в тех условиях рабочей силой — приводила к первым крупным военным столкновениям, к тем древним войнам, без которых не могли существовать рабовладельческие государства в странах древнего Востока.

Таким образом, чтобы вскрыть одну из основных причин военной политики древневосточных государств, следует подробно рассмотреть весь процесс их социально-экономического развития. Ведь в основе завоевательной политики больших древневосточных государств, возникших и долго существовавших в Северо-Восточной Африке и Передней Азии, лежали чисто экономические причины, связанные с развитием рабовладельческого хозяйства.

Современный исследователь на основании большого количества разнообразных источников, документов, предметов материального быта, произведений искусства может довольно подробно изучить историю древнеегипетского государства, [4]

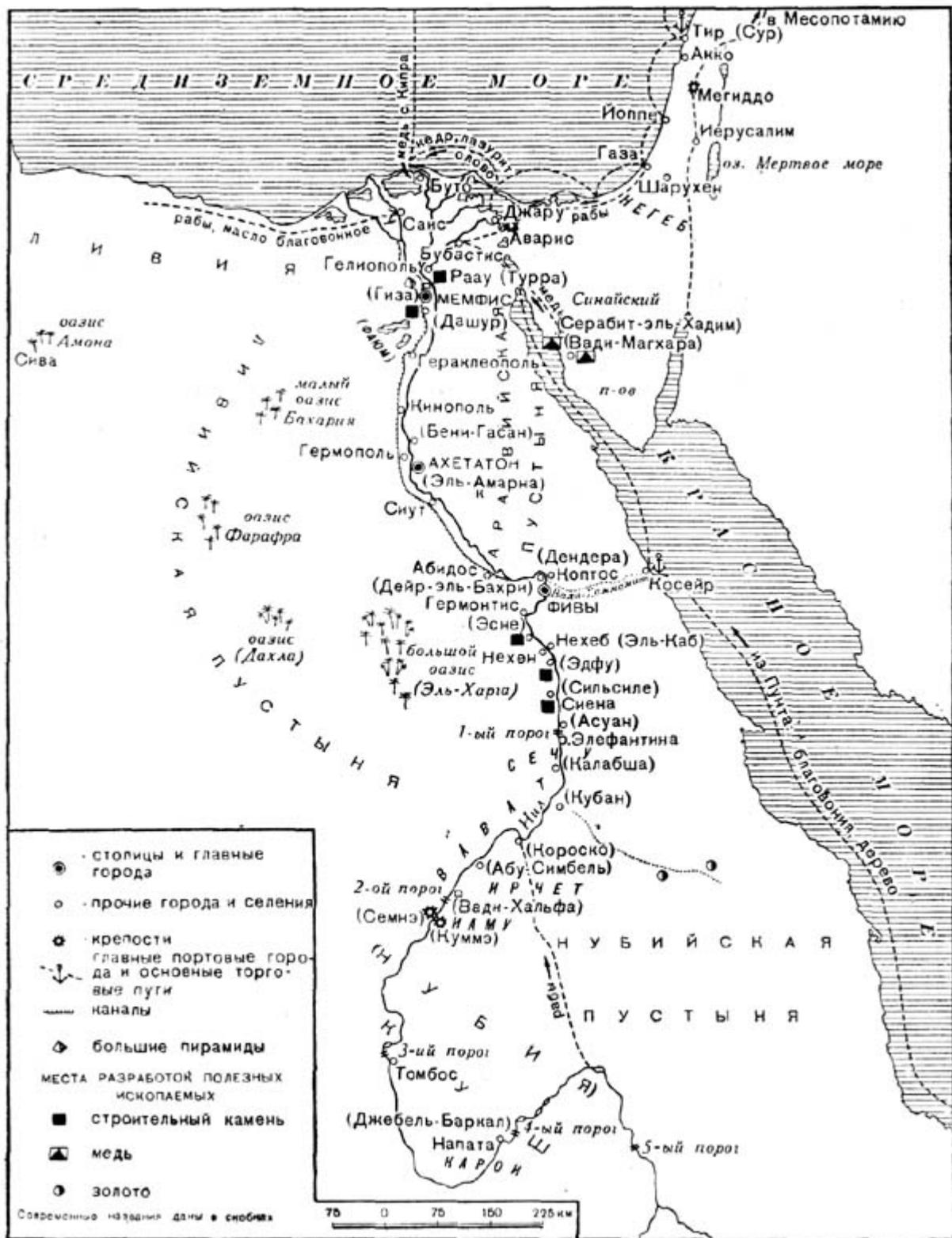
Египет и Передняя Азия в период Нового царства [5]

которое в XVI—XV до н. э. господствовало в западной части древневосточного мира. Чем объясняется рост военного могущества древнего Египта в этот период его истории, каковы были взаимоотношения Египта с соседними странами, в какие формы вылилась военная политика фараонов XVIII династии — вот те основные вопросы, мимо которых нельзя пройти при изучении истории египетского народа, создавшего в глубокой древности своеобразную и высокую культуру.

Буржуазные историки, изучавшие историю древнего Египта, во всех своих трудах стремились подчеркнуть то обстоятельство, что египетские фараоны начали вести завоевательную политику лишь со времени Нового царства. Этот факт они пытались объяснить необходимостью обезопасить Египет от повторного нашествия азиатских племен, необходимостью укрепить азиатские границы египетского государства на северо-восточном направлении, наконец, «законом» исторической инерции, побудившим фараона Яхмоса после изгнания гиксосов из Египта двинуться в Сирию, проводя там широкую завоевательную политику, которую вслед за ним продолжали фараоны XVIII династии. Так, например, американский египтолог Эджертон писал: «Огромное национальное усилие, приведшее к изгнанию гиксосов, дало египетским войскам толчок, который добросил их до северных границ Сирии».¹⁾

Эту устаревшую, традиционно установившуюся в египтологии точку зрения, иногда связанную с «расовой теорией», совершенно некритически поддерживает и западногерманский египтолог А. Шарф, считающий, что «возвышение Египта до уровня великой державы» «является следствием изгнания иноземных гиксосов из Египта».²⁾

Однако все эти рассуждения в корне неправильны и тенденциозны. Древнеегипетский народ был столь же миролюбив, как и остальные древние народы. С другой стороны, египетское государство в древности, особенно в период XVIII династии, вело столь же напряженную военно-захватническую политику, как и другие крупные рабовладельческие государства древневосточного мира, например Аккад в период Саргона и Саргонидов, Вавилон при царях I вавилонской династии, Хеттское государство в XVI—XIII вв. до н.э., а впоследствии Ассирия и древний Иран. Основной причиной этой политики рабовладельческих деспотий древнего Востока, в том числе и Египта, было развитие рабовладельческого хозяйства. Египетские фараоны принуждены были вести эту завоевательную [6]

Египет времен Нового царства [7]

политику со времен Древнего царства, причем наибольшего развития и расцвета военная экспансия древнего Египта получила в период XVIII династии. И, конечно, не «закон» исторической инерции и не пресловутая «воинственность» того или иного фараона обуславливали развитие завоевательной политики египетского государства. В ее основе лежали определенные закономерности развития древнего рабовладельческого общества. Развитие рабовладельческого хозяйства постоянно требовало доставки в Египет различных видов сырья и рабочей силы. Потребность в медной руде заставила фараонов

Древнего царства совершить ряд военных походов на Синайский полуостров. Погоня за золотом и рабами привела к завоеванию богатой Нубии. Развитие внешней торговли заставило египетских фараонов Среднего царства пробить вооруженной рукой дорогу в Палестину, Сирию и Финикию и даже закрепиться на Финикийском побережье. Наконец, что особенно важно, постоянная потребность в дешевой рабочей силе, в рабах, привела к расширению военной экспансии и к тем систематическим войнам, которые стали вести египетские фараоны XVIII династии, для того чтобы окончательно завоевать Нубию, Палестину, Сирию и Финикию и чтобы прочной ногой встать в центре скрещения торговых путей, соединявших Египет с областями Восточной Африки и прилегающими странами Передней Азии.

Поэтому, чтобы вскрыть истинные причины завоевательных войн Тутмоса III и его преемников, фараонов XVIII династии, необходимо ознакомиться с развитием рабовладельческого хозяйства, общества и государства в долине Нила в XVI—XV вв. до н. э.

В период Нового царства в значительной степени развились те элементы рабовладельческого хозяйства, которые возникли в предшествующие времена египетской истории и закономерно вызвали древнейшие завоевательные войны, описанные в первом томе «Военной истории древнего Египта».

Этот том, вышедший в 1948 г., содержит характеристику военной политики Египта от периода Древнего царства до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до н. э., главным образом до завоевательных войн Тутмоса III, когда военно-захватническая политика Египта достигла своего наивысшего напряжения. Особые главы в первом томе посвящены следующим вопросам: военное дело в период Среднего царства, район египетских завоеваний в Передней Азии, наконец, идеологическое оправдание войны в древнеегипетском искусстве.

Примечания (подстраничные)

¹⁾ *W. F. Edgerton. The Government and the governed in the Egyptian Empire. — «Journal of Near Eastern Studies», vol. VI, No 3.*

²⁾ *A. Scharff und A. Moortgat. Ägypten und Vorderasien im Altertum. München, 1950, S. 116.*

Часть первая.

Социально-экономические основы завоевательной политики Египта в период XVIII династии.

Глава I. Экономика Египта

Время царствования первых фараонов XVIII династии было временем значительного роста производительных сил древнего Египта. Завоевательные походы, совершавшиеся систематически в Переднюю Азию и Нубию, способствовали накоплению огромного количества материальных ценностей в Египте. Фараоны после каждого успешного похода привозили с собой богатую добычу, в первую очередь военнопленных, обычно обращавшихся в рабство. Кроме того, покоренное население завоеванных стран платило египетским чиновникам большую дань. Наконец, соседние государства Передней Азии посылали свою дань египетскому фараону, стремясь таким образом откупиться от нашествия египетского войска, которое всегда грозило опустошить эти страны. О накоплении в эту эпоху крупных богатств в Египте свидетельствует интенсивная строительная деятельность фараонов XVIII династии, воздвигших по всей стране множество роскошных и величественных храмов, среди которых выделяется монументальный полупещерный храм, построенный царицей Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри около Фив. Значительная часть этих богатств сосредоточивалась в храмах, что повлекло за собой дальнейшее развитие храмового хозяйства. Крупные материальные ценности скопились и в руках рабовладельческой аристократии, на что указывают рисунки, сохранившиеся на стенах фиванских гробниц знатных вельмож, развитию хозяйства в крупных храмовых и аристократических поместьях способствовал приток рабов, доставлявшихся из соседних стран в Египет. На это красноречиво указывают многочисленные надписи того времени. Так, в надписи Яхмоса, сына Иабаны, говорится: «Осаждали Шарухен в течение шести лет, и его величество взял его. [11] Затем я взял пленных там — двух женщин — и одну руку.^{*)} Пожаловали мне «Золото Храбрости», дав мне военнопленных в качестве рабов».¹⁾ «После того как его величество разгромил азиатов ментиу-сатет, он поднялся по реке до Хент-хен-но-фера, для того чтобы уничтожить нубийские племена лучников иунтиу-сатет. Его величество произвел большое побоище среди них. Тогда там я взял в качестве добычи двух живых людей и три руки. Наградили меня золотом в двойном количестве, дав мне двух рабынь».²⁾ С гордостью говорит автор этой надписи о том, как он был награжден царем:

«Я был награжден золотом семь раз
в присутствии всей страны
рабами и рабынями поровну».³⁾

В этой же надписи приведены имена девяти рабов и десяти рабынь, составивших военную добычу начальника гребцов Яхмоса, сына Иабаны.⁴⁾

О захвате пленников неоднократно говорит в своей надписи также и Яхмос, сын Пеннехбет:

«Я следовал за царем Верхнего и Нижнего Египта Неб-пех-тет-Ра правогласным. Я захватил для него в Джахи одного живого пленника и одну руку».⁵⁾

«Я следовал за царем Джесер-ка-Ра правогласным» и «взял в плен для него в стране Куш одного живого пленника».⁶⁾

«Я служил царю Джесер-ка-Ра правогласному» и «взял в качестве добычи для него к северу от Иаму-Кехек три руки».⁷⁾

«Я захватил для него двух живых пленников в стране Куш, помимо живых пленников, которых я доставил из страны Куш, не считая их».⁸⁾

«Я служил царю Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ка-Ра, правогласному. Я захватил для него в чужеземной стране Нахарине 21 руку, одного коня и одну колесницу».⁹⁾

«Я следовал за царем Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ен-Ра правогласным. Доставлено было из страны Шасу очень много пленников. Я не пересчитывал их».¹⁰⁾

О захвате пленников говорится и в надписи Тутмоса II, в которой описывается его военный поход в Нубию:

«Появился его величество на престоле, когда привели живых пленников, захваченных этим войском его величества».¹¹⁾

Наконец, на одном остраконе времени Тутмоса III содержится список имен 19 сирийских рабов, очевидно, захваченных в плен в Сирии.¹²⁾ [12]

Уже в период Древнего и Среднего царств египетские фараоны захватывали во время своих войн в соседних странах, главным образом в Нубии, а также отчасти в прилегающих областях Передней Азии, множество пленников, которых они, как правило, обращали в рабство. Во время XVIII династии размах завоевательной политики Египта в значительной степени увеличился. В «Анналах Тутмоса III» довольно часто говорится о захвате пленников; можно предполагать, что их уже стали исчислять не только сотнями, но и тысячами. Наконец, во время своего похода в Переднюю Азию Аменхотеп II взял в плен около 100 тыс. чел. Как показывает множество надписей и изображений, эти военнопленные, обращенные в рабство, широко использовались в царском, храмовом и аристократическом хозяйстве в качестве рабочей силы. Иногда эти военнопленные селились в специальных лагерях, образуя особую группу, очевидно, неполноправного и несомненно эксплуатируемого иноземного населения. Таким образом, приток военнопленных, обращенных в рабство, увеличивал количество рабов в Египте в этот период его истории.¹³⁾

Сельское хозяйство

Многочисленные прекрасно сохранившиеся изображения на стенах фиванских гробниц, рисуящие яркие картины быта, показывают, как развивались отдельные виды хозяйства в эту эпоху. По-прежнему большое хозяйственное значение сохраняла ловля речной птицы и рыбы в нильских зарослях. Так, на рельефе из гробницы Сенем-иаха несколько человек затягивают веревкой большую овальную сеть, в которую попало множество птиц. Тяжелую работу по затягиванию сети выполняют три иноземных раба, которых легко узнать по остроконечным бородам, типичным для азиатов. Немного правее на этом же рельефе художник изобразил заготовку впрок битой птицы.¹⁴⁾ Такие же сцены ловли птицы при помощи большой сети изображены на стенах гробниц Уаха, Ипу-им-Ра и Аменемхеба.¹⁵⁾ Особенный интерес представляет изображение из гробницы Аменемхеба. Судя по этому изображению, ловля птиц и рыб в некоторых крупных рабовладельческих хозяйствах проводилась в широких размерах. Мы видим здесь, как пять человек тянут веревку, чтобы затянуть большую сеть, полную птиц. Позади стоит надсмотрщик с палкой в руке. Справа от них чиновник, которого легко отличить по его более богатой одежде из тонкой просвечивающей ткани, относит пойманную птицу. В нижнем регистре изображены шесть человек, затягивающих веревкой, очевидно, большую сеть с рыбой. Несколько правее изображен сидящий человек, занятый [13] работой по заготовке рыбы впрок.¹⁶⁾ Судя по наличию надсмотрщика, в этом поместье работали рабы, но в данном случае не иноземные, а египетские. Таким образом, ловля птиц и рыбы в нильских заводях, широко организованная, имела в эту эпоху в Египте немаловажное значение. Использование дешевого рабского труда давало возможность заготавливать впрок много птицы и рыбы.

Большое место в экономике Египта в эпоху Нового царства продолжало занимать скотоводство, издавна существовавшее в долине и дельте Нила. Особенно ценился здесь крупный рогатый скот, в глубокой древности выведенный, возможно, из местного одомашненного вида зебу. Сохранившиеся изображения позволяют установить некоторые внешние признаки пород крупного рогатого скота, которыми пользовались в те времена древние египтяне. Быки с длинными рогами в форме лиры или полумесяца имели белую шкуру, иногда покрытую красными или черными пятнами. Начиная с эпохи Нового царства в Египте появляется новая порода крупного рогатого скота, очевидно, завезенная из какой-либо соседней страны. Египетский художник тщательно отметил ее внешние отличительные черты: короткие широко расставленные рога, резко подчеркнутый горбик на спине и пятнистую окраску шкуры. Возможно, что эти быки и коровы были завезены в Египет в числе захваченной добычи или дани, доставленной из Передней Азии, а может быть, из Нубии. Так, например, известно, что Фиванский храм Амона получил при Тутмосе III из Палестины дойную корову, а при Рамзесе III — 15 быков из своего сирийского поместья.¹⁷⁾

Особенно ценился короткорогий скот, доставлявшийся в эпоху Нового царства из Передней Азии. В папирусе Анастази IV писец, описывая богатую добычу, привезенную из Передней Азии, говорит о «превосходных быках из хеттской страны и коровах из Арса» (остров Крит).¹⁸⁾ На стенах гробниц иногда изображались короткорогие пятнистые быки, доставленные из Нубии.¹⁹⁾ В очень большом количестве разводили также и мелкий рогатый скот, в частности овец, среди которых, начиная со времени Нового Царства, преобладала порода курдючных (*Ovis platyura aegyptiaca*), окончательно вытеснившая в эту эпоху более древнюю породу (*Ovis longipes palaeoaegyptiaca*). Наряду с курдючными овцами в Египте в эту эпоху встречается и особая порода отличающейся обильной гривой, близкой к козе «полуовцы», которая в диком виде до сих пор встречается в районах, расположенных около Красного моря и в Судане (*Ammotragus lervia*). Все это указывает на значительное развитие скотоводства в Египте в эпоху Нового царства, выразившееся в приручении новых видов [14] домашних животных, улучшении прежних пород и доставке

из соседних стран новых пород, что стало возможным в результате завоевательных походов фараонов Нового царства и укрепления экономических связей Египта со странами Передней Азии и Нубии.²⁰⁾

Главным скотоводческим районом Египта по-прежнему была Дельта с ее большими, хорошо орошаемыми пастбищами.

Очевидно, именно с этим связано широкое распространение и Дельте культа священного быка, которому поклонялись в четырех номах Нижнего Египта: VI (Ксоис), X (Атрибис), II (Кинополь) и XII (Себеннит). В состав иероглифических начертаний названий этих номов входит иероглиф быка.²¹⁾ На наличие множества рогатого скота в Дельте указывается и в тексте таблички Карнарвона, в котором содержится описание войны царя Камесу с гиксосами. Вельможи, созванные на военный совет этим царем, говорят ему: «наши быки в Дельте».²²⁾ В Дельте находились обширные поместья храма Амона, в которых разводились большие стада крупного рогатого скота. В надписи Инени, начальника житницы Амона, говорится о том, что этот знатный чиновник производил в Дельте «осмотр поместья: быков, короткорогих быков, скота и рабов, принадлежавших богу Амону».²³⁾ Здесь же находились и большие поместья, принадлежавшие крупным вельможам, знатым аристократам и чиновникам. В той же надписи чиновника Инени изображается «прибытие Инени, наследственного князя, начальника житницы Амона, для осмотра своих полей и своего скота в северной стране».²⁴⁾

Наряду с выпасом скота на пастбищах практиковалось вскармливание скота в стойлах, прекрасно изображенное на стене гробницы Хети в Дра-абуль-Негга. Мы видим здесь, как пастухи вводят скот в стойла; в отдельных стойлах помещены быки, коровы и телята, в особом помещении хранится и готовится для них корм.²⁵⁾ Все это свидетельствует о дальнейшем развитии животноводческого дела.

На развитие скотоводства в Египте в эпоху XVIII династии указывает количество скота, взимаемого в качестве налога в одном из номов Верхнего Египта (III ном Верхнего Египта). Так, в надписи Рени, сына Себекхотепа, номарха эль-Каба, сохранившейся в его гробнице, говорится:

«Осмотр подлежащего сдаче в качестве налога скота: быков — 122, овец — 100, коз — 1200, свиней — 1500 наследственным князем, начальником жрецов, писцом Рени. Его возвращение, после того как похвалили его, наследственного князя Ренти, за сообщение о налоге».²⁶⁾

Стада, принадлежавшие знатым египтянам, часто изображались на стенах их гробниц, очевидно, как важная составная [15] часть их богатств. Так, например, в гробнице Сенем-иаха изображены пастухи, гонящие перед собой быков, коров, телят и ослов.²⁷⁾ На одном рельефе в гробнице Ипу-им-Ра мы видим стадо длиннорогих и безрогих быков. Тут же изображены два чиновника, которые записывают количество скота (в надписи говорится: «подсчитывается количество стад»). В этой же надписи сохранились слова одного из этих чиновников: «Радуйся приплоду этого года». Особенно интересно то, что один из пастухов изображен с чертами лица, типичными для азиата. Очевидно, это иноземный раб, который работает в качестве пастуха в поместье знатного египтянина.²⁸⁾ Таким образом, приток рабов содействовал в значительной степени развитию скотоводческого хозяйства в Египте в эпоху XVIII династии. Поскольку скот являлся ценным имуществом, которое принадлежало как отдельным знатым египтянам, так и храмам, было важно охранить права рабовладельцев на этот вид их собственности. С этой целью скот клеймили особым клеймом, как мы это видим на одном изображении из гробницы

Небамона.²⁹⁾ Здесь представлен знатный египтянин Небамон, который, сидя на складном стуле, присутствует при подсчете и клеймении скота, принадлежащего храму Амона. В помещенной тут же надписи говорится: «Носитель опахала Небамон говорит писцу Тотноферу: «Не оставляй без внимания быков Амона, этого нашего владыки». Два клеймильщика налагают прямоугольное клеймо на лежащих и связанных быков, третий разогревает клеймо на огне костра.

Некоторое значение, хотя и меньшее, чем разведение скота, имело птицеводство. На стенах уже упомянутых нами гробниц изображены различные виды домашней птицы, как, например, утки, гуси и журавли. В качестве военной добычи в Египте со времени Тутмоса III появляются и куры, которые в описании восьмого азиатского похода этого фараона названы: «птицы этой иноземной страны, которые рождают каждый день».³⁰⁾ Однако основным и главным видом хозяйства в Египте в эпоху XVIII династии оставалось земледелие. Земледельческий быт древних египтян этого времени прекрасно описан в широко распространенной «Повести о двух братьях», ярко отразившей черты земледельческой религии. Земледельческие работы обычно начинались в начале осени после спада летней жары и окончания нильского наводнения, когда поля, достаточно орошенные водой разлива, становились доступными для обработки. Этот момент описан в «Повести о двух братьях» в следующих словах: «И вот, когда пришло время пахать, старший брат сказал ему: «Давай заготовим рабочий скот, чтобы пахать, так как поле вышло [из-под воды после наводнения] и хорошо пахать его».³¹⁾ Этот же момент начала земледельческих [16] работ описан и в надписи, сохранившейся над изображением сеятеля на стене гробницы Пахери. В этой надписи говорится: «Прекрасный день, так как прохладно и быки тащат [хорошо]; небо — по нашему желанию (т. е. благоприятствует нам. — В. А.)...». «Нил был очень высок... [это] — прекрасный год, когда не будет недостатков; [год], богатый всякими травами... родится много телят».³²⁾

Орудия земледельческого труда в силу низкого уровня производительных сил, характерного для раннерабовладельческого общества, в общих чертах и в эту эпоху сохраняли свой прежний примитивный характер.

Количество рабов в сельском хозяйстве постепенно увеличивалось. Поэтому не было стимула для существенного развития техники сельскохозяйственных орудий. К тому же рабовладельцы могли доверить рабам лишь самые грубые и тяжелые орудия, так как рабы не были заинтересованы в их сохранении. Плодородная почва давала возможность земледельцу обходиться самыми примитивными орудиями — мотыгой и первобытным плугом — в течение тысячелетий. Косная традиция сохранила эти орудия в быту до очень поздних времен. Однако начиная со времени XVIII династии в связи с общим, хотя и крайне медленным, развитием техники, можно наблюдать некоторые небольшие усовершенствования в технике сельскохозяйственных орудий.

Так, например, в эпоху Нового царства изменяется форма плуга, который теперь начинают снабжать удлинёнными рукоятками, скрепленными поперечным брусом. Изменяется и способ запряжки быков. Хомут теперь надевают не на рога быков, а на загривок, причем его поддерживают при помощи подпруги в виде нагрудного ремня. Этот плуг, несколько усовершенствованный по сравнению с более древним плугом, был все еще достаточно примитивным и удивительным образом сохранился в Египте, в силу застойности техники и экономики, вплоть до начала нашего столетия.³³⁾ В эпоху Нового царства появляется и новое орудие, специально предназначенное для разрыхления почвы. Это — молоток с длинной рукояткой, который изображен в руках земледельца на стене в гробнице Сенем-иаха.³⁴⁾ Очевидно, некоторый прогресс в развитии земледельческой техники сказался в стремлении качественно улучшить обработку почвы. В плуг обычно

впрягались быки, как это видно на изображении из гробницы Сенем-иаха.³⁵⁾ Начиная со времени Нового царства в плуг стали впрягать и мулов, которые в предшествующий период Среднего царства не были известны в Египте.³⁶⁾ Очень интересно одно изображение из гробницы Пахери. Художник изобразил здесь четырех человек, впряженных в плуг,³⁷⁾ причем один из них [17] чертами лица живо напоминает азиата. Очевидно, в этот период египетской истории тягловая сила домашних животных иногда заменялась тягловой силой человека. Большой приток иноземных рабов дал возможность египетским рабовладельцам широко использовать рабский труд в земледельческом хозяйстве. После вспашки производился посев, а затем на пашню выгоняли скот, который должен был втоптать семена в землю. В более древние времена для этого использовались овцы, а в эпоху Нового царства свиньи, что указывает на распространение свиноводства.³⁸⁾ Этот обычай в силу застойности техники, экономики и всего общественного строя сохранился в Египте вплоть до V в. до н. э. — Геродот, очевидно, имевший возможность наблюдать его своими глазами в Египте, пишет: «Сама собой река наводняет и орошает поля, а оросивши, вступает в свои берега: тогда каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые и втоптывают семена в землю, затем он ждет жатвенной поры, вымолачивает зерно свиньями и получает таким образом хлеб».³⁹⁾

Для жатвы пользовались серпами, причем в эпоху Нового царства стали появляться серпы с металлическими лезвиями, насаженными на деревянные рукоятки, что указывает на некоторый прогресс в технике изготовления земледельческих орудий, который стал заметным начиная со времени Нового царства в связи с дальнейшим развитием металлургии. Однако общая застойность техники сказалась в том, что даже в эпоху Нового царства, наряду с металлическим серпом, все еще пользовались очень примитивным, архаичным, в деревянную оправу которого были вставлены заостренные куски кремня.⁴⁰⁾ Колос срезали довольно высоко, как это видно на сохранившихся рисунках.⁴⁰⁾ Молотьба производилась на току, на особой круглой утрамбованной площадке с возвышенными краями. На эту площадку высыпали из больших корзин колосья, а затем молотили их при помощи быков, которых гоняли по кругу. Зерно отвеивали деревянными совками; эту работу, как наиболее легкую, часто производили женщины. Все остальные земледельческие работы совершались мужчинами. В крупных рабовладельческих поместьях земледельческие работы часто производились рабами под наблюдением особых надсмотрщиков, как это видно на одном рисунке, на котором изображена сцена жатвы.⁴¹⁾

Обмолоченное зерно хранили в круглых закромах с куполообразной крышей. Это глинобитные или сложенные из необожженного кирпича постройки диаметром 2-3 м. В их верхней части было отверстие для засыпки зерна. Доставали зерно через дверцу в нижней части амбара. Два таких амбара для хранения зерна с решетчатыми окнами для засыпки изображены [18] на стене гробницы архитектора Инени в Шейх-абд-эль-Гурна около Фив. На этом рисунке мы видим поместье знатного египтянина, жившего в царствование царицы Хатшепсут и фараона Тутмоса III.⁴²⁾ Остатки таких зернохранилищ были обнаружены при раскопках Ахетатона. В крупных рабовладельческих усадьбах вельмож, живших при фараоне Эхнатоне, в непосредственной близости от господского дома обычно находилось от трех до пяти таких амбаров.⁴³⁾ На восточной окраине Ахетатона были найдены остатки двух огромных зернохранилищ той же самой формы, но значительно превышающих по размерам амбары частных лиц. Диаметр основания зернохранилищ достигает 8 м. К этим большим зернохранилищам вел широкий подъездной путь, выложенный кирпичом. В нижней части зернохранилищ были двери, которые вели в маленькую каморку, где, очевидно, находился писец, присутствовавший при выдаче зерна и подсчитывавший его количество. По-видимому, это были либо царские, либо храмовые зернохранилища, на что указывают их размеры.⁴⁴⁾

Из зерновых культур были особенно распространены ячмень, полба, полуполба (эммер) и пшеница. Ячмень встречался двух видов: обыкновенный четырехрядный (*Hordeum vulgare*) и шестирядный (*Hordeum hexastichon*). В египетских надписях упоминаются два вида ячменя: нижеегипетский и вышеегипетский: = it mhj; = Šm^c.⁴⁵⁾

Полба встречалась трех видов (*Triticum vulgare* Villars, *Triticum spelta*, *Triticum turgidum*). Много сеяли полуполбы, или эммера (*Triticum dicocum*), которую греки называли олира (ολιρα) и о которой писал еще Геродот в следующих словах: «они (египтяне. — В. А.) готовят себе хлеб из олиры, которую иные называют полбой».⁴⁶⁾ Наконец, египтяне знали также и культурную пшеницу (*Triticum sativum* aegypt.), которая в египетских надписях называется «сут» ().⁴⁷⁾

О широком распространении в древнем Египте «олиры», помимо Геродота, писали Феофраст и Диоскурид.⁴⁸⁾ Плиний сообщает о том, что Египет представляет собой сплошное поле пшеницы, которая давала урожай сам-100. По мнению Плиния, главной житницей Египта была Фиваида.⁴⁹⁾

Имеются основания предполагать, что в древнем Египте, начиная со времени Нового царства, была известна плодосменная система, а также система озимых и яровых посевов, причем наблюдение за этими сельскохозяйственными новшествами и усовершенствованиями возлагалось на верховного сановника — везира. В инструкции везиру, текст которой сохранился в надписях гробницы Рехмира, говорится, что верховный [19] сановник должен был давать распоряжения правителям областей и начальникам городов относительно «вспахивания полей летом», очевидно, в месяце пахонс (апрель), т. е. тотчас же после зимнего сбора урожая.⁵⁰⁾ Этот факт указывает на значительный прогресс, который произошел в эпоху Нового царства в области агрономической техники, а также на то, что государственная власть не ограничивалась наблюдением за функционированием оросительной сети, но активно вмешивалась в сельскохозяйственную жизнь страны, вводя ряд мероприятий, которые приводили к интенсификации земледельческого хозяйства. Это объясняется тем, что все развитие экономики аграрного Египта определялось главным образом развитием земледельческого хозяйства. Огородное хозяйство требовало значительно более тщательной обработки почвы и более обильного ее орошения. В эпоху Нового царства египтянам было известно большое количество овощей: салат латук, лук, чеснок, бобы, чечевица, горох, спаржа, сельдерей, капуста, редис, тыква. Огороды встречались не только в сельских районах, но также и в городах, как, например, в Ахетатоне, как это было обнаружено при раскопках в эль-Амарне.⁵¹⁾ Известны были и культуры кормовых трав, а также некоторые масличные растения, в частности кунжут (сезам). Однако растительного масла в Египте всегда добывалось мало, что заставляло египтян привозить его из соседних стран. Большое значение для развития текстильного дела имела культура льна. На многих рисунках и рельефах, сохранившихся на стенах фиванских гробниц, мы видим сцены уборки и обработки льна.⁵²⁾

Прекрасное представление о развитии плодоводства в эпоху XVIII династии дает изображение фруктового сада на стене гробницы архитектора Инени. Судя по изображению, в крупном поместье этого вельможи в непосредственной близости от господского дома находился большой фруктовый сад, в котором росли фруктовые деревья 20 различных видов. Основную массу деревьев составляли здесь 170 финиковых пальм и 120 пальм «дум», которые столь часто встречаются в Фиваиде. Далее в саду Инени росли 90 сикомор, 31 персик, 5 смоковниц, 2 маслины, 5 гранатовых деревьев, 16 стручковых деревьев, 10 тамарисков, 3 дерева «шен», 8 деревьев «кесбет» и множество других деревьев различных видов. В середине сада находился пруд, из которого садовники брали

воду для поливки деревьев.⁵³⁾ Укрепление торговых связей с соседними странами и завоевательные войны способствовали появлению в Египте новых полезных растений, которые были привезены из Нубии, Пунта и Передней Азии и акклиматизированы в Египте. При царице Хатшепсут из Пунта были доставлены в Египет мирровые деревья, высаженные в роскошном парке около храма [20] в Дейр-эль-Бахри,⁵⁴⁾ а при Тутмосе III из Передней Азии было вывезено в качестве добычи множество сортов различных растений, которые тщательно изображены на стенах Карнакского храма.⁵⁵⁾

Ряд изображений на стенах фиванских гробниц позволяет судить о развитии виноградарства и виноделия в Египте в эпоху XVIII династии. Так, на одном рельефе в гробнице Сенем-иаха изображен виноградник, в котором три коленапреклоненных человека собирают в большие сосуды зрелый виноград. Несколько левее изображена давяльня, в которой три человека давят виноград ногами.⁵⁶⁾ Некоторый прогресс наметился в эту эпоху и в виноделии. В больших и высоких давяльнях теперь уже давят виноград до пяти человек одновременно, причем сок по желобу стекает в чан.⁵⁷⁾ Значительные удобства для выжимания виноградного сока представлял изобретенный в эту эпоху специальный пресс, в котором мешок с виноградом был натянут на особую раму.⁵⁸⁾

Таков был уровень развития сельского хозяйства в Египте в начале Нового царства, обусловленный притоком в Египет большого количества рабов. Выше неоднократно указывалось на то, как широко применялись рабы в сельском хозяйстве Египта того времени. Приведем еще один пример. На стене гробницы Ипу-им-Ра, относящейся ко времени Тутмоса III, изображен сбор папируса в болотистых заводях Дельты. На маленькой лодке стоят три человека. Один управляет веслом, другой вырывает стебли папируса, а третий связывает их в большие связки. Справа изображен четвертый человек, несущий на спине большую связку папируса. Особенно интересно то, что из числа работающих людей двое, судя по их внешнему виду, в особенности по прическе, являются типичными ливийцами. Очевидно, это ливийские рабы, работающие в поместье богатого египтянина.⁵⁹⁾ Таким образом, рабский труд в эпоху XVIII династии стал проникать в различные отрасли сельского хозяйства.

Ремесленное производство

Столь же значительного развития достигли в Египте в эту эпоху и ремесленные производства, о чем свидетельствуют многочисленные изображения и соответствующие надписи, сохранившиеся на стенах фиванских гробниц. В эту эпоху существовали крупные для того времени ремесленные мастерские, принадлежавшие главным образом большим храмам. Таковы, например, ремесленные мастерские храма Амона в Фивах, где работали самые разнообразные ремесленники, в число которых входили также и иноземные рабы, на что совершенно [21] ясно указывают изображения и надписи на стенах гробницы Рехмира. Этот высокий чиновник, занимавший в царствование Тутмоса III должности везира, начальника столицы и верховного судьи, был в то же время «начальником храма Амона» и «заведующим всеми работами Амона в Фивах». Ему были подчинены все мастерские храма Амона, которые в силу этого так тщательно изображены на стенах его гробницы.⁶⁰⁾

Среди ремесленных производств древнего Египта видное место занимала обработка камня, восходившая к глубокой древности и достигшая в эпоху Нового царства значительного развития. В быту и во всей культуре древнего Египта большое значение имел камень, которым древние египтяне очень широко пользовались для самых различных целей. Из больших каменных глыб они строили преимущественно храмы и

царские гробницы. Стены этих зданий обычно покрывали высеченными в камне изображениями и надписями. Из камня делали сосуды, произведения искусства (статуи и статуэтки), украшения (бусы), предметы религиозного культа (жертвенные столы, амулеты), погребальные ящики и печатки. Все эти предметы изготавливались при помощи каменных же инструментов, которые с течением времени стали частично заменяться металлическими орудиями. Широкое применение камня в некоторой степени объясняется изобилием его в Египте. Долина Нила с запада и востока окаймлена цепями гор, в которых египтяне имели возможность добывать песчаник, известняк, гранит, диорит, базальт, порфир, серпентин и т. д. А те сорта камня, которых не было в Египте, египтяне получали из соседних стран путем торгового обмена, получившего особенное развитие в эпоху XVIII династии.

Наиболее употребительной породой камня в Египте был известняк, который добывался во многих местностях, на всем протяжении Нильской долины от Каира до Эсне. Однако лучшие сорта известняка получали в каменоломнях Турра, Маасара и Гебелена.

Каменоломни Турра (по-древнеегипетски — Ра-Аау, по-гречески — Τροία) были расположены около древней столицы Египта — Мемфиса. Как видно из надписи Уны,⁶¹ эти каменоломни эксплуатировались еще в эпоху Древнего царства. Судя по сохранившимся в них надписям, здесь добывали камень в эпоху XII, а также и XVIII династии.⁶² В эпоху XVIII династии известняк добывали и в каменоломнях Маасара, находившихся неподалеку от Мемфиса. В двух надписях из этих каменоломен видный чиновник, «хранитель царской печати, единственный друг царя и главный казначей Нофер-перет» сообщает об открытии здесь новых каменоломен в 22-й год царствования Яхмоса I: [22]

Ремесленные мастерские храма Амона в Фивах. Роспись на стене гробницы Рехмира. Новое царство. XVIII династия.

«Открыты были новые каменоломни. Добыт был хороший белый камень для храмов на миллионы лет для храма Пта, прекрасного бога Амона в южной части Фив, для всех памятников, воздвигнутых ему его величеством. Притащили камень при помощи быков, которые его [величество захватил во время своих побед над] Фенеху».⁶³⁾

Таким образом, завоевательные войны первых фараонов Нового царства способствовали развитию камнеобрабатывающего ремесла в Египте. Рабочий скот и, очевидно, рабы, пригнанные в Египет из соседних стран, дали возможность [23] увеличить добычу камня в каменоломнях Маасара и даже открыть здесь новые каменоломни. Позднее, в эпоху XIX и XXVI династий, известняк стали добывать в каменоломнях близ Гебелена.

Начиная с эпохи Нового царства, для постройки крупных зданий, главным образом храмов, стали пользоваться все больше и больше песчаником, который начал постепенно вытеснять известняк в качестве строительного материала. Так, например, большие фиванские храмы (Луксор и Карнак), храм Сети I в Гурна, Рамессей, храм Рамзеса III в Мединет-Абу и храмы во многих других местностях были построены из песчаника. Большие горные массивы песчаника окаймляют долину Нила от Эсне до Ассуана и от Калабша до Вади-Хальфа (у 2-го порога Нила). Желтоватый песчаник египтяне чаще всего добывали в каменоломнях Джебель-эль-Сильсилэ (к северу от Ассуана), а твердый красный песчаник — в каменоломнях близ Джебель-эль-Ахмар (к востоку от Каира). В эпоху XVIII династии песчаник добывали преимущественно в каменоломнях Джебель-эль-Сильсилэ, на что указывают сохранившиеся здесь надписи. Красный, красновато-пестрый и серый гранит добывали в каменоломнях близ Ассуана, черный — в Ибхате (Нубия) около Ассуана, а также в ущелье Вади-Хаммамат. Так называемый алебастр добывался в Вади-Геррауи, южнее Мемфиса, близ Дашура, в 15 км от долины, а также в каменоломнях Хатнуба в Среднем Египте, которые упоминаются в надписи Уны времени VI династии.⁶⁴⁾ Наконец, диорит добывали в районе Абу-симбела.⁶⁵⁾

Техника добывания и обработки камня с древнейших времен была весьма несложной и в то же время весьма устойчивой; в некоторых своих частях она сохранилась до нашего времени как далекий пережиток древней техники. Для добывания камня в скале выбивались отверстия. В них вгонялись деревянные клинья, которые пропитывались водой, что вызывало разлом камня. Каменные глыбы достигали иногда очень больших размеров (например, некоторые монолитные обелиски в Фивах имеют в высоту 33 м). Эти глыбы частично обрабатывались в каменоломнях, а потом доставлялись к месту постройки.

Важнейшими процессами обработки камня были распиливание, обкалывание, обтесывание, сверление и полировка каменных глыб и предметов. Об этих процессах мы можем составить себе некоторое представление по сохранившимся инструментам, по их моделям и подобиям, а также по изображениям различных производственных процессов на стенах древнеегипетских гробниц, главным образом в фиванском некрополе. Большое значение в деле обработки камня имела [24] пила. В эпоху XVIII династии египтяне пользовались для распиливания камня бронзовыми пилами с зубцами разной длины. Следы этих пил ясно сохранились на многих камнях; по этим следам можно судить о форме зубцов и ширине пилы. Для раскалывания и для обтесывания камня служили металлические клинья или зубила, по которым, очевидно, ударяли каменными молотами, сделанными из сиенита, базальта, кварцитового песчаника или известняка. Иногда пользовались и деревянными молотами, своего рода массивными колотушками. Все эти молоты и колотушки либо не имеют ручки, либо имеют ручку, сделанную из того же куска камня или дерева, что и сам молот.⁶⁶⁾

Наряду с этими инструментами для обтесывания камня универсальным инструментом древних египтян, существовавшим в Египте с эпохи пирамид, было обыкновенное тесло.⁶⁷⁾ Выверка поверхностей и вертикалей производилась посредством веревок, наугольника и отвеса, модели которых были найдены в гробнице архитектора Сен-нехема и ныне хранятся в Каирском музее. Множество грузил от отвесов сохранилось до наших дней. Эти грузила сделаны из известняка, алебастра, мрамора, стеатита и дерева. Для сверления камня пользовались различными видами сверл. Одним из древних видов сверла является сверло с дугообразной ручкой, приводившееся в движение веревкой и происходящее, как думают некоторые исследователи, из лука и стрелы. При помощи такого сверла, в частности, просверливали отверстия в каменных бусах, как это видно на фреске в гробнице Ипу-им-Ра. Любопытно отметить, что очень близкий к этому инструмент применялся в Дании для сверления бус вплоть до XVII в. н. э. Прекрасный образец такого сверла, относящийся к XII династии, был найден в Кахуне. Сохранение этого типа сверла вплоть до эпохи Нового царства указывает на чрезвычайно медленное развитие техники в древнем Египте. Для просверливания внутренней полый части сосудов пользовались как кремневыми, так и бронзовыми сверлами. Многочисленные следы бронзовых трубковидных сверл встречаются на различных каменных предметах. Бронзовыми трубковидными сверлами высверливали орбиты глаз каменных статуй, причем для этого употребляли тончайшие сверла — 0,2-0,3 — 0,5-1 мм в диаметре.⁶⁸⁾ Бронзовое сверло, служившее для высверливания каменных сосудов, состояло из трубочки, отягченной сверху грузом, для того чтобы режущая часть сверла сильнее входила в камень. Сверление каменных сосудов изображено на фресках из гробницы Ипу-им-Ра и Рехмира.⁶⁹⁾

Полировка каменных глыб и предметов производилась плоскими полировочными камнями. Наконец, для целей чисто [25] художественной обработки камня служили тонкий металлический резец, долото или ваяло, по которому ударяли молотом. Такие резцы сохранились до наших дней. Концы их обычно не слишком остры.⁷⁰⁾ Очевидно, требовалась особая опытность для пользования ими. Этими резцами высекали изображения и надписи на стенах гробниц и храмов, на стелах и самых разнообразных каменных предметах. Можно предполагать, что художественная обработка камня производилась в Египте для того времени довольно быстро, так как несколько человек работало одновременно над одним и тем же предметом, что указывает на некоторую специализацию. Так, одни люди производили грубую работу, другие же — более тонкую; одни работали над лицами фигур, другие — только над их туловищем, наконец, особые люди были заняты полировкой.⁷¹⁾ Как уже было указано выше, очень многие из этих технических процессов обработки камня прекрасно изображены на стенах гробниц времени XVIII династии. На стенах гробницы Рехмира сохранилось изображение выверки поверхности каменных глыб и обтесывания их при помощи резца и молотка. Очевидно, мастера сперва делали зарубки на камне, а затем, натягивая веревку на деревянные клинья, устанавливали таким образом плоскость требуемой поверхности, а все излишние выпуклости камня скалывали резцом и молотком.⁷²⁾

Изготовление больших архитектурных частей из камня изображено на рельефах из гробницы Тати и Дуаинхеа, относящихся к эпохе Нового царства. Мы видим, как три мастера работают над большим порталом (или ложной дверью), который состоял либо из нескольких больших камней, либо из монолита. Один из них покрывает уже готовую часть портала штукатуркой, другие же выравнивают поверхности камня резцом и молотком. На другом рельефе (из гробницы Дуаинхеа) четверо людей полируют большую ложную дверь каменными орудиями, а затем покрывают поверхность камня штукатуркой. Немного далее там же изображены люди, украшающие большой портал орнаментальными рисунками и надписями, которые высекались резцом, а потом

раскрашивались. Наконец, тут же изображено изготовление колонн, одного из основных строительных элементов древнеегипетской архитектуры. У одних людей в руках тесла, у других — резцы, третьи же пользуются для своей работы плоскими полировочными камнями. Таким образом, на этих рельефах мы можем проследить четыре основные стадии обработки камня: обтесывание, полировку, оштукатуривание и украшение уже готовой двери орнаментом и надписями.⁷³⁾

Наружные и внутренние поверхности больших и роскошных зданий, а также внутренние стены гробниц богатых людей [26] в большинстве случаев почти сплошь покрывались надписями, узорами и рисунками, которые наносились на поверхность стены либо живописной, либо скульптурной, либо комбинированной техникой. Живописная техника состояла в том, что поверхность стены покрывалась штукатуркой, состоявшей обычно из гипса. Затем по штукатурке кистью и красками наносились узоры, надписи и рисунки. При скульптурной технике надписи и изображения высекались на каменном фоне. Техника высеченных изображений (рельефов) достигла высокого совершенства. Применялись все виды рельефа: углубленный, слабовыпуклый и высокий, а также комбинированный вид углубленного и слабовыпуклого, который давал возможность передать игру света и тени. Яркая раскраска рельефных изображений давала наряду с этим любопытный тип соединения живописных и скульптурных приемов изображения.

Большое применение получил камень в качестве основного материала скульптуры. Громадное количество самых разнообразных произведений круглой пластики нередко сделано с высоким техническим совершенством и большим художественным мастерством из разнообразнейших каменных пород. Целый ряд скульптурных моделей, этюдов и неоконченных скульптур позволяет нам в общих чертах восстановить процесс скульптурной техники.⁷⁴⁾ Сначала на каменную глыбу наносилась квадратная сетка, а затем в эти квадраты врисовывалась та или иная фигура, то или иное изображение, которое должно было быть высечено из этой каменной глыбы. Затем грубо намечались под прямыми углами основные плоскости, которые обычно строились по закону художественной фронтальности, и только после этого художник придавал мягкую и скульптурную плавность отдельным частям изображения, тщательно высекая и обрабатывая детали и тонко полируя поверхность уже окончательно готовой статуи. На одной из фресок гробницы Рехмира показана работа скульпторов над изготовлением двух монументальных царских статуй, сфинкса и большой жертвенной плиты. В то время как одни мастера работают при помощи резца и молота (ударного камня), другие полируют поверхность камня плоскими полировочными камнями и раскрашивают высеченные иероглифы.⁷⁵⁾

Таким образом, применение камня для изготовления самых различных вещей, орудий, сосудов, произведений искусства, предметов религиозного культа и украшений, а также применение камня в архитектуре указывает на медленное развитие техники, что вынуждало широко использовать местный вид трудно обрабатываемого сырья, который еще далеко не во всех случаях заменялся более удобными и экономически выгодными для обработки видами сырья (глина и металл). С другой [27] стороны, техническое совершенство, достигнутое при обработке камня, в частности наиболее твердых пород, свидетельствует о некотором прогрессе в технике, что было связано с частичным усовершенствованием инструментария, с появлением и развитием специализации в области обработки камня и с длительным развитием технических навыков. Применение камня для изготовления дорогостоящих бус и сосудов указывает на обогащение имущих слоев населения и на углубление классовых противоречий. Постройка крупных зданий из камня и добывание, а также перевозка камня из далеких районов свидетельствует о применении все большего количества труда рабов, которые систематически и постоянно

работали не только в сельском хозяйстве, но и в ремесленных мастерских и каменоломнях.

Особенно много рабочей силы было необходимо при сооружении больших зданий. Крупная строительная деятельность была развернута еще в царствование Тутмоса I. Царский зодчий, «начальник работ» Инени рассказывает в своей надписи о том, как он «заведовал великими памятниками, которые он (царь, — В. А.) воздвигал [в Карнаке, когда ставились священные колонны и столпы, когда ставились] великие пилоны по обе стороны из прекрасного белого саянского камня... Я наблюдал за поставлением больших дверей [именуемых] «Амон, могучий обилием»: большая дверь была из азиатской меди: тень бога была на ней, изваянная из золота. Я наблюдал за поставлением двух великих [гранитных] обелисков у врат храма. Я наблюдал за построением священной ладьи в 120 локтей длины и 40 локтей ширины, для доставления этих обелисков... [дошедших благополучно и невредимо и причаливших к земле у Карнака]. Я наблюдал за копанием озера, устроенного для себя его величеством на западе Фив; его берега были обсажены всякого рода благоуханными деревьями. Я наблюдал за тем, как высекалась гробница его величества, причем я был один...».⁷⁶⁾

В развалинах большого Фиванского храма в Карнаке сохранились части монументальных построек, которые были сооружены Тутмосом I. Один из тех обелисков, которые описывает в своей надписи архитектор Инени, до сих пор еще возвышается в средней части двора между третьим и четвертым пилонами большого карнакского храма. Высота этого обелиска достигает 23 м, а база его равняется 1,84 кв. м. На его поверхности начертаны три вертикальные строчки иероглифической надписи, из которых средняя принадлежит времени Тутмоса I. В царствование этого же фараона были сооружены четвертый и пятый пилоны этого храма, а также два колонных зала. Один зал находился между четвертым и пятым пилонами, [28] а второй — вслед за пятым пилоном. Потолки этих зал поддерживались 16-гранными деревянными колоннами, поставленными при Тутмосе I. В более поздней надписи Тутмоса III говорится о замене деревянных колонн Тутмоса I новыми колоннами из камня.⁷⁷⁾

Построив свои монументальные пилоны у храма Амона в Фивах, Тутмос I предполагал этими сооружениями завершить архитектурный ансамбль огромного Фиванского храма. Однако он этим не ограничился. Он начал воздвигать величественные, но оставшиеся незаконченными постройки, которые должны были соединить храм Амона с храмом Мут.

Не меньшее, если не большее, количество рабочей силы было необходимо при сооружении полупещерного храма в Дейр-эль-Бахри,⁷⁸⁾ а также для изготовления и доставки из каменоломен больших обелисков.

Эти крупные работы были произведены в царствование Хатшепсут. Огромные обелиски достигали в высоту 97,5 фута и весили каждый приблизительно 350 т. На западной стене нижней колоннады Дейр-эль-Бахрийского храма изображена доставка этих обелисков на особых кораблях. В помещенных тут же, к сожалению, плохо сохранившихся надписях говорится о том, что эти обелиски были доставлены из Элефантины. Очевидно, они были высечены и изготовлены в районе Асуанских каменоломен, а затем доставлены по Нилу в Фивы. Как видно на изображении, две огромные глыбы, по своей форме напоминающие обелиски, были погружены на очень большую баржу. Для перевозки этого груза по реке нужно было 30 буксирных судов, команды которых составляли в общей сложности почти 1000 гребцов. Четыре таких больших обелиска были доставлены в Карнак, причем только один из них дошел до нас. От второго обелиска сохранилась только его верхушка. Возможно, что два таких обелиска были поставлены и в районе Дейр-эль-Бахрийского

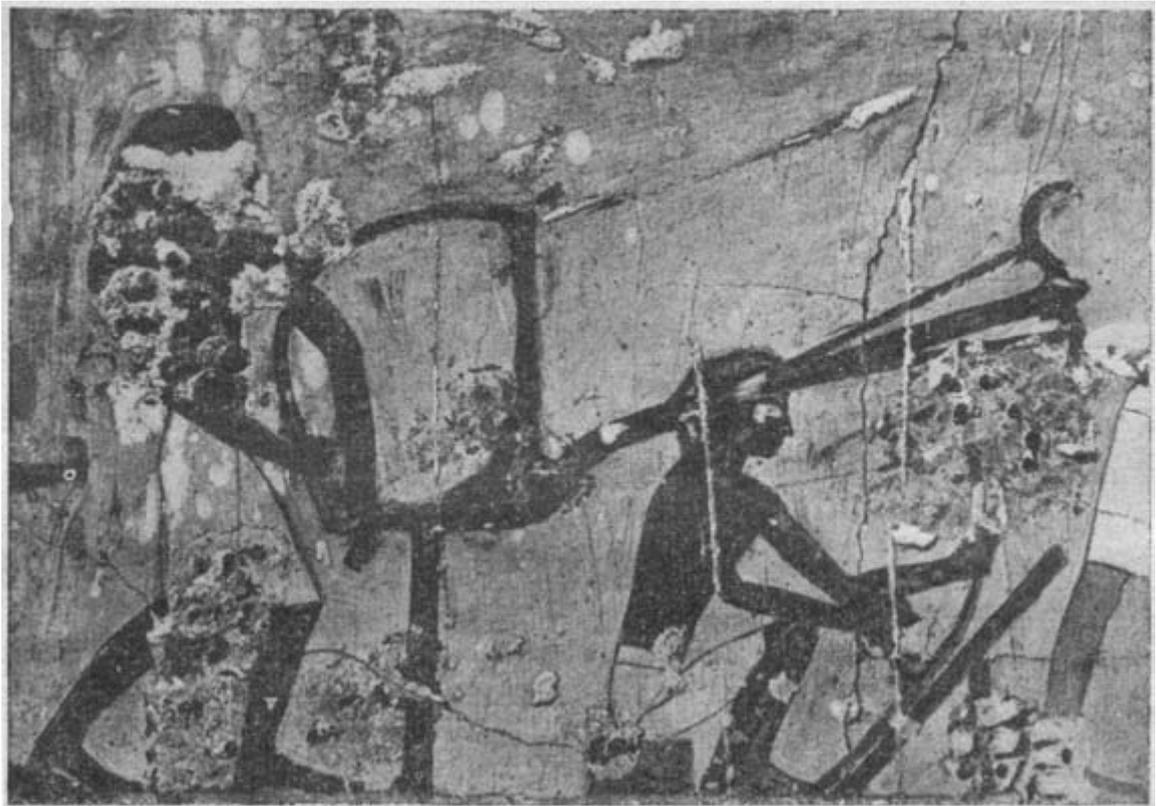
храма, так как именно на стене этого храма изображена и описана доставка двух таких обелисков.⁷⁹⁾ Большие технические трудности представляли не только изготовление и доставка этих обелисков, но также и их установка. Очевидно, для этого были применены особые наклонные плоскости из кирпичей. Во всех этих работах участвовали наряду со свободными и рабы.⁸⁰⁾

Высокого совершенства достигло в Египте в эпоху XVIII династии деревообделочное производство. Отсутствие лесов в Египте и плохое качество местных пород дерева (акация и тамариск слишком малы, чтобы из них можно было изготавливать большие балки, доски или крупные предметы) принуждали египтян вывозить лучшие сорта дерева из соседних стран. Ценное черное дерево привозили из Нубии, а особый вид [29] хвойного дерева (типа киликийской сосны⁺) — из Сирии. Расширение внешней торговли Египта, а также завоевание обширных областей в Нубии и Сирии дали возможность доставлять в Египет значительно больше, чем раньше, иноземного дерева. В ограниченном количестве дерево применялось для строительных целей, в частности из дерева делались потолочные перекрытия, двери, колонны и флагштоки. Как уже указывалось, при Тутмосе I колонны в Фиванском храме были деревянными. Инени в своей надписи говорит о том, что флагштоки (или священные мачты) у ворот храма были сделаны из ценного привозного дерева, которое было доставлено с «террас», т. е. из областей Ливана.⁸¹⁾

Дерево было необходимо для постройки колесниц и кораблей. Развитие внешней торговли в период XVIII династии требовало значительного развития транспорта. Грузы и людей в те времена перевозили главным образом по воде. Поэтому приходилось строить много судов различного типа. Наряду с этим новая военная техника требовала все большего и большего количества колесниц, которые иногда изготавливались из привозного дерева. Весьма возможно, что материалом для египетской колесницы, хранящейся в Музее Флоренции, послужило дерево южноармянского происхождения.⁸²⁾

Наконец, из дерева делали высокохудожественную, часто гнутую мебель, как, например, стулья, кресла, кровати и ларцы, изящные образцы которых были найдены в гробнице Юя и Туйю,⁸³⁾ статуи и статуэтки, различные предметы домашнего обихода (шкатулки, палки и туалетные ложечки), погребальные ящики и самые разнообразные предметы заупокойного культа (стелы, ушебти, ящики для ушебти и т. д.). Дерево было необходимо и для изготовления луков, бумерангов, некоторых орудий труда или их частей.

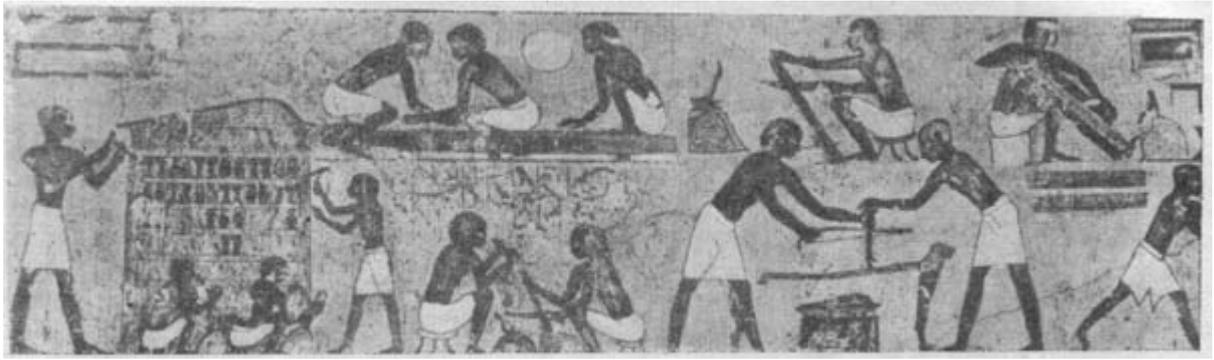
Основными инструментами, служившими для обработки дерева, были топор, пила, долото, колотушка, тесло и бурав. Форма этих инструментов и отдельные виды техники обработки дерева мало изменились в течение тысячелетий. Древнейший вид египетского топора — топор с прямоугольным лезвием, который сохранялся в Египте вплоть до XXVI династии. Начиная со времени Древнего царства в Египте появляется топор с круглым лезвием, постепенно получивший очень широкое распространение и, очевидно, вытеснивший в эпоху расцвета египетской культуры топор с прямоугольным лезвием. Для распилки дерева пользовались одноручной пилой обычно с слегка загнутой ручкой. Долото двух типов, без ручки и с ручкой, [30] а также колотушка являются, наряду с широко распространенным теслом, обычными инструментами египетского деревообделочника, которыми он пользовался для самых различных целей. Эти инструменты, так же как и сверло, о котором сказано выше, мало меняли свою форму на протяжении веков.⁸⁴⁾

Изготовление колесницы. Роспись в гробнице Мен-хепер-Ра-сне-ба.
Новое царство. XVIII династия.

На древнеегипетских фресках и рельефах хорошо изображены почти все стадии обработки дерева, начиная от рубки леса и кончая полировкой готовых предметов. Сцены, изображающие деревообделочников за работой, сохранились во многих гробницах XVIII династии, например, в гробницах Мен-хепер-Ра-снеба, Ипу-им-Ра и Рехмира. На фресках в гробнице Рехмира изображены египетские плотники, которые топором с длинной ручкой раскалывают большие куски дерева. Тут же рядом изображен особый способ распилки досок при помощи небольшой одноручной пилы. Египтянам не были известны большие двуручные пилы. Поэтому египетские плотники были принуждены плотно привязывать распиливаемый кусок дерева к вертикально укрепленному столбу, как мы это видим на фреске в гробнице Рехмира.⁸⁵⁾ Самый процесс распилки очень наглядно изображен на фресках в той же гробнице, а также в гробнице Мен-хепер-Ра-снеба. Иногда мастер, чтобы распилить небольшие куски дерева, садился на маленькую скамеечку, [31] держа левой рукой распиливаемый кусок, а правой — пилу; образец такой пилы хранится в Британском музее.

Для того чтобы скрепить отдельные деревянные части предмета, их сколачивали деревянными гвоздями или особыми шипами, которые делались из наиболее прочного дерева — тамариска. Для соединения двух частей одна из них снабжалась шипами, а другая — соответствующими пазами, причем иногда эти части соединялись, кроме того, деревянными гвоздями или втулками. Дырки для гвоздей делались заранее при помощи долота, которое египетский мастер вбивал в дерево колотушкой. Этот весьма примитивный производственный процесс изображен на фресках гробницы Рехмира и на рельефе гробницы Иби.⁸⁶⁾ Образец долота хранится в Каирском музее, а образец колотушки — в Британском.⁸⁷⁾ Для обшивки дерева пользовались специально напиленной фанерой, которая прикреплялась к доскам и брускам при помощи тонких деревянных гвоздей.⁸⁸⁾

Деревообделочная мастерская. Роспись на стене гробницы Рехмира.
Новое царство. XVIII династия.

Так как местное дерево считалось плохим, а иноземное стоило слишком дорого, предметы, сделанные из местного дерева, покрывались фанерой из дерева более высокого качества, а иногда просто слоем штукатурки. В последнем случае они раскрашивались, причем художник тщательно имитировал слои древесного ствола.⁸⁹⁾ Древнеегипетские мастера тщательно обстругивали деревянные части маленьким теслом, которое служило им в качестве почти универсального инструмента, так как они, пользуясь им, раскалывали дерево, стругали его, выравняли неровности. На фресках в гробницах Рехмира и Менхепер-Ра-снеба изображено, как этим инструментом египетские мастера выравняли поверхности самых разнообразных деревянных предметов: колес, луков и т. д. Образец подлинного египетского бурава имеется в Каирском музее.⁹⁰⁾ Довольно редко встречаются изображения пробуравливания дерева. В виде примера можно указать на одну фреску из гробницы Рехмира,⁹¹⁾ [32] где изображено, как мастер буравит дерево при помощи бурава, который приводится в движение смычком.

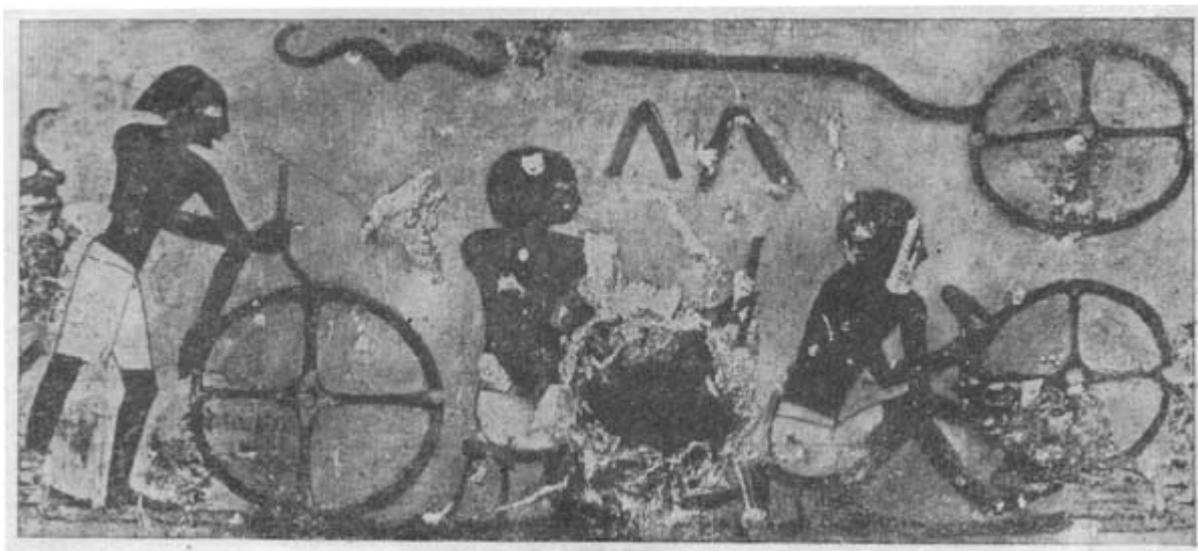

Изготовление щитов. Роспись из гробницы Менхепер-Ра-снеба.
Новое царство. XVIII династия.

Таковы основные и наиболее употребительные способы обработки дерева, которые применялись в эпоху Нового царства. Но наряду с ними в деревообделочном производстве того времени мы можем установить наличие и более сложных способов обработки дерева, имевших целью либо создать искусственную форму, либо придать дереву несвойственный ему вид, либо изукрасить его. Техника выгибания дерева была хорошо известна в эту эпоху. Дерево выгибали во время роста, для того чтобы получить большие куски выгнутого дерева. Кроме того, умели искусственно выгибать отдельные куски уже срубленного дерева. Такое гнутое дерево шло главным образом на выделку колес и луков, как изображено на фресках и рельефах гробниц Менхепер-Ра-снеба и Ипу-им-Ра,⁹²⁾ а также для изготовления мебели, которая поражает нас своей роскошью, богатством форм

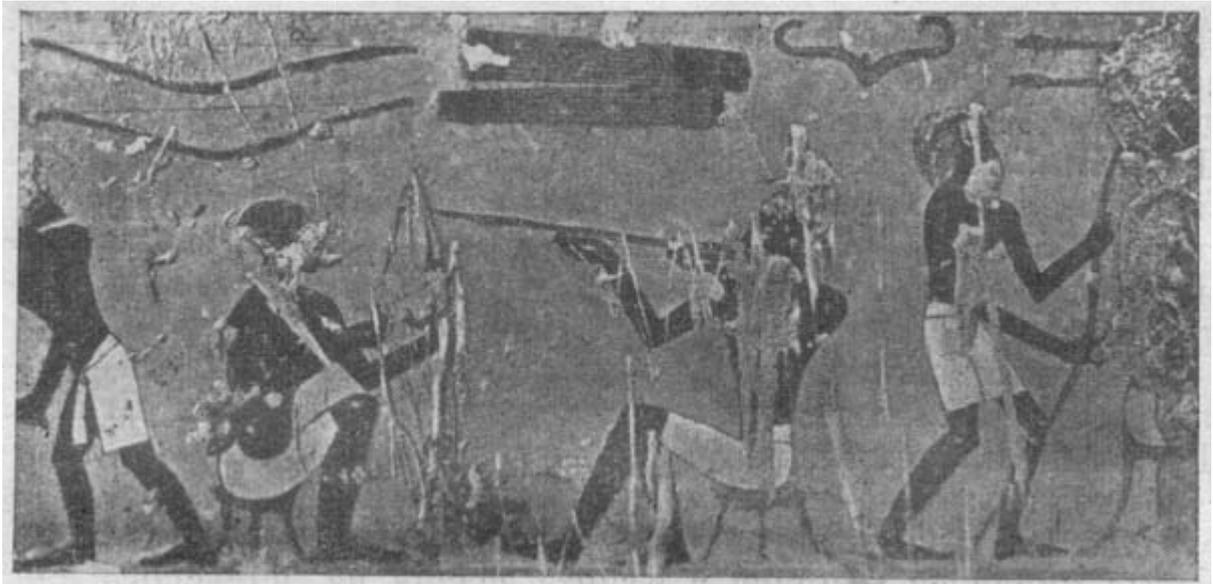
и сложностью украшений. Резьба, инкрустация ценными породами дерева, слоновой костью, благородными металлами, цветными камнями, разноцветной стеклянной пастой и фаянсом, а также целыми отдельно сделанными маленькими художественными изображениями, узорами и рисунками, полировка и, наконец, украшение дерева рельефными, резными или лепными изображениями, узорами и надписями в значительной степени усложняли деревообделочное производство, подымая его до уровня прикладного искусства. На одной фреске из гробницы Рехмира мы видим, как четыре мастера инкрустируют поверхность большого ящика маленькими амулетными изображениями священных эмблем Озириса и Изиды, носивших в Египте название «Столб Озириса» и «Кровь Изиды».⁹³⁾ [33]

Высокое развитие деревообделочного производства требовало большой технической выучки и даже некоторой специализации. Простую и грубую плотничную работу выполняли азиатские и ливийские рабы, как это видно и по некоторым изображениям.⁹⁴⁾ Более тонкой работой — резчика и скульптора по дереву — занимались опытные египетские ремесленники. Очевидно, в эту эпоху социальное расслоение и профессиональная дифференциация получили дальнейшее развитие и стали более заметными, чем в предшествующий период Среднего царства.

Изготовление колес. Роспись из гробницы Мен-хепер-Ра-снеба.
Новое царство. XVIII династия.

К глубокой древности восходило в Египте гончарное производство, служившее главным образом для изготовления сосудов. Наличие в Египте различных сортов хорошей глины давало возможность высоко поднять керамическое производство. Выработанные веками технические навыки сохранялись почти неизменными в течение длительного времени. Однако можно отметить некоторые специфические черты, характерные для гончарного ремесла времени XVIII династии, когда уровень развития производительных сил стал более высоким, чем в предшествующий период. Имеются все основания предполагать, что в начале Нового царства для изготовления сосудов пользовались как особой глиной, так и особым способом ее обработки, в частности обжигом. Так, начиная с середины XVIII и до начала XIX династии керамический черепок отличается твердостью и коричневато-серой окраской. Заметны белые крапинки. Внешняя гладкая поверхность имеет сероватый оттенок. При изготовлении сосудов применялось лощение.⁹⁵⁾ Сосудам придавалась изящная форма. Часто встречаются [34] продолговатые красивые сосуды. В особенности хороши сосуды с длинным горлышком, типичные для этого периода.

Изготовление луков и стрел. Роспись из гробницы Мен-хепер-Ра-снеба. Новое царство. XVIII династия.

Изображения, сохранившиеся на стенах гробниц XVIII династии, дают некоторое представление о технике изготовления глиняных сосудов. Так, на одном раскрашенном рисунке (гробница Кенамона, Шейх-абд-эль-Гурна, № 93) представлено, как один гончар месит глину, а другой формирует высокий, слегка конической формы глиняный сосуд на низком гончарном круге, сидя перед ним на маленькой трехногой скамейке; третий человек приводит в движение двумя руками гончарный круг, в то время как четвертый, поднявшись на три ступеньки, ставит готовый сосуд, очевидно, для обжига или просушки, на высокую воронкообразную печь. Тут же рядом стоит множество готовых сосудов самой разнообразной формы и несколько кадок, наполненных глиной. Таким образом, главным и основным приспособлением для изготовления глиняных сосудов был еще весьма примитивный гончарный круг.⁹⁶⁾ Высоко оценивая значение гончарного круга, получившего некоторое распространение при XVIII династии, египтяне окружили его ореолом священной древности. Характерно, что именно в этот период египетской истории бог Хнум, считавшийся божеством творческой силы и создателем людей, изображался в виде простого мастера, сидящего перед гончарным кругом. Пользуясь этим примитивным приспособлением горшечника, бог Хнум, по представлениям людей того времени, лепил тело ребенка так же, как гончар лепит глиняный сосуд. В руках бога Хнума гончарный круг [35] приобретал значение священного инструмента, предназначенного для создания тела, или вещественного «двойника души» царицы Хатшепсут. Именно в храме, построенном ею в Дейр-эль-Бахри, около северной половины средней колоннады сохранилось это изображение, которое вводило в круг религиозных сюжетов, образов и фигур скромное техническое приспособление древнего горшечника — самый обыкновенный гончарный круг.⁹⁷⁾

Глиняный кирпич был одним из основных и наиболее распространенных строительных материалов в древнем Египте. Широкая строительная деятельность фараонов XVIII династии должна была привести к значительному развитию той отрасли техники, которая была связана с изготовлением глиняных кирпичей. Кирпич в Египте делали из нильского ила, который состоит главным образом из смеси глины с песком. Иногда для придания этой смеси достаточной вязкости к ней добавляли рубленую солому.⁹⁸⁾ Кирпич делали при помощи деревянной формы, а затем сушили его на солнце. Техника обжига кирпича появилась лишь в конце Нового царства. Очень примитивный способ изготовления кирпича сохранялся в Египте в течение тысячелетий. В период Нового царства появляется

массовое изготовление кирпича, причем для этой работы в храмовом хозяйстве пользовались трудом военнопленных, обращенных в рабство.

Прекрасные рисунки на стенах гробницы Рехмира, относящиеся ко времени XVIII династии, дают некоторое представление о технике изготовления кирпича. Художник, расписавший стены этой интереснейшей гробницы, тщательно изобразил все основные моменты этого производства. Слева два человека большими сосудами черпают воду из маленького водоема, обсаженного деревьями. Несколько правее двое других людей разрыхляют груды глины при помощи небольших мотыг, очевидно, смачивая эту глину водой. Эту глиняную массу (тесто) относят в сторону и делают из нее более или менее одинаковые кирпичи, пользуясь для этой цели деревянной формой. Затем их раскладывают рядами для просушки. Другие люди относят готовые кирпичи либо просто на плече, либо при помощи особого коромысла к месту постройки. Надпись указывает на то, что изображенные здесь люди — «пленники, доставленные его величеством для работ [по сооружению] храма бога Амона». Судя по внешнему виду, эти пленники были, несомненно, иноземцами, возможно, азиатами. Около них изображены многочисленные надсмотрщики с палками и плетками в руках. Надпись передает слова одного из этих надсмотрщиков, обращенные к пленнику: «[Палка] хороша в моей руке — не будь ленив». Эти слова красноречиво рисуют [36] жестокую эксплуатацию рабов и тяжелые условия, которые тесным кольцом сковывали их жизнь. Рядом на том же рисунке изображена кладка кирпичной стены, которая частично облицована большими квадратными каменными плитами. Художник наглядно показал своеобразный способ подъема этих плит по наклонной плоскости скошенной, очевидно, недостроенной кирпичной стены. Как предполагает Ньюберри, в помещенной тут же надписи речь идет о рабах, участвующих в постройке данной стены, что вполне согласуется с внешним видом некоторых из этих людей, а также с предшествующей надписью, в которой упоминаются пленные.⁹⁹⁾

Очень большое распространение получило в период XVIII династии производство фаянса, достигшее высокого технического совершенства. Перешагнув пределы обычного ремесла, изготовление фаянса постепенно превратилось в крупную отрасль художественного производства. Технические навыки, созданные в течение Среднего царства, тщательно поддерживались в последующий период Нового царства. При этом можно отметить и некоторый дальнейший прогресс. Из фаянса в это время делали самые разнообразные украшения, сосуды, в частности туалетные, статуэтки, амулеты, предметы заупокойного культа, как, например, статуэтки «ответчиков» (ушебти) и т. п. О высоком расцвете фаянсового производства и это время свидетельствует большой жезл «уас», длина которого превышает 1,5 м. Этот жезл, относящийся ко времени Аменхотепа II и хранящийся в Лондонском музее Виктории и Альберта, очевидно, применялся при религиозном ритуале. Фаянсовый слой, покрывающий этот жезл, разделен на ячейки длиной в 25 см, причем все ячейки соединены вместе общим слоем фаянсовой массы.

Для изготовления фаянса египетские мастера пользовались искусственной смесью, в которую входили мелко истолченный кремнезем, растертый песок, песчаник и кварцит, медная углекислая соль, известь, поташ и некоторые другие ингредиенты. Особая смесь, которой покрывалась поверхность отформованных предметов, при обжиге превращалась в слой глазури. Чаще всего применялась синяя или зеленая глазурь. Возможно, что эти цвета должны были воспроизводить естественную окраску любимых египетских драгоценных камней — лазурита и малахита. Гораздо реже встречаются красный, фиолетовый, пурпуровый, темно-синий, желтый и белый цвета глазури. Смесь, которой покрывались предметы, готовилась заранее, варилась и разогревалась в особых сосудах. Печи для глазурного обжига были сравнительно невелики. Их диаметр колебался от 1 до 2,5 м. Сосуды, предназначавшиеся для обжига, ставились на дно печи дном кверху. [37]

Особенного совершенства достигли египетские мастера в технике изготовления стеклянной пасты, которая по составу немногим отличается от современного обычного стекла. Хотя египетские мастера умели изготавливать стеклянную пасту в период Древнего и Среднего царств, однако эта техника вошла в жизнь, получила широкое распространение и производственное значение лишь со времени XVIII династии. Это — одно из свидетельств того, что именно данная эпоха была расцветом рабовладельческого хозяйства в Египте, получившего значительное развитие по сравнению с предшествующим временем.

Некоторые твердо датированные предметы из стеклянной пасты, несомненно, относятся ко времени XVIII династии. Такова, например, большая бусина с именем Аменхотепа I, хранящаяся в Оксфордском музее. Большое количество бус, относящихся к ранней XVIII династии, было найдено Картером в Фивах.¹⁰⁰⁾ Интереснейшие образцы египетского фаянса и стеклянной пасты этого времени хранятся в советских музеях: московском Музее изобразительных искусств и ленинградском Эрмитаже. Эти предметы подвергались специальному изучению со стороны советских ученых.

Наибольшее значение среди всех ремесленных производств древнего Египта имела металлургия, возникновение и развитие которой произвело целый переворот как в технике, так и в экономическом развитии страны. Металлургия служила для изготовления орудий труда и оружия. Орудия труда и оружие, сделанные из камня, медленно, но верно вытеснялись соответствующими металлическими предметами, что обусловило большой прогресс в области еще в общем примитивной техники. Наибольший сдвиг в этом отношении наметился в начале XVIII династии, когда бронза, появившаяся в предшествующий период, т. е. с эпохи Среднего царства, стала получать в Египте всеобщее распространение, постепенно вытесняя медь и медные изделия. Бронза обладала некоторыми преимуществами по сравнению с медью, она была прочнее и плавилась при более низкой температуре, что облегчало технический процесс ее изготовления и обработки. Медь добывалась в восточной пустыне, отделявшей долину Нила от Красного моря, и главным образом на Синайском полуострове. Рудники, расположенные в Вади-Магхара и Сарбут-эль-Хадим, отчасти эксплуатировались еще в период Нового царства, но уже были в достаточной степени истощены. При Тутмосе III эксплуатация медных рудников близ Сарбут-эль-Хадим все еще сохраняла некоторое значение, так как в царствование этого фараона был перестроен и расширен храм, построенный здесь ранее, очевидно, при Аменемхете III. Впоследствии медь пришлось [38] привозить с Кипра, где находились большие месторождения меди и где в этот период процветала добыча медной руды. На доставку меди в Египет с Кипра указывают некоторые письма, сохранившиеся в Амарнском архиве.¹⁰¹⁾ Впрочем, большое количество меди должно было доставляться в Египет в результате больших завоевательных войн, которые вели фараоны XVIII династии. Медь попадала в Египет в качестве военной добычи, дани или товара. В надписи царского зодчего Инени описываются и перечисляются различные металлы, которые применялись при постройке храма, причем выделяется «азиатская медь»: «...Его двери были сделаны из меди, выделанной в виде одного куска: отдельные его части были сделаны из электрума. Я наблюдал за тем, что сооружал его величество... бронза, азиатская медь, нагрудные украшения, сосуды, ожерелья».¹⁰²⁾

До сих пор еще не изучен вопрос о происхождении того олова, которое применяли египтяне для изготовления бронзы. Флиндерс Петри предполагал, что египтяне получали олово из Центральной Европы, из Саксонии или Богемии, где один округ носил название «Оловянный Лес» (Zinnwald).

Однако это предположение не выдерживает серьезной критики, так как ни тексты, ни археологические находки не позволяют установить какие-либо экономические или иные связи между древним Египтом и Центральной Европой. Интересно отметить, что в некоторых районах Африки — Нигерии, Родезии и Северном Трансваале — были обнаружены древние разработки олова. Но этот вопрос до настоящего времени еще очень мало изучен в научной литературе.¹⁰³⁾

Все же в эпоху XVIII династии египтяне пользовались оловом для изготовления не только бронзы, но даже отдельных предметов. Так, например, были найдены маленькое колечко и сосуд, сделанные из олова, относящиеся ко времени XVIII династии.

В период XVIII династии были усовершенствованы старые, давно установившиеся способы металлургической техники, среди которых были наиболее распространеныковка и литье, хорошо изображенные на стенах гробниц Мен-хепер-Ра-снеба, Ипу-им-Ра и Рехмира.¹⁰⁴⁾ Металл ковали при помощи плоского гладкого камня, который трудно назвать молотом, ибо он не имеет ручки и по своей форме ничем не напоминает даже примитивнейший молот. Как отдельные куски металла, так и металлические изделия, например сосуды, ковались на низких плоских наковальнях. Судя по сохранившимся изображениям, мастер принужден был разогревать во времяковки плитки металла или металлические предметы на огне костра, который раздувал воздуходувной трубкой с огнеупорными [39] наконечниками. Иногда проковку и разогревание производил один человек, иногда в этой работе участвовали двое. На одной фреске из гробницы Рехмира видно, как мастер сидит на низеньком трехногом стульчике перед маленькой печью, на огне которой он разогревает кусок металла. Этот кусок он держит одной рукой при помощи щипцов, а другой рукой он держит у рта трубку для раздувания огня. Около него стоят две низкие плоские наковальни с камнями, которыми пользовались в качестве орудия дляковки. На стенах той же гробницы изображено изготовление металлического (возможно, серебряного) сосуда, закрепленного на косо поставленном основании. Очевидно, этот сосуд надо было все время разогревать на огне костра. Около мастера, проковывающего стенки этого сосуда простым камнем, изображены костер и главные инструменты: щипцы и воздуходувная трубка.

Особенно ясно показана на рисунках и рельефах времени XVIII династии техника литья металла, значительно усовершенствованная в этот период. Плавил металл в маленьких тиглях, которые поддерживали при помощи эластичных огнеупорных тростей над огнем низкого костра. Огонь раздували особыми мехами, которые двое людей приводили в движение ногами, как это мы видим на рисунках в гробнице Мен-хепер-Ра-снеба и Рехмира.¹⁰⁵⁾ При раздувании мехов надо было делать строго ритмичные движения. Нажимая одной ногой на один мех, надо было приподнимать другую ногу над другим мехом и в то же время широко раскрывать его особой веревкой. Эта своеобразная система ножных мехов для раздувания огня костра появилась только в эпоху Нового царства в виде своеобразного усовершенствования примитивной литейной техники. На этих же рисунках вслед за плавкой изображено литье. Из того же самого тигля, содержащего теперь уже расплавленный металл, мастера, поддерживая тигель теми же самыми огнеупорными тростями, льют расплавленный металл в формы через ряд небольших воронок.

Здесь же показана готовая продукция — две створки отлитых металлических дверей. Несколько правее на рисунке из гробницы Рехмира представлены трое людей, которые под наблюдением надсмотрщика несут на плечах слитки металла, предназначенные для плавки. Человек, идущий впереди, несет большой кусок металла, за ним следуют двое, которые несут на плечах корзины с грудой более мелких слитков, по-видимому, другого

металла. Поэтому можно предполагать, что здесь перед нами изготовление сплава из двух различных металлов: более ценного и более дешевого.¹⁰⁶⁾ В помещенной тут же надписи поясняется: «Доставка слитков меди, привезенной его величеством после победы над страной Речену для изготовления [40] створок дверей храма Амона в Фивах».¹⁰⁷⁾ Очевидно, что и в данном случае пользовались «азиатской медью», которая была получена в виде военной добычи или дани и считалась медью лучшего качества. На рисунках XVIII династии мы видим также и полировку металлических предметов. Для этой цели металлический предмет, в данном случае готовый сосуд, закреплялся на косо поставленной палке и полировался при помощи плоских каменных инструментов неясной формы. На различных изображениях этого времени можно наблюдать одинаковые моменты металлургической техники, указывающие на стойкость и неизменность технических навыков в этой отрасли производства. Чисто художественное значение имела гравировка орнамента, рисунков и надписей на поверхности сосудов при помощи резца, по которому ударяли плоским камнем. На появление в Египте в эту эпоху иноземных художественных изделий или же на факт изготовления металлических изделий, рассчитанных на иностранный средиземноморский рынок, указывает один интересный рисунок в гробнице Ипу-им-Ра: в металлургической мастерской человек, сидящий на корточках, тщательно гравировал поверхность большого сосуда, крышка которого украшена головой быка — символическим и художественным изображением, столь типичным для произведения искусства эгейского круга.¹⁰⁸⁾

Сохранившиеся в большом количестве бронзовые статуэтки свидетельствуют о широком применении особого способа литья, при котором сперва приготавливали модель данного предмета из песка и золы. Затем эту модель покрывали воском, на который в случае необходимости наносили орнаменты, рисунки или надписи. После этого модель густо облепляли глиной, оставляя в ней лишь небольшое отверстие. Когда глина застывала, через отверстие вливали металл. Растопленный воск пропитывал собой модель, в то время как металл покрывал ее тонким слоем, точно воспроизводя ее форму и гравировку на воске.

Таким образом выливался необходимый предмет, причем модель оставалась внутри него, скрытая как бы внутри металлического футляра. Интересно отметить, что такой оригинальный способ литья по растопленному воску применялся и древними урартами в I тысячелетии до н. э.¹⁰⁹⁾

Из меди и бронзы в древнем Египте выделяли самые различные вещи: орудия и инструменты (топоры, пилы, мотыги, ножи, молотки); оружие (мечи, кинжалы, боевые топоры-секиры, наконечники копий и стрел); сосуды бытовые и ритуальные; статуэтки богов, царей, священных зверей и множество других художественных и ремесленных, бытовых и ритуальных предметов. [41]

Значительного развития достигла техника изготовления различных металлических сплавов, как на то указывает особый термин: «бронза, состоящая из шести частей». Весьма возможно, что это был сложный металлический сплав, напоминающий по цвету золото или латунь.¹¹⁰⁾

К бронзовым сплавам добавлялся иногда и свинец, который мог в древности добываться в областях, непосредственно прилегающих к долине Нила. Так, месторождения свинца имеются в Джебель-Росас, неподалеку от побережья Красного моря к югу от Косейра, в Ранга, на побережье Красного моря. Древние разработки свинца были обнаружены в Джебель-Барам, в 40 км к востоку от Ассуана. Добыча свинца не должна была представлять технических трудностей для древних египтян, так как точка плавления

свинца не превышает 327° С, в то время как температура плавления золота равняется 1063°, а меди — еще выше и достигает 1083°. До сих пор еще не выяснен вопрос, пользовались ли египтяне в эпоху XVIII династии местным свинцом или доставляли также некоторое количество свинца из соседних стран. Наличие месторождений свинца в Восточной Африке давало им возможность использовать местную руду, однако ни надписи, ни археологические данные не позволяют утверждать это категорически. С другой стороны, на одном рельефе, который может быть отнесен ко времени первой половины XVIII династии, изображены люди, несущие плитки металла. Судя по надписи, здесь изображены азиаты, доставляющие в Египет слитки свинца. Это подтверждается далее и тем, что в «Анналах Тутмоса III» в списке даров, которые фараон жертвует храмам после победоносного возвращения из Азии, значится наряду с другими металлами также и свинец. Из свинцового блеска, иногда в соединении с сурьмой, делали особый состав для подкрашивания бровей, ресниц и век, получивший в древнем Египте широкое распространение.¹¹¹⁾

Обработка драгоценных металлов достигла в Египте в период XVIII династии значительного развития. Флиндерс Петри, специально изучавший художественные прикладные ремесла в древнем Египте, считает, что золотые украшения царицы Яххотеп уступают по качеству художественной обработки золота ювелирным изделиям предшествующего времени. Однако из этого единичного факта, требующего проверки и доказательства, нельзя делать каких-либо обобщающих выводов. С другой стороны, со времени XVIII династии золото стало поступать в Египет из нубийских рудников, а также в качестве военной добычи и дани в большем количестве, чем раньше. Обогащение правящего класса рабовладельческой аристократии вызвало к жизни высоко развитое ювелирное производство. [42] Роскошные и тончайшие художественные изделия из золота и серебра, найденные в гробнице Тутанхамона, указывают на высокое техническое совершенство ювелирного мастерства в период XVIII династии. Конечно, этот высокий уровень и технике обработки золота и серебра не мог быть достигнут сразу. Были сохранены и использованы технические навыки и опыт всего предшествующего периода. Но в то же время и в этом производстве можно обнаружить некоторый прогресс, обусловленный общим подъемом рабовладельческого хозяйства.

Золото добывали в восточной пустыне и Нубии. Некоторые единичные разработки золота были обнаружены к северу от дороги Кена — Косейр, но большинство золотых рудников находилось в Нубии. Очевидно, для разработки золотых рудников пользовались самой дешевой рабочей силой, главным образом рабами. Классическое описание тяжелой эксплуатации труда при добывании золота в нубийских рудниках сохранилось у Диодора.¹¹²⁾ Весьма возможно, что эти условия труда сохранились со времен глубокой древности. Чрезвычайно характерно, что в начале XX в. были восстановлены золотые рудники в Египте, причем в течение 19 лет (1902—1920) было добыто 83 тыс. унций золота на сумму свыше 350 тыс. ф. ст. Однако добыча золота здесь была прекращена, так как было признано, что она экономически невыгодна ввиду трудности и дороговизны работы. Таким образом, только в условиях рабовладельческого хозяйства и тяжелой эксплуатации труда рабов при низком уровне производительных сил можно было использовать эти золотые рудники.

Египетские ювелиры пользовались целым рядом сортов и сплавов золота, как видно из египетских текстов и современных анализов египетских золотых изделий. В текстах мы встречаем «золото из коптосской пустыни», «нубийское золото», «азиатское золото», «белое золото», «хорошее золото», «золото второго сорта», «золото третьего сорта». Древнеегипетское золото по внешнему виду отличается разнообразием. Встречается золото блестящее и матовое, желтое, зеленоватое, красноватое различных оттенков,

красновато-коричневатое, светло-кирпичного оттенка, кроваво-красного отлива, пурпурового и розового тона, наконец, сероватое. Блестящее желтое золото совершенно чисто по своему составу. Матово-желтое золото содержит незначительное количество серебра, немного меди и следы железа, приближаясь по составу к естественному сплаву золота с серебром, который часто применялся египтянами в ювелирном деле и впоследствии получил у греков название *ελέκτρον*, а у римлян — *electrum*. Наряду с этим естественным сплавом египтяне умели изготавливать и искусственный сплав [43] *электрума*. Красновато-коричневатое золото содержит следы меди, железа и серебра. Розовая окраска золота появилась в результате особого раскаливания золота в растворе железных солей. Современные анализы золота и *электрума* дали очень интересные результаты, в частности показали, что в искусственном *электруме* доля золота с течением времени все более уменьшалась.¹¹³⁾

В эпоху XVIII династии появились и совершенно новые способы обработки золота, например плетение тонких золотых нитей для изготовления высокохудожественных цепочек, что свидетельствует о дальнейшем совершенствовании ювелирного дела.

Вплоть до эпохи Нового царства серебром в Египте пользовались крайне редко. Серебро в это время очень дорого ценилось. Известно, что в период Древнего царства серебро ценилось вдвое дороже золота. В Египте не имеется месторождений серебра. Можно предполагать, что египтяне в древности называли особый вид золота с большим содержанием серебра «белым золотом», а потом стали обозначать этим словом настоящее серебро, привозившееся ими из соседних стран, в частности из Малой Азии, главным образом начиная со времени XVIII династии.¹¹⁴⁾ Благодаря доставке в Египет большого количества импортного серебра стоимость серебра в период XVIII династии резко снизилась. Так, при Аменхотепе I стоимость серебра относилась к стоимости золота как 1/3 : 1.¹¹⁵⁾

Техника изготовления драгоценных серебряных сосудов хорошо показана на одном рисунке в гробнице Рехмира. Очевидно, в больших мастерских при храме Амона в Фивах находились не только литейные «цехи», но и специальные ювелирные мастерские. Мы видим здесь ковку, чеканку и гравировку серебряных сосудов. Тут же показано взвешивание на больших весах золотых и серебряных слитков в форме массивных колец, причем писец записывает результаты взвешивания. Надпись поясняет, что здесь изображено изготовление различных сосудов «из золота и серебра» различными способами.¹¹⁶⁾ По-видимому, эта роскошная утварь выделялась специально для храма Амона. Такими ювелирными изделиями пользовались при царском дворе. Ими могли пользоваться и высшие представители рабовладельческой аристократии. Доставка большого количества серебра из соседних стран, главным образом из Передней Азии, способствовала развитию ювелирного искусства.

Текстильное производство занимало в древнем Египте важное место среди других ремесел и со времен глубокой древности достигло значительного развития и широкого распространения. Но особенно заметный технический прогресс наметился [44] в области текстильного производства со времени XVIII династии, когда в связи с развитием рабовладельческого хозяйства произошел сдвиг в развитии египетской техники и экономики.

Основным материалом, из которого египтяне делали свои ткани, был лен. Из льняной нитки они изготавливали как толстый и прочный холст, так и тонкий, прозрачный и ценный материал, напоминающий современный газ или муслин. В льняные ткани одевался египтянин при жизни, в льняные пелены и покровы обертывал он мумии.

Обработка льна изображена на ряде рельефов и рисунков, сохранившихся на стенах гробниц. Мы видим, как для получения особенно длинных волокон египтянин вырывал стебли льна вместе с корнем целыми пучками из земли. Затем он связывал эти пучки в снопы и клал их для просушки на поле. На других изображениях представлены дальнейшие стадии обработки льна. Длинные стебли льна погружаются в особый сосуд и в нем «варятся», как гласит надпись. Затем люди бьют молотками по вываренным стеблям, чтобы отделить сердцевину стебля от ее внешней части. Далее изображается прядение ниток и, наконец, тканье.

Особенному усовершенствованию подвергся, начиная с Нового царства, ткацкий станок. Древний горизонтальный ткацкий станок был снабжен блоком и в некоторой степени усовершенствован, что дало возможность изготавливать на нем ткани, превосходящие по длине размер станка. Кроме того, в эпоху Нового царства появился и значительно более усовершенствованный вертикальный ткацкий станок, очевидно, служивший для изготовления гобеленных тканей, образцы которых сохранились до наших дней.

Техника изготовления тканей достигла высокого совершенства. Анализ тончайших египетских тканей показал, что они содержат в одном квадратном сантиметре 138 на 40 ниток, а наиболее грубые — 21 на 15 нитей. Таким образом, пропорциональное отношение количества нитей в основе к количеству нитей в утке колеблется от 3,6:1 до 9:8.¹¹⁷⁾

Развитие кожевенного производства в период XVIII династии было связано с расцветом военного дела, образованием большой армии и широким размахом военной политики египетского правительства. Египетские армии нуждались в сандалиях, колчанах, панцирях, которые делались из кожи. Мех и кожа требовались для обивки щитов. Появление боевых колесниц и применение лошади повлекли за собой большую потребность в кожухах для колесниц и кожаной сбруе. Наконец, разбогатевшие представители рабовладельческой знати стали все больше и больше пользоваться предметами роскоши, [45] сделанными из кожи. Из нее выделывали футляры для зеркал, особые украшения для головы в виде сетки и сиденья кресел.

На стенах гробницы Рехмира представлена целая маленькая мастерская кожевников. Судя по этим рисункам, в период XVIII династии кожевенное производство, как и ряд других ремесленных производств, было уже значительно развито. Художник тщательно изобразил все основные процессы обработки кожи и изготовления различных кожаных изделий. Мы видим здесь, как один из кожевников погружает в большой сосуд целую кожу, очевидно, тщательно ее вымачивая. Вирэ и Врещинский считали, что здесь изображено дубление кожи. Однако анализы сохранившихся египетских кожаных изделий не дали указаний на дубление. Поэтому И. М. Лурье полагает, что дубление в древнем Египте не производилось.¹¹⁸⁾ После вымачивания кожи с нее удалялась шерсть при помощи острого каменного скребка. Этот производственный процесс в эпоху Нового царства был несколько усовершенствован. В предшествующий период шерсть удалялась одной рукой, а кожа поддерживалась другой. Во время Нового царства египетские кожевники стали применять особый камень для поддержания кожи, что дало им возможность пользоваться двумя руками для очистки кожи от шерсти. Это техническое усовершенствование, очевидно, ускорило процесс работы и в то же время повысило качество продукции. При обработке более дорогих сортов кожи шерсть выщипывалась руками.

Кожи, очищенные от шерсти, пропитывались жиром, чтобы сделать их эластичнее и прочнее. На одном рисунке из гробницы Рехмира¹¹⁹⁾ мы видим мастера, который сидит на

маленькой скамеечке и держит в руках кожу. Около него находится сосуд с жиром. Кожи, пропитанные жиром, растягивались на особом треножнике. Этой операцией заканчивались общие технические способы обработки кожи в целом.

Далее здесь же изображено изготовление кожаных ремней и сандалий. Поэтому можно предполагать, что изготовление именно этих предметов широкого обихода было особенно распространено в древнем Египте. Для разрезания кожи египетский мастер пользовался серповидным ножом, который сохранился вплоть до римской эпохи. Отверстия в коже прокалывались особыми шилами различных видов. Все эти инструменты египетского кожевника тщательно изображены на стене гробницы Рехмира. Для изготовления длинных ремней круглый кусок кожи разрезался в виде спирали. Из таких узких и длинных ремней плели прочные кожаные веревки. Неровно обрезанный край кожи выравнивался при помощи деревянной колотушки.¹²⁰⁾ [46]

Большой интерес представляет и художественная обработка кожи, которая достигла в период Нового царства высокого совершенства. Различные предметы, как, например, футляры или передки колесниц, украшались тисненными рисунками, узорами и даже надписями. Таким образом, и в кожевенном производстве, как и в других ремесленных производствах, в период XVIII династии произошел значительный сдвиг, обусловленный некоторым техническим прогрессом и увеличением производства. Имеются все основания предполагать, что и среди кожевников были рабы, чаще всего иноземные. На рисунке в гробнице Рехмира изображен ливиец, сидящий на низенькой скамеечке и вымачивающий кусок кожи. Рабы, работавшие в кожевенных мастерских, подчинялись особым надсмотрщикам. Эти рабы находились в особенно тяжелом положении, как это видно из «Поучения Дауфа».

Кожевники снабжали египетское войско большим количеством разнообразных изделий. Весьма возможно, что в кожевенном производстве, как, впрочем, и в других отраслях египетского ремесла, стала возникать специализация. Отдельные стадии, формы и виды обработки кожи получали свое обозначение и в языке. Были особые мастера, «вытягивавшие кожу».¹²¹⁾

Торговля с Нубией и Пунтом

Развитие техники и экономики, рост рабовладельческого хозяйства привели к росту производства, что в свою очередь требовало постоянной доставки в Египет различных видов сырья и добавочной рабочей силы в виде рабов. А это становилось возможным лишь благодаря расширению торговли с соседними странами и усилению завоевательной политики. Поэтому эти два факта являются наиболее типичными для Египта времени XVIII династии, когда египетское государство вышло на широкую историческую арену, начав военно-агрессивную великодержавную политику с целью захвата важных экономических районов восточной части Экваториальной Африки, окончательного завоевания Палестины, Сирии и Финикии и установления непосредственных связей с большими государствами Месопотамии, Малой Азии и Эгейского моря.

В царствование первых фараонов XVIII династии были заложены основы военного могущества Египта. Яхмос I и его преемники совершили первые крупные походы в Нубию, Сирию, Палестину и Финикию, создав первые контуры той большой державы, которая начала претендовать на гегемонию в Передней Азии.

Однако окончательное завоевание Палестины, Сирии и Финикии и установление экономического и военного контроля [47] Египта в Передней Азии было нелегким делом.

Палестина, Сирии и Финикия были плотно заселены; здесь с III тысячелетия до н. э. процветали большие торговые города. На этой территории, соединявшей Нильскую долину с малоазийским нагорьем, Месопотамией и восточной частью Средиземного моря, жили народы, имевшие свою древнюю и высокую культуру. Хотя в силу ряда исторических причин после крушения гиксосского царства эти народы и не создали больших и сильных в военном отношении государств, они все же упорно и энергично отстаивали свою независимость в борьбе с египетскими фараонами. Поэтому для окончательного завоевания этого важнейшего как в экономическом, так и военно-стратегическом отношении района Передней Азии Египту необходимо было мобилизовать значительные экономические ресурсы и человеческие резервы. Эта подготовка к серии крупных войн была успешно завершена в царствование Хатшепсут, когда были укреплены экономические связи Египта с южными областями Нубии и далее со страной Пунт.

Завоевание Египтом Нубии, эксплуатация египтянами естественных богатств и использование ими человеческих резервов этой страны сыграли большую роль в истории древнего Египта. В настоящее время как зарубежные, так и советские историки обратили некоторое, но, к сожалению, все еще недостаточное внимание на эту важную историческую проблему. Т. Севе-Седерберг посвятил проблеме взаимоотношений между древним Египтом и Нубией специальную монографию.¹²²⁾ Однако он не только не разрешил тех вопросов, которые стоят перед исследователем, но даже не дал объективного изложения известных из источников исторических фактов. Проповедуя идею «благотельности» для местного населения египетской «колониальной политики» в Нубии, Севе-Седерберг, искажая исторические факты, идеализирует внешнюю политику египетской рабовладельческой деспотии. Всюду он подчеркивает «мирный характер» египетской экспансии. Говоря о взаимоотношениях Египта с Нубией в эпоху Древнего царства, он отмечает «мирное содействие нубийских князей»,¹²³⁾ хотя на самом деле Египет устанавливал свое господство в Нубии при помощи меча и огня, жестоко подавляя восстания местных племен.¹²⁴⁾ Рассматривая отношение Египта к Нубии в последующий период Среднего царства, Севе-Седерберг утверждает, что и в это время египтяне вели по отношению к Нубии главным образом мирную политику, выступая здесь «в качестве мирных торговцев», так что «туземцы лишь извлекали выгоду из этой торговли».¹²⁵⁾ Однако исторические факты, как раз наоборот, указывают на военно-захватническую политику, которую вел Египет в Нубии при фараонах Среднего царства. [48]

Впрочем, это принужден признать и сам Севе-Седерберг, который говорит, что «при Сенусерте III египтяне были вынуждены снова взяться за оружие».¹²⁶⁾ Стремясь всячески оправдать завоевательную политику Египта, Севе-Седерберг констатирует, что «целью вмешательства Сенусерта III было стремление держать открытыми эти торговые пути».¹²⁷⁾ На самом деле Египет в этот период вел энергичную завоевательную политику, целью которой было полное экономическое порабощение, завоевание и присоединение к Египту той части Нубии, которая расположена между 1-м и 2-м нильскими порогами.¹²⁸⁾ Мирный характер имело, по мнению шведского египтолога, и проникновение египтян глубоко в Нубию в эпоху XVIII династии. Подводя итоги своим рассуждениям, Севе-Седерберг заключает, что «политика египтян состоит, по всем признакам, не в безграничной эксплуатации завоеванной страны, совсем напротив, она приводит к хозяйственному расцвету провинции».¹²⁹⁾

Тщательное изучение источников показывает, в какой мере тенденциозна точка зрения Севе-Седерберга, основанная на ошибочной предпосылке — идеализации рабовладельческой деспотии древнего Египта. В действительности проникновение египтян в Нубию в период XVIII династии носило такой же грабительский и

захватнический характер, как и в предшествующие времена. Об этом ясно свидетельствуют факты древнеегипетской истории времени первых фараонов XVIII династии, об этом говорят и другие исторические факты, относящиеся ко времени царствования Хатшепсут и Тутмоса III.

Наиболее крупной египетской экспедицией в Пунт и известной нам по документам была экспедиция, предпринятая при Хатшепсут. Однако египтяне не могли бы совершить со своим флотом такого большого путешествия в эту отдаленную страну, если бы они уже раньше не установили с ней экономических связей, пробившись силой оружия к ее естественным богатствам. И действительно, уже со времен Древнего царства египтяне не только знали о стране Пунт, но и отправляли туда экспедиции. Рабы-пунтийцы встречались в Египте уже во времена IV династии. У одного из сыновей царя Хуфу был пунтийский раб.¹³⁰⁾ При фараоне V династии Сахура была отправлена экспедиция в Пунт, которая доставила в Египет мирровую смолу¹³¹⁾ и электрум, как об этом говорится в летописи Палермского камня.¹³²⁾ При царе Исеси была также послана экспедиция в Пунт, причем оттуда был доставлен карлик для «плясок бога».¹³³⁾ При фараоне Пепи II (VI династия) чиновник Ананхет был убит «жителями песков» на берегу моря во время постройки корабля, предназначавшегося для отправки в страну Пунт. При этом же фараоне была отправлена экспедиция в Пунт [49] под начальством помощника казначея Чечи.¹³⁴⁾ Крупную экспедицию в Пунт совершил казначей Хену, живший при фараоне Санх-ка-Ра Ментухотепе (XI династия). Эта экспедиция довольно подробно описана в надписи Хену.¹³⁵⁾ В другой надписи Хент-хет-ур, чиновник фараона Аменемхета II, описал свое благополучное возвращение из Пунта.¹³⁶⁾ Наконец, экспедиция в Пунт была предпринята и при Сенусерте II.¹³⁷⁾ Таким образом, в течение Древнего и Среднего царства египтяне совершили ряд путешествий в Пунт, что указывает на наличие некоторых экономических связей между Египтом и Пунтом. Зная дороги, ведущие в Пунт, имея некоторый опыт в организации и проведении этих (главным образом, морских) экспедиций на юг, египтяне смогли при Хатшепсут предпринять такую большую экспедицию, которая по размерам и по значению далеко превзошла все предшествующие путешествия.

Однако в смутное время острой социальной борьбы и в период гиксосского завоевания торговля Египта с Пунтом полностью прекратилась. В эпоху ранней Фиванской династии египетское правительство вынуждено было все свое внимание сосредоточить на проведении военных походов в Палестину, Сирию, Финикию и Нубию. Поэтому только в царствование Хатшепсут представилась возможность в значительно более широком масштабе, чем раньше, возобновить торговые отношения со страной Пунт.

Факт установления непосредственных торговых отношений с Пунтом расценивался в Египте как факт большого экономического значения, несомненно, способствовавший развитию хозяйства. В своей большой надписи на стенах Дейр-эль-Бахрийского храма Хатшепсут вкладывает в уста самому Амону следующие многозначительные слова:

«Я даровал тебе весь Пунт до границ божественных стран страны бога, [по которой] не ступала нога, мирровую террасу, [которую] не знают люди».

Слышно было в разговорах прежних [людей] (шедших от уст к устам):

«Вот привезены диковинки, [стоимость которых] возмещалась многочисленными платежами и [которые] привозились оттуда при отцах твоих, царях Нижнего Египта; [их передавали] от одного к другому со времен предков, царей Верхнего Египта».¹³⁸⁾

В этих словах ясно указывается на то, что товары из Пунта в предшествующую эпоху привозились в Египет благодаря исключительно транзитной торговле, что, конечно, очень повышало их стоимость. Недаром в этой надписи говорится, что за пунтийские диковинки приходилось совершать многочисленные платежи. Именно поэтому надо было найти прямой [50] путь в страну Пунт, чтобы иметь возможность привозить в Египет ценные пунтийские товары, минуя всех посредников. Эта задача и была поставлена царицей перед египетскими мореходами. Для придачи всему этому делу большей авторитетности оно было освящено авторитетом самого верховного бога. В этой же надписи приводится приказание самого бога, обращенное через царицу к ее приближенным: «Ищи пути в страну Пунт. Открыть высоко расположенные пути к горным мировым террасам». Автор надписи отмечает, что «это было сделано согласно приказу его величества, этого... бога и согласно сердечному желанию ее величества, дабы она была одарена жизнью, устойчивостью и процветанием, подобно Ра, вовеки».¹³⁹⁾

Как видно из той же надписи, инициатива этого проекта исходила от царицы, так как именно она обратилась с просьбой к Амону и только в ответ на эту просьбу Амон дал приказ снарядить экспедицию. Таким образом, в этих словах как бы подчеркивается, что жречество Амона полностью поддержало проект организации крупной экспедиции в Пунт, чтобы найти наиболее удачный путь в эту далекую страну и установить с населением Пунта непосредственные торговые взаимоотношения.

На восьмом году своего царствования Хатшепсут отправила специальную экспедицию в страну Пунт. Пять больших парусно-весельных кораблей поплыли вниз по Нилу, а затем по каналу, шедшему от Нила вдоль Вади-Тумилата до Красного моря. На корабли были погружены различные товары, которые предназначались для обмена на «ценности» пунтийской страны. Однако эта экспедиция носила не чисто торговый, мирный характер. В надписях упоминаются «войны Владыки двух стран», которые тщательно изображены художником на стенах Дейр-эль-Бахрийского храма. Мы видим здесь пять отрядов пехоты, состоящих из 24, 10, 15, 20 и 17 воинов. Солдаты вооружены бумерангами, секирами, копьями, серповидными кинжалами, луками и щитами. Во главе одного отряда идут трубач и знаменосец, позади отряда идет командир.¹⁴⁰⁾

Морское плавание описано в надписи предельно кратко в следующих скурых словах:

«Плывут по морю (буквально: «великому зеленому». — *В. А.*), начинают прекрасный путь к стране бога. Причаливают благополучно к стране Пунт, это воины Владыки двух стран, первого в Карнаке [Ипет-Сут], чтобы доставить ему чудесные вещи всех стран, так как он (Амон. — *В. А.*) очень любит его [дочь свою Маа-ка-Ра]... больше, чем других царей, бывших в этой стране когда-либо».¹⁴¹⁾

Так как ни в этом отрывке, ни в других частях этой подробной надписи нигде не говорится о сухопутном переходе [51] и перегрузке товаров на корабли во время пути, следует думать, что экспедиция шла не по дороге вдоль ущелья Вади-Хамамат, а все время двигалась по воде: сперва по Нилу, потом по каналу, наконец, по Красному морю, пока корабли не причалили к пунтийскому берегу. Художник тщательно изобразил своеобразный ландшафт этой далекой иноземной страны: плоский берег, на котором растут пальмы и ладанные деревья, пасется скот, стоят куполообразные свайные постройки, в которых жители спасались от сырости, насекомых и вредных животных. Вдали виднеется поднимающийся террасами рельеф горной местности. Судя по внешнему виду, в частности по остроконечной бородачке, местные жители не были негроидным племенем, а принадлежали к хамитской группе племен, в которую входили также и

древние египтяне. Все это позволяет предполагать, что страна Пунт была расположена на восточном берегу Африки.

Хотя египтяне и прибыли в страну Пунт в сопровождении военных отрядов, однако Пунт не был завоеван египетскими войсками. Царица Хатшепсут отправила в Пунт своего «царского посла» совершенно так же, как египетские фараоны отправляли своих послов в независимые государства.¹⁴²⁾ На стенах Дейр-эль-Бахрийского храма изображена мирная встреча египетского «царского посла» с пунтийским вождем Параху. Справа приближается египетский «царский посол», идущий во главе своих воинов. Слева к нему навстречу идет пунтийский вождь, за ним следуют его неестественно толстая жена Ити, их дети — два сына и дочь и, наконец, три пунтийца, ведущие «осла, который несет его жену». Надпись над этой сценой гласит:

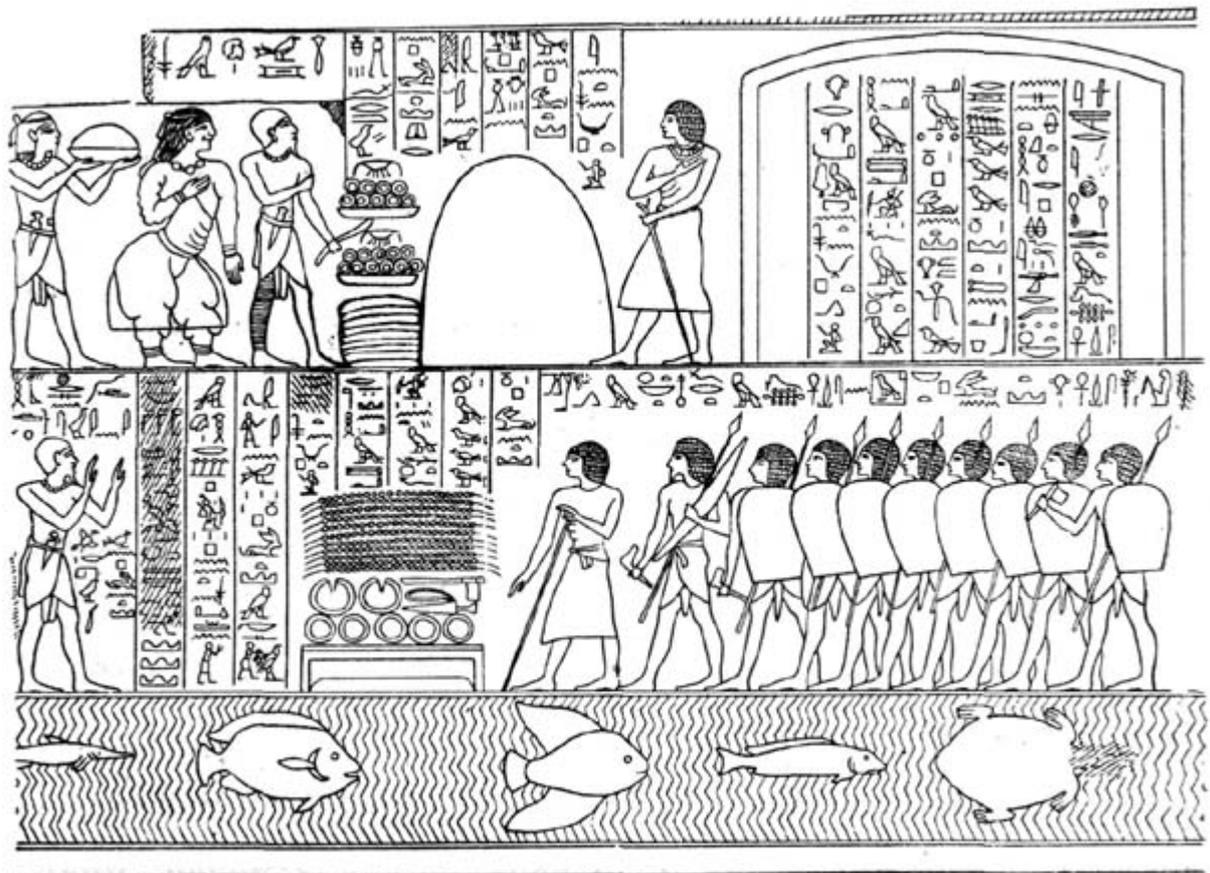
«[Прибытие] царского посла к стране бога вместе с отрядом воинов, которые позади него, — перед великими страны Пунт.

Послан [он] со всякими прекрасными вещами из царского дворца для Хатхор, владычицы страны Пунт ради [дарования] жизни, здоровья и силы ее величеству».

«Вот приходят великие [вожди] страны Пунт с поклонами со склоненной головой, чтобы принять это войско царя.

Воздают они хвалу владыке богов, Амону-Ра...».¹⁴³⁾

В этих словах особенно бросается в глаза стремление автора надписи показать превосходство египтян над культурно отсталыми пунтийцами. Проникнутый великодержавной идеологией своего времени, египетский писец изображает смирение и покорность пунтийских вождей, низко склоняющих голову перед послом могущественного египетского государства. Пунтийцы поражены прибытием египтян. Им начинает казаться, что таинственные пришельцы спустились к ним с самого неба, придя по солнечной дороге. [52]

Прибытие египетских воинов в страну Пунт. Рельеф на стене храма в Дейр-эль-Бахри. Новое царство. XVIII династия.

«Говорят они и просят мира:
 «Прибыли вы сюда зачем?
 В страну эту, которую не знают люди [Египта].
 Спустились ли вы по путям неба?
 Приплыли ли вы по водам земли?
 Или по морю страны бога?
 Или следовали вы [по стезе] Ра?»». ¹⁴⁴⁾

Убедившись в могуществе, силе и богатстве фараона, пунтийские вожди спрашивают египетского «царского посла», не могут ли они отправиться к фараону, чтобы получить от него «дыхание жизни».

«Что же касается царя страны Египта, то нет ли пути к его величеству, дабы мы жили дыханием, которое дает он [буквально: «двумя руками»]». ¹⁴⁵⁾

Изображения и надписи, сохранившиеся на стенах Дейр-эль-Бахрийского храма, дают некоторое представление о товарах, привезенных египтянами в Пунт, а также и вывезенных оттуда. Около фигуры египетского «царского посла» изображены «дары», привезенные для богини Хатхор, «владычицы Пунта»; возможно, что эти «дары» египтяне предназначали для обмена на пунтийские товары. Это — золотые кольца, ожерелья, цепочки, кинжалы и боевые топоры. [53]

Египтяне устанавливают на берегу моря, у подножья «мирровых террас» палатку, в которой египетский «царский посол» принимает пунтийских «великих вождей» и преподносит им щедрые дары фараона.

«Ставится палатка царского посла и его воинов у мирровых террас страны Пунт на берегу Великого Зеленого [морья], чтобы принять великих [вождей] этой страны.

Преподносят им хлеб, пиво, вино, мясо, фрукты, всякие вещи из страны Египта, согласно тому, что было приказано во дворце царем, да будет он жив, здрав и невредим!».

Пунтийцы в свою очередь приносят египтянам в обмен на их товары золото, главное богатство страны Пунт, которое так влекло к себе египтян. Надпись гласит:

«Принимаются дары великого [вождя] страны Пунт царским послом.

Приходит великий [вождь] стран Пунт, неся дары свои к берегу Великого Зеленого [морья], к царскому послу... золото... мирра».

Тут же изображена огромная груда золотых колец, принесенных пунтийцами египетскому «царскому послу» в обмен на египетские товары.¹⁴⁶⁾

Вслед за золотом важной статьёй египетского вывоза из Пунта были черное дерево, мирровая смола и мирровые деревья. Судя по сохранившимся изображениям и надписям, египтяне получили право самостоятельной заготовки этих ценных видов сырья, предназначенных для вывоза в Египет. На одном изображении показана рубка дерева, причем надпись поясняет: «рубят черное дерево в очень большом количестве». Далее мы видим сбор мирровой смолы «в большом количестве... на террасах». Еще дальше изображены выкапывание мирровых деревьев и переноска одного дерева к берегу. Надпись содержит слова переднего носильщика, обращенные к задним: «[Под] ноги ваши, о люди! [смотрите!]. Ведь вы несете очень тяжелый груз!». На что задние носильщики отвечают: «Мы делаем [это] для царя». Желая подчеркнуть «миролюбивый» характер проникновения египтян в страну Пунт, придворный писец записал на стенах Дейр-эль-Бахрийского храма вежливые и любезные слова, с которыми египтяне обращаются даже к мирровому дереву, перенося его к берегу:

«Отправляйся с нами, дерево мирра, находящееся в стране Пунт, к дому Амона.

Там есть для тебя место.

Процветай для царицы Маат-ка-Ра в ее парке, около дома ее бога, согласно приказу ее отца».¹⁴⁷⁾

Полный и подробный перечень всех ценных товаров, которые [54] египтяне вывозили из страны Пунт, содержит надпись около сцены, изображающей погрузку кораблей:

«Нагружают корабли весьма и весьма чудесными вещами страны Пунт: всяким прекрасным благовонным деревом из страны бога, грудями... мирровой смолы, [целыми] зелеными деревьями мирры, черным деревом и слоновой костью, зеленым золотом страны Аму, деревом тишпес, деревом хесит, благовониями ихмут, благовониями, черной мазью для глаз, павианами, обезьянами, борзыми собаками, шкурами южных пантер, рабами и детьми их. Ни разу подобное этому не было доставлено для какого-либо царя, жившего со времен древности».¹⁴⁸⁾

На стенах Дейр-эль-Бахрийского храма в нескольких местах сохранились перечни и изображения пунтийских товаров, которые египтяне доставляли в Египет. Эти виды ценного сырья, а также местные изделия считались в те времена «редкими диковинками»:

их жертвовали в храмы, передавали жрецам, посвящали божеству, обогащая тем самым храмовое хозяйство, в данном случае хозяйство храма Амона в Фивах. Художник представил, как эти ценности взвешивались, возможно, измерялись, а в помещенной здесь же надписи перечисляются «31 зеленое мировое дерево, привезенное в качестве диковинки страны Пунт...», «электрум», «черная краска для глаз», «бумеранги пунтийцев», «черное дерево», «слоновые клыки» и весьма многочисленные и большие груды свежей мирровой смолы.¹⁴⁹⁾

Установив непосредственные торговые взаимоотношения с племенами страны Пунт, египтяне вовлекли в сферу своей меновой торговли также и другие соседние с Пунтом области, населенные негроидными племенами.

В сцене, изображающей принятие царицей Хатшепсут иноземных товаров, представлены наряду с вождями Пунта вожди ряда соседних африканских стран. Надпись поясняет:

«Возносят хвалу Маат-ка-Ра,
Целуют землю перед Усерт-кау, —
Это великие вожди Пунта

...троглодиты Нубии, страны Хент-хен-нофр, всякой страны [расположенной] в югу от Египта [приходящие с поклонами], со склоненной головой, приносящие свои дары к месту перед его величеством».¹⁵⁰⁾

Тут же мы видим и вождей других африканских стран, которые тоже поклоняются имени царицы и позади которых находятся их дары, вернее, привезенные ими товары, в частности золотые слитки в виде колец и пантера. Надпись около них гласит:

«[Вели]кие [вожди] Нимаиу
Великие [вожди] Ирем-мер. [55]

Говорят они и просят они мира у его величества».¹⁵¹⁾

Как видно из надписи, товары, привезенные из Пунта и соседних африканских стран, преподносятся царице одновременно. Отсюда можно сделать вывод, что они были одновременно доставлены в Фивы экспедицией, вернувшейся из страны Пунт. Надпись на это указывает совершенно ясно:

«Преподносятся диковинки страны Пунта,
драгоценности страны бога

вместе с приношениями иноземных южных стран, лучшими взносами жалкой страны Куш, крохами страны негров...»

Наконец, дальше мы находим и перечень товаров, привезенных из этих южных стран: «электрум» в ящиках и в виде колец, «шкуры многочисленных пантер», «живая южная пантера, привезенная для ее величества из южных стран», «3300» голов скота.

Тут же изображены все эти товары, пантеры, скот, слоновые клыки, перья и яйца страуса, луки, деревянные палки и жираф.¹⁵²⁾ То обстоятельство, что здесь имеются в виду области, расположенные либо в Нубии, либо по соседству с ней, подчеркнуто изображением нубийского бога Дедуна, который присутствует при взвешивании товаров, доставленных египетской экспедицией.¹⁵³⁾

Желая подчеркнуть могущество Египта, египетский писец, проникнутый великодержавной идеологией, столь типичной для этого времени, изобразил пунтийских вождей как данников страны, целиком подвластной Египту. Поэтому вожди Пунта представлены коленопреклоненными перед именами египетской царицы. Надпись содержит их речь, проникнутую верноподданническими чувствами:

«Великие вожди Пунта.

Говорят они и просят мира у ее величества:

«Привет тебе, о царь Египта, богиня Ра,

сияющая подобно солнечному диску!

Царица ты наша,

Владычица Пунта,

Дочь Амона, царя богов.

Имя твое достигает круга неба.

Достигло могущества Маат-ка-Ра

[всей] окружности моря шен-ур!»». [154\)](#)

Однако у нас нет никаких оснований предполагать, что страна Пунт находилась под властью Египта. Как видно из следующих далее изображений и надписей, ценные предметы, в частности золото и мирровая смола, были лишь товарами, вывезенными из Пунта. После доставки этих товаров в Египет [56] их тщательно взвесили и измерили, причем результаты взвешивания и подсчета были занесены в особую опись. Все остальные изображения и надписи, относящиеся к Пунту и сохранившиеся на других памятниках, столь же ясно указывают на то, что Пунт, с которым Египет вел меновую торговлю, никогда не находился под властью египетского фараона.

В этом отношении особенно интересны изображения на стенах гробницы Рехмира. Здесь представлены жители Пунта, Крита, Нубии и Сирии, приносящие египетскому везиру товары и дань своей страны. Для того чтобы отделить страны, подвластные Египту, от стран независимых, художник поместил в одну группу пунтийцев и критян как жителей независимых стран, а в другую — нубийцев и сирийцев, поскольку Сирия и Нубия были подвластны Египту. Это подчеркнуто далее и тем, что в нижнем регистре, где изображены пленники, помещены лишь нубийцы и сирийцы. Пунтийцы несут с собой товары, которые египтяне обычно вывозили из страны Пунт. Это — мирровое дерево, мирровая смола в больших количествах, в частности спрессованная в форме обелисков или пирамид, золотые слитки в форме колец, черное дерево, слоновая кость, шкуры леопардов, перья и яйца страусов, ожерелья, обезьяны, козел и ручной леопард. Над этой сценой находится надпись, поясняющая смысл данного изображения:

«Прибытие в мире вождей Пунта с поклонами к месту перед его величеством, царем Верхнего и Нижнего Египта Мен-хе-пер-Ра, да живет он вечно! Они приносят свою дань, всякие хорошие приношения своей страны, на которую никто не ступил своей ногой вследствие его великого могущества в их странах. Ведь каждая страна подвластна его величеству!»». [155\)](#)

Не имея возможности указать на то, что Пунт был завоеван Тутмосом III, писец ограничивается лишь общим утверждением, что «каждая страна подвластна фараону» и что поэтому торговцы Пунта являются в сущности лишь «данниками» фараона. Однако это не что иное, как преувеличение, продиктованное идеологией, типичной для этого периода в истории Египта.

Товары, которые египтяне привозили из страны Пунт, распространялись по различным странам древневосточного мира. Именно в это время Египет установил непосредственные торговые отношения не только с южной страной Пунт, но также с Критом, Палестиной, Финикией и Сирией. Больше того, товары из Египта проникали в Хеттскую страну и Месопотамию благодаря сирийской и финикийской транзитной торговле. На широкое развитие внешней торговли в эту эпоху указывает близость некоторых слов, обозначающих в различных древних языках один и тот же товар, что было в свое время отмечено Либлейном. [57]

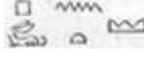
Так, египетское слово — «слоновая кость» стоит близко к коптскому εῖβ, древнееврейскому פֶּבַע и древнегреческому ελέφας, обозначающему «слон», и латинскому ebur — «слоновая кость».

Древнеегипетское слово очень близко к древнееврейскому הֶבֶן, древнегреческому εἴβενος, латинскому hebenum.

Древнеегипетское слово — kmj — «смола» не менее близко к древнегреческому κόμμι и латинскому gummi. Древнеегипетское слово — msdm — «сурьма» столь же близко к греческому στίμμι и латинскому stibium.

Наконец, древнеегипетское слово gfw очень близко к древнееврейскому קָוֶר, древнегреческому κέτος и латинскому serus.¹⁵⁶⁾

Либлейн на основании этих лингвистических сравнений высказывает предположение, что пунтийцы были предками финикийцев. Ведя торговлю этими товарами, они распространили их названия среди различных народов древнего мира. Однако это предположение ни на чем не основано. Единственный вывод, который можно сделать из этих фактов, сводится к тому, что египтяне перепродавали товары, полученные ими из Пунта, ряду соседних стран. Поэтому египетские названия этих товаров были заимствованы соседними народами, ведшими в эту эпоху оживленную торговлю с Египтом.

Экспедиция в Пунт, организованная при царице Хатшепсут, открыла египтянам важный торговый путь, ведущий в богатые страны Восточной Африки, и дала им возможность установить непосредственные торговые отношения с племенами, населявшими эти страны. Можно предполагать, что вслед за этой первой крупной экспедицией в страну Пунт были отправлены и другие, менее значительные экспедиции. Так, например, в гробнице № 143 в Дра-абуль-Негга, относящейся к первой половине периода XVIII династии, сохранились рисунки, изображающие возвращение экспедиции из Пунта, а также измерение и подсчет товаров, оттуда привезенных. Мы видим здесь две вереницы людей, одни из которых вооружены, а другие несут мешки и ящики на больших коромыслах. Позади них колесничий с большим колчаном за спиной ведет коня, впряженного в колесницу.¹⁵⁷⁾ На стенах этой же гробницы изображены товары, привезенные из Пунта: корзины с полудрагоценными камнями, мешки с каким-то товаром, золото [58] в виде колец, груды благовонной смолы, благовонная смола, спрессованная в форме обелисков и конусов, наконец, мирровые деревья в кадках. Ниже изображено измерение мирровой смолы перед писцами, записывающими результаты измерения.¹⁵⁸⁾ Надписи плохо сохранились, однако сохранившееся слово —

Пунт ясно указывает на то, что здесь изображена экспедиция, возвращающаяся из этой страны.

Одновременно с этим усиливается торговый обмен Египта с северными странами, с островными районами Эгейского моря, где главную роль играл остров Крит, занимавший в то время первенствующее положение в морской торговле восточной части Средиземного моря. Торговые связи, соединявшие Египет с островами Эгейского моря, существовали и раньше. Но в связи с развитием рабовладельческого хозяйства и внешней торговли Египта этот торговый обмен в период XVIII династии стал значительно усиливаться. Начиная с Яхмоса I, египетские фараоны в своих надписях нередко упоминают страны Ханебу, Кефтиу и «острова среди Великого моря».¹⁵⁹⁾ В гробницах вельмож все чаще и чаще появляются изображения эгейцев, несущих самые разнообразные товары своей страны. Так, например, в гробнице Сенмута, относящейся ко времени царствования Хатшепсут, сохранились изображения трех критян, одетых в типично эгейские фартуки и опоясанных пестрым эгейским поясом. Они несут на плечах и в руках роскошные ремесленные изделия — три серебряных и два медных сосуда, украшенные художественными изображениями бычачьих голов и орнаментами в форме спиралей и розеток.¹⁶⁰⁾ Но особенно верное и полное представление об импорте эгейских товаров в Египет дает изображение из гробницы Рехмира. Мы видим здесь 16 эгейцев, одетых в типично эгейскую одежду, с типично эгейской обувью на ногах, причесанных по обычаю своей страны. Египетский художник тщательно изобразил привезенные ими товары, которые они несут в своих руках и которые большой грудой сложены у ног египетского писца, заносящего каждый предмет в опись. Среди этих товаров можно различить прямоугольные слитки серебра, корзину, наполненную лазуритом, серебряные слитки в форме колец, золотую ситуту, вазу из лазурита, золотую вазу с ручками в виде леопардов, золотые блюда, золотую чашу, серебряную вазу с двумя ручками, голову львицы, сделанную из золота, серебряную вазу с золотыми украшениями, золотую чашу с ручкой в форме козлиной головы, четыре больших серебряных бруска, изображение собачьей головы из светлого золота, золотые изображения птичьей и бычачьей голов, золотую вазу с двумя ручками, три больших бронзовых бруска, серебряную вазу с золотой крышкой [59] в форме козлиной головы, кинжал в синих ножнах, кувшин, орнаментированную золотую чашу, кинжал в красных ножнах, большой медный брусок, меч, орнаментированный золотой сосуд с голубыми цветами, ожерелье из голубых бус, серебряную вазу с двумя ручками, слоновый клык и множество других ценных предметов.¹⁶¹⁾

Аналогичные сцены доставки в Египет многочисленных и разнообразных изделий эгейского художественного ремесла сохранились на стенах гробницы первосвященника Амона и начальника казначейства Мен-хепер-Ра-снеба и гробницы «начальника северных стран» Аменмеса. На стене гробницы Мен-хепер-Ра-снеба изображено множество роскошных эгейских сосудов: золотой ритон на ножке, серебряный кувшин, серебряный ритон с головой зверя, золотая лотосовидная чаша, серебряное блюдо на nitке, золотой ритон в форме бычачьей головы, сосуд, украшенный изображениями двух бычачьих голов, бронзовый меч, сосуд в форме бычачьей головы, критский ритон, две ситуты из электрума, ваза с двумя ручками из электрума, два ритона в форме львиных голов из электрума, серебряный сосуд конической формы, золотой сосуд с ручками в форме зверей, серебряный кувшин, золотой сосуд с двумя ручками, одежды, кувшин из электрума, конический ритон из золота.¹⁶²⁾ Наконец, на стене гробницы «начальника северных стран Аменмеса» изображены эгейские торговцы, несущие драгоценные вазы, кувшины, лотособразную чашу, серебряные вазы с двумя ручками, сосуды для возлияний и другие ценные изделия. Все это изображение указывает на то, что главными статьями торгового ввоза из эгейских стран в Египет были: золото, серебро, бронза и медь

в слитках, роскошные сосуды из золота, серебра и электрума, драгоценное оружие, бусы и иные изделия художественного, преимущественно ювелирного ремесла.

Укрепление торговых связей Египта с эгейскими странами, главным образом с Критом, и доставка в Египет высокохудожественных изделий эгейского ремесленного производства оказали некоторое влияние на развитие египетского искусства в эту эпоху. Явным эгейским влиянием проникнуты появившиеся в Египте художественные мотивы и орнаменты. Весьма возможно, что эгейские, а также сирийские мастера, работавшие в это время в египетских мастерских, вполне сознательно подражали высокохудожественным изделиям эгейского металлургического и ювелирного производства. Приток огромного количества материала, ценностей и рабов в Египет благодаря развитию внешней торговли привел к обогащению правящего класса рабовладельческой аристократии и к углублению классовых противоречий. [60]

Глава II.

Социальные отношения

В буржуазной историографии до последнего времени господствовал взгляд, что время царствования фараонов XVIII династии было временем высшего расцвета древнего Египта, его государственности, экономической и политической мощи, культуры. Завоевательные войны фараонов XVIII династии, как известно, привели к притоку огромных материальных богатств в Египет. По мнению американского египтолога Д. Г. Брэстеда, который во всех своих трудах всячески идеализирует рабовладельческое государство древнего Египта, «богатства, которые фараоны захватили в Азии и Нубии во время империи, создали мощь и великолепие, неизвестные до этого миру и особенно ясно выступающие в громадных и роскошных постройках».¹⁾ Американский египтолог, всегда особенно старательно подчеркивающий «благодетельность» древнеегипетской государственности, указывает на то, что «главной заботой правительства было сделать страну экономически сильной и производительной».²⁾ Равным образом и английский египтолог М. Мэртэй в своей недавно напечатанной книге отмечает, что «в царствование Хатшепсут не было войн и благосостояние Египта настолько возросло, что соседние страны стали бросать завистливые взоры на его богатства».³⁾

Однако такого рода обобщенные характеристики односторонни и поэтому неправильны. Советский историк должен вскрыть классовый характер египетского государства того времени и на документах показать, в интересах какого класса и каких социальных групп проводилась та или иная политика древнеегипетского правительства. Поэтому задачей нашего исследования является установить, на какие классы и социальные группы распадалось египетское общество в середине [61] II тысячелетия до н.э., каковы были отношения между этими классами и социальными группами, интересы какого класса защищало египетское государство в эпоху XVIII династии. Для решения этих вопросов историк располагает рядом материалов, в первую очередь письменных источников, а затем и памятников материальной культуры, которые позволяют изучить и охарактеризовать классовую структуру древнего Египта в период царствования фараонов XVIII династии, когда древний Египет достиг высшей точки военного и политического могущества, став на время сильнейшим государством древневосточного мира.

В буржуазной, в частности немецкой, литературе 30-х годов, дается искаженная, тенденциозная картина социальных отношений, существовавших в Египте в период XVIII династии. Так, В. Вольф утверждает, что во время Среднего и, очевидно, Древнего царства «народ существовал только благодаря царю, но и царь существовал только благодаря народу и, таким образом, оба представляли собой единство».⁴⁾ Но начиная со времени Нового царства «друг другу противостояли, с одной стороны, абсолютная царская власть, а с другой — народ, разделенный на классы, уже больше органически не расчлененный на сословия».⁵⁾ Однако исторические факты показывают, что картина, нарисованная пером, мягко выражаясь, консервативного историка, совершенно неправильна. Никакого единства между египетским деспотом и трудовым народом, в частности, в период Среднего царства нельзя установить, что ясно видно из ряда источников этого времени. Резкое социальное расслоение и развитие рабства приводили нередко к вспышкам острой классовой борьбы. На это указывают «Поучение Гераклеопольского царя»,⁶⁾ «Беседа уставшего жить со своей душой»,⁷⁾ а также другие сохранившиеся до нашего времени литературные тексты и надписи. Нельзя также говорить о наличии «органического расчленения» египетского общества на сословия в период Среднего царства и о появлении классового расслоения лишь с начала Нового

царства. На самом деле классовое расслоение имело место еще в период Древнего царства, о чем говорит факт существования тогда классового рабовладельческого государства. С другой стороны, сословное деление стало оформляться позднее, лишь со времени Нового царства. Конечно, сравнение древнего Египта времени XVIII династии с абсолютизмом новой Европы является произвольной модернизацией. Столь же необоснованно В. Вольф утверждает, что в период Нового царства возникла возможность для появления «индивидуальных личностей властителей». Однако, по мнению Вольфа, в этот период они уже не в состоянии играть «сверхчеловеческую роль богов-царей».⁸⁾ Вполне естественно, что [62] реакционный германский историк резко преувеличивает роль личности в истории, совершенно обходя молчанием важнейший вопрос о социально-экономических отношениях в Египте того времени. Энергичные правители могли играть и играли некоторую историческую роль во все периоды египетской истории. С другой стороны, именно в период Нового царства не только усилился, но и получил значительное распространение культ царя и царской власти, на что указывают многочисленные могильные памятники времени Рамзеса II.

В тех же случаях, когда буржуазные историки пытались анализировать социальные отношения, типичные для Египта времени Нового царства, они обычно давали искаженную, спутанную и неправильную картину, что объясняется непониманием процесса развития производственных и классовых взаимоотношений. Так, Д. Г. Брэстед в своей большой «Истории Египта» говорит, что в период XVIII династии «исчезновение земельной знати и управление местных округов огромной армией маленьких коронных чиновников открыли для среднего класса еще более широкий путь к бесчисленным карьерам, нежели в эпоху Среднего царства».⁹⁾ Но на этой же странице он пишет, что «в результате возник новый служебный класс, низшие ряды которого выходили из прежнего среднего класса, в то время как его верхи пополнялись родственниками и креатурами старой земельной знати, занимавшей высшие и важнейшие местные должности».¹⁰⁾ Таким образом, остается неясным, исчезла или сохранилась та старая земельная знать, которую Брэстед, как и большинство буржуазных историков, совершенно неправильно называет «феодальной».

В советской исторической науке установился взгляд, что основным классовым антагонизмом в древнем Египте был антагонизм между рабовладельцами и рабами и что основной формой эксплуатации было рабовладение. Естественно, что это рабовладение достигло в Египте своего наивысшего развития именно в период Нового царства. Развитие экономики требовало широкого применения рабского труда. Разорение свободных трудовых масс, главным образом сосредоточенных в свободных сельских общинах, приводило к постепенному их порабощению. Однако все развивавшееся рабовладельческое хозяйство не могло ограничиться этими внутренними ресурсами для пополнения кадров рабочей силы. Необходимость постоянного увеличения количества рабов требовала развития завоевательной политики, которая возникла еще в период Древнего царства, стала реальным фактом в период Среднего царства и достигла своего наивысшего расцвета при фараонах Нового царства, в частности в период XVIII династии.¹¹⁾ Уже первые фараоны XVIII династии совершали многочисленные походы [63] в Палестину, Сирию и Финикию, а также на юг, в Нубию в значительной степени для захвата пленных, обычно обращавшихся в рабство.¹²⁾ Эта завоевательная политика достигла большого размаха при Тутмосе III, совершившем целую серию крупных завоевательных походов. Сохранившийся, к сожалению, не полностью текст «Анналов Тутмоса III» свидетельствует о том, что во время царствования этого фараона было захвачено в качестве добычи и получено в виде дани свыше 7 тыс. пленных из различных завоеванных и подвластных Египту стран. Однако цифра 7671, полученная при подсчете общего числа пленных, упомянутых в «Анналах Тутмоса III», далеко не точна, ибо на

самом деле число попавших в Египет рабов в царствование этого фараона было намного больше. Вполне понятно, что весьма неполные «Анналы» не отражают действительной картины значительного роста рабовладения в Египте в данную эпоху. Ведь надо иметь и виду, что только первый поход Тутмоса III описан более или менее подробно, а остальные описаны очень бегло и весьма суммарно. Это объясняется тем, что подлинный полный текст «Анналов» утрачен, а сохранившийся текст во многих своих частях является лишь очень кратким и сжатым резюме.¹³⁾ С другой стороны, и дошедший до нас текст сохранился настолько плохо, что не дает права делать окончательные выводы, особенно в отношении цифр. Многие цифры исчезли, а несколько раз в тексте «Анналов» говорится о захвате или доставке пленных и рабов, причем точную цифру установить невозможно. Поэтому приведенную нами цифру следует признать минимальной и более правильно было бы считать, что в царствование Тутмоса III в Египет было доставлено 7671 + x рабов. Как видно из недавно найденной и опубликованной надписи, при Аменхотепе II было захвачено очень много рабов;¹⁴⁾ естественно предположить, что и при Тутмосе III их было доставлено в Египет не меньше. Во многих надписях автобиографического характера говорится о захвате пленников, которых, как правило, обращали в рабство. В юридических текстах, например в контрактах, и даже в автобиографиях вельмож и чиновников часто применяется особый глагол «ини» , который обозначает «приводить, покупать, добывать, получать, захватывать» и нередко применяется по отношению к рабам. Так, например, в надписи Аменемхеба, чиновника, жившего при Тутмосе III, говорится: «Я привел трех людей, которых я захватил в этой стране, и я поставил их перед его величеством в качестве живых пленников».¹⁵⁾ Судя по многим надписям, эти военнопленные рабы часто находились в частном владении, причем это частное рабовладение должно было быть юридически оформлено особым [64] «царским пожалованием», поскольку, очевидно, царь считался верховным собственником не только всего земельного фонда страны, но и всей захваченной во время войны добычи, в состав которой в первую очередь входили пленники, обращавшиеся в рабство. Так, в автобиографии вельможи и архитектора Инени, жившего и занимавшего различные высокие должности при ряде фараонов XVIII династии, говорится: «Наградил меня его величество рабами».¹⁶⁾

Однако это рабовладение даже в эпоху Нового царства все еще сохраняло во многом неразвитый, домашний характер. На это домашнее рабство достаточно ясно указывали в своих трудах основоположники марксизма еще в прошлом столетии. Так, Маркс писал: «Рабство, в скрытом виде существующее в семье, развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений — как в виде войны, так и в виде меновой торговли».¹⁷⁾ На этот же факт в свое время указывал и Энгельс: «Иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом».¹⁸⁾ О включении рабов, в частности военнопленных, в семью свидетельствует один юридический документ времени Тутмоса III. В этом документе говорится: «27-й год его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Менхепер-Ра, дарующего жизнь и устойчивость, сына Ра, Тутмоса, Правителя Истины, подобного Ра вовеки. Явился царский брადобрей Са-Бастет к чиновникам ихмес-енкап царского дома, чтобы сказать: «Раб, который был мне пожалован, по имени Амениуи был захвачен рукой моей, когда я сопровождал правителя. Слушайте... Его не ударят, его не остановят у каких-либо дверей царя. Я ему отдал дочку сестры моей Небет-та в жены...»».¹⁹⁾ Очевидно, и в древнем Египте, как, впрочем, и у многих других древних народов на этой стадии развития общества, рабы входили в состав большой патриархальной семьи.

Классу рабов противостоял класс рабовладельцев, который в свою очередь делился на группы в зависимости от имущественного, социального и служебного положения их представителей. Однако уже в эпоху Нового царства возникает представление о значительной социальной группе свободных, образующих народ, в состав которого, очевидно, входили как привилегированные слои богачей, так и средние слои. Само слово «народ» именно в таком смысле появляется в надписях времени XVIII династии, в частности в одной надписи фараона Яхмоса I.²⁰⁾ Вполне естественно, что бедняки, всегда выступавшие в классовой борьбе вместе с рабами, исключались из этой социальной группы, которая обозначалась словом «народ».²¹⁾ [65] В надписях фараонов XVIII династии цари изображают себя в качестве «благодетелей» и «охранителей» этого «народа». Так, в надписи на большом карнакском обелиске, поставленном по приказу царицы Хатшепсут, говорится: «Царица сама сказала: «я поставила его (obelisk. — В. А.) перед народом»» и дальше: «народ, увидят они памятник мой, я думала, что народ скажет, что мой рот был прекрасен благодаря тому, что исходило от него».²²⁾ В особенности характерны в этом отношении следующие слова из той же надписи царицы Хатшепсут: «избрал [бог царицу] для охраны Египта, для защиты людей и народа... семя прекрасное на земле для благоденствия людей».²³⁾ Эти слова — не что иное, как ясно выраженная классовая пропаганда, имевшая целью показать, что царь является защитником и хранителем народа и вся его деятельность сводится лишь к тому, чтобы обеспечить народное благоденствие. Разумеется, в состав этого народа включаются только обеспеченные слои, интересы которых совпадают с интересами богачей и придворных. Так постепенно формируется представление о той прочной и могущественной социальной группе, которая была наиболее мощной опорой царской власти. Даже цари-деспоты принуждены считаться с этой сильной и влиятельной группой населения. Так, в некоторых официальных царских надписях встречаются указания на то, что цари гордились признанием их власти со стороны народа. В одной надписи царицы Хатшепсут из Дейр-эль-Бахри говорится: «Услышал величество ее отца, царя, что соединил весь народ имя его дочери этой с [именем] царя».²⁴⁾ В этих словах подчеркивается, что «весь народ», т. е. конечно, привилегированная часть египетского населения, признала законность власти царицы Хатшепсут, которая, очевидно, оспаривалась некоторыми группами населения.

Важным фактом социальной истории того времени является несомненное усиление средних слоев населения, в состав которых в значительном количестве входили ремесленники и торговцы. Обзор экономики Египта времени XVIII династии показал, что развитие ремесленного производства и дифференциация труда должны были повести к возникновению и дальнейшему развитию более квалифицированных форм ремесла. Уже в предшествующий период Среднего царства в Египте становится заметным средний слой ремесленников и торговцев. Теперь же, в период XVIII династии, среди этого среднего свободного слоя наблюдается дальнейшее и все усиливающееся расслоение. Многочисленные изображения на стенах гробниц рисуют нам этих ремесленников, многие из которых были опытными мастерами своего дела. Постепенно образуется замкнутый социальный слой профессиональных ремесленников, [66] передающих свои должности и знания своим наследникам. На это, между прочим, указывают знаменательные слова, сохранившиеся в гробнице Рехмира около изображения ремесленников: «дети... на место своих родителей».²⁵⁾

Очевидно, из этой постепенно оформлявшейся социальной группы опытных и зажиточных ремесленников иногда выходили и некоторые чиновники, которые благодаря своему богатству, связям, дарованиям или милости самого фараона достигали порой довольно влиятельного положения. Так, в одной Лейденской надписи мы читаем: «Я происходил из бедной семьи и из небольшого города, но Владыка Обеих Стран (т. е. царь.

— В. А.) оценил меня... Он возвысил меня выше [царских] друзей, введя меня в среду придворных князей... Меня ввели в дом золота, чтобы делать фигуры и изображения всех богов». ²⁶⁾ Этот процесс усиления средних слоев населения получил особенно яркое выражение в конце XVIII династии, но уже ко времени царствования Тутмоса III он становится достаточно заметным.

Экономически наиболее могущественным классом в период XVIII династии была рабовладельческая аристократия, которая сосредоточила в своих руках огромные богатства. Состав этой аристократии в этот период чрезвычайно расширился. В нее входили представители старой родовой знати, новой придворной и служилой знати, чиновники, жрецы и военные командиры. В надписи Кереса, вельможи времени Аменхотепа I, дается перечень представителей различных социальных групп, входивших в то время в состав рабовладельческой аристократии. В этой надписи говорится: «О вы, князья, писцы, херихебы, спутники, люди войска! Хвалят и любят вас боги наших городов! Вы хотите передать должности ваши детям вашим, достигнув старости». ²⁷⁾ Особенно характерна последняя фраза, в которой подчеркивается стремление этих чиновников, жрецов и военных командиров передать своим детям и закрепить за ними свои должности, источник материального благосостояния.

Как видно из ряда других надписей, в это время постепенно укрепляется обычай передавать должности чиновников их детям, что способствовало внутреннему укреплению правящего класса рабовладельческой аристократии. Так, например, высшую государственную должность везира последовательно занимали три представителя одной высокой аристократической семьи, жившие при Хатшепсут и при Тутмосе III: Амачу, Нефер-убен и Рехмир, роскошная гробница которого прекрасно сохранилась до нашего времени. ²⁸⁾ Высшие представители этой рабовладельческой аристократии, носившие различные придворные титулы и занимавшие высокие государственные [67] должности, хорошо сознавали свою тесную связь с царским дворцом, с царским престолом, с самим фараоном. Ведь фараон был признанным главой этой высшей рабовладельческой знати, ее первым представителем и естественным защитником ее классовых интересов. Об этом ярко свидетельствует следующая надпись из гробницы везира Рехмира: «Друзья («семеры» — придворный титул. — В. А.) фараона, да будет он жив, здоров и невредим! — идут перед лицом везира, воздавая хвалу и возглашая славословия. Говорят они: «О правитель, достославный памятниками, Мен-хепер-Ра (Тутмос III. — В. А.), который утверждает каждую должность и снабжает храмы приношениями и указаниями всякого рода. Если он пребывает прочно на своем престоле, то и дети знатных [пребывают] на местах своих отцов». ²⁹⁾ В этих словах ясно выражена мысль о том, что прочность положения аристократов в полной мере зависит от прочности власти царствующего деспота. Эта рабовладельческая аристократия была сильна своей сплоченностью и внутренней классовой солидарностью. В ней в течение веков господствовали старинные традиции чинопочитания, согласно которым младшие по должности и званию должны были беспрекословно подчиняться старшим и начальникам. Так, вельможа Инени ставит себе это послушание в особую заслугу: «Я слушал то, что говорил начальник. Не было строптиво сердце мое к вельможам, находящимся во дворце». ³⁰⁾ В состав этой рабовладельческой аристократии в значительной степени входило высшее жречество. Поэтому вполне естественно, что в среде этой аристократии господствовала исконная религиозная идеология, на основе которой создавались мировоззрение и своеобразная классовая этика представителей этого правящего класса. В соответствии с этим религиозным мировоззрением вельможа Инени с гордостью говорил о себе: «Я думал то, что угодно моему городскому богу, я чужд нечестия относительно вещей бога... Я не преступал устами относительно имущества бога в день взвешивания зерна... Страх божий был в моем сердце, страх перед моим господином в моем существе». ³¹⁾ Особенно

характерно, что материальной базой этой древней религиозной идеологии была забота о неприкосновенности храмового имущества, иными словами, забота о прочности существующего классового строя. Ведь в состав рабовладельческой аристократии в этот период входило богатое и влиятельное жречество. Но для того чтобы укрепить это классовое господство рабовладельцев и подавить возможный, а иногда и весьма реальный протест трудовых масс, необходимо было постоянно прибегать к лицемерной и демагогической классовой пропаганде, при помощи которой чиновники и вельможи, являвшиеся рабовладельцами и эксплуататорами, изображались [68] в качестве «справедливых и гуманных» правителей, которые в своем управлении стремились лишь делать «добро» народу. Так, вельможа Карес в своей биографии пишет: «Человек правды перед Двумя Странами, действительно справедливый, свободный от лжи, пребывающий первым в трудных судебных делах, защищающий нуждающегося в помощи того, который не может защитить себя, дающий уйти двум людям мирно речением уст своих, справедливый подобно двум чашкам весов..., склоняющий свое сердце, чтобы услышать слова, подобно богу в его час...». ³²⁾

Нарисовав такими, яркими красками образ «идеального» чиновника, возможно, заимствованный из поучительной литературы, вельможа Инени с гордостью говорит, что и он в своей деятельности руководился этими правилами, чем снискал широкую популярность и «любовь» всего народа: «Не бывает твердосердечен хвалимый своим господином, не бывает нечестив устами хвалимый своим богом. Я достиг старости в своем южном городе, достоинств — в Хефтихернебес (Фиванском некрополе. — В. А.). Похвала моя была у его знатных, любовь — у простых. Я не грабил, я не вламывался». ³³⁾ Само собой разумеется, что вся деятельность такого «идеального» чиновника должна была сводиться к тому, чтобы всячески угождать фараону как высшему представителю и признанному главе правящего класса рабовладельческой аристократии. И, конечно, такая преданная служба царю всегда с лихвой вознаграждалась. Так, Инени откровенно признает, что его преданная служба царю была должным образом вознаграждена: «Царь усугубил мне свои милости вследствие [своих] великих достоинств для его сердца. Он возвел меня в начальники работ, в заведующего постройкой его гробницы... Он знал, что я верен, что я угодный сердцу, приятный устами, скрытен языком во [всем] касающемся дома царя. Он возвел меня в начальники двух житниц, в князя моего города, в начальники работ в Карнаке». ³⁴⁾ Еще более откровенно сообщает в своей биографии Инени о доходах, которые он получал благодаря милости царя: «Наградило меня его величество рабами. Хлебы мои из житницы царского дома [доставлялись] ежедневно... Я питался от обеденного стола царя, хлебом от трапезы царя, пивом, равным образом мясом, жиром, овощами, разными плодами, медом, пирогами, вином и оливковым маслом». ³⁵⁾ С особой гордостью сообщает Инени о милостях, которыми осыпала его царица Хатшепсут: «Хвалило меня ее величество, любила она меня, знала она достоинства мои во дворце. Наделила она меня имуществом. Возвеличила она меня. Наполнила она мой шатер серебром, золотом, всякими прекрасными тканями из царского дворца. Нечего и говорить — я стал выше всего». ³⁶⁾ [69] Таким образом, личное обогащение было главной и основной целью, к которой стремились эти «идеальные» чиновники, истинные представители правящего класса рабовладельческой аристократии.

Особенно характерным для времени XVIII династии является соединение в руках наиболее крупных вельмож и чиновников различных государственных и в то же время жреческих должностей. Одни и те же лица, очевидно, управляли как государственными, так и храмовыми землями и имуществами. Например, вельможа Инени писал: «Когда я был назначен князем, начальником двух житниц, поля храмовых владений были в моем ведении, все прекрасные работы были сосредоточены под моим управлением; я наблюдал за великими памятниками, которые он (фараон. — В. А.) соорудил в Фивах». ³⁷⁾

На соединение государственных и жреческих должностей в одних руках и на одновременное управление храмовым и государственным имуществом одним лицом указывает ряд надписей вельмож и чиновников, живших при Тутмосах и Хатшепсут. Так, Мин-а называл себя: «наследственный князь, великий любимый друг [царя], начальник рабов Амона, царский писец Мин-а правогласный».³⁸⁾ Представляет интерес в этом отношении служебная карьера вельможи Хапусенеба, жившего при Хатшепсут, подробно описанная в его биографии. Судя по этой надписи, вельможа Хапусенеб был непосредственным ставленником царицы Хатшепсут, которая выдвинула его на различные высокие должности. Так, Хапусенеб пишет: «Хвалил меня его величество, благой бог, царь Верхнего и Нижнего Египта Тутмос II... [назначил он меня] руководить работами в его скалистой гробнице благодаря величию моих планов... Назначен я был начальником в Фивах, в храмах Амона во всей земле Амона...».³⁹⁾ При царице Хатшепсут Хапусенеб, пользуясь, очевидно, особым доверием царицы, занимал важные государственные, придворные и храмовые должности, объединяя в своих руках управление как государственным, так и храмовым имуществом. Судя по сохранившейся надписи, Хапусенеб в это время был «наследственный князь, первый жрец Амона-Ра, начальник жрецов Южной и Северной Страны, начальник областей юга, начальник скота Амона, начальник всех должностей дома Амона, казначей царя Нижнего Египта, единственный семер»,⁴⁰⁾ а также «наследственный князь, великий начальник юга, жрец-сем Гелиополя, начальник города, везир, начальник храмов... И вот его величество было во дворце... Избрал меня его величество перед миллионами, возвысил меня его величество перед людьми благодаря величию своего сердца...».⁴¹⁾ Эти последние слова особенно ясно указывают на то, что Хапусенеб пользовался особым [70] личным доверием царицы и принадлежал к числу ее наиболее приближенных вельмож. Очевидно, именно в этот период образуется особый социальный слой высшей придворной аристократии, обязанной своим возвышением личной милости фараона и являющейся его наиболее прочной опорой. Очень высокое положение занимал при дворе царицы Хатшепсут и другой вельможа, по имени Тутии, который называл себя: «наследственный князь, начальник двух домов серебра, начальник двух домов золота, весьма наполняющий сердце владыки двух стран (т. е. пользующийся особым доверием царя. — В. А.), начальник жрецов Гермополя, опечатывающий сокровища в царском доме, обучающий ремесленников их делу, делающий открытия для опытных в делах, верховный начальник предписаний... безвредный... когда докладывает он дела... хорошо выполняющий задания, порученные ему... не забывающий того, что приказано ему... знающий способ хорошего выполнения [дел] навеки... доверенное лицо царя, владыка дворца... имеющий свободный доступ во дворец... хранитель печати царя Нижнего Египта и начальник всех ремесленных производств царя Верхнего Египта».⁴²⁾ Тутии особенно гордился тем, что ему было поручено произвести подсчет ценностей, переданных царицей в храм Амона после возвращения экспедиции из Пунта. По-видимому, Тутии соединял в своих руках управление как государственной казной, так и казной храма Амона в Фивах. В своей биографии он пишет: «Пожертвованы все диковинки, все приношения всех иноземных стран, лучшие из диковинок Пунта Амону, Владыке Фив, для его величества, да будет он жив, здоров и невредим, чтобы наполнить дом этого почтенного бога... Он дал ему Две Страны, так как он знает, что он пожертвовал их ему. Я произвел этот подсчет, так как я велик и превосходен для сердца его. Похвала моя пребывает с ним... Предпочитал он меня тем, которые находятся в его свите. Знал он, что предано ему сердце [мое]. Узнал он, что я человек, который, если ему что скажут, замкнет уста свои относительно дворцовых дел. Назначил он меня управителем дворца, зная, что я обучен делам. Я запечатывал два дома серебра и все роскошные драгоценные камни в храме бога Амона в Фивах, наполненном приношениями до потолка. Не происходило подобного со времен предков. Приказал его величество сделать...⁴³⁾ из электрума, из лучших [его сортов, доставленных из] горных стран, в середине палаты празднеств, и измерить мерами «хекет» [для Амона] в

присутствии всей страны. Итог [измерения и подсчета] 88 1/2 хекет электрума, что составляет [85] 92 1/2 дебена, для царя Верхнего и Нижнего Египта, да будет он жив, здоров и невредим [Маат-ка-Ра], живущего вечно. Я получал [71] хлеба из тех, которые поступают к Амону, Владыке Фив. Все это было на самом деле. Ни одного слова хвастовства нет в этом. Я бодрствовал. Сердце мое было превосходно для моего владыки...». ⁴⁴⁾ Судя по последним фразам этой надписи, Тутии получал продовольственное снабжение из Фиванского храма Амона. Следовательно, он занимал какой-то высокий пост в управлении храмовыми имуществами, являясь в то же время одним из наиболее видных государственных чиновников того времени.

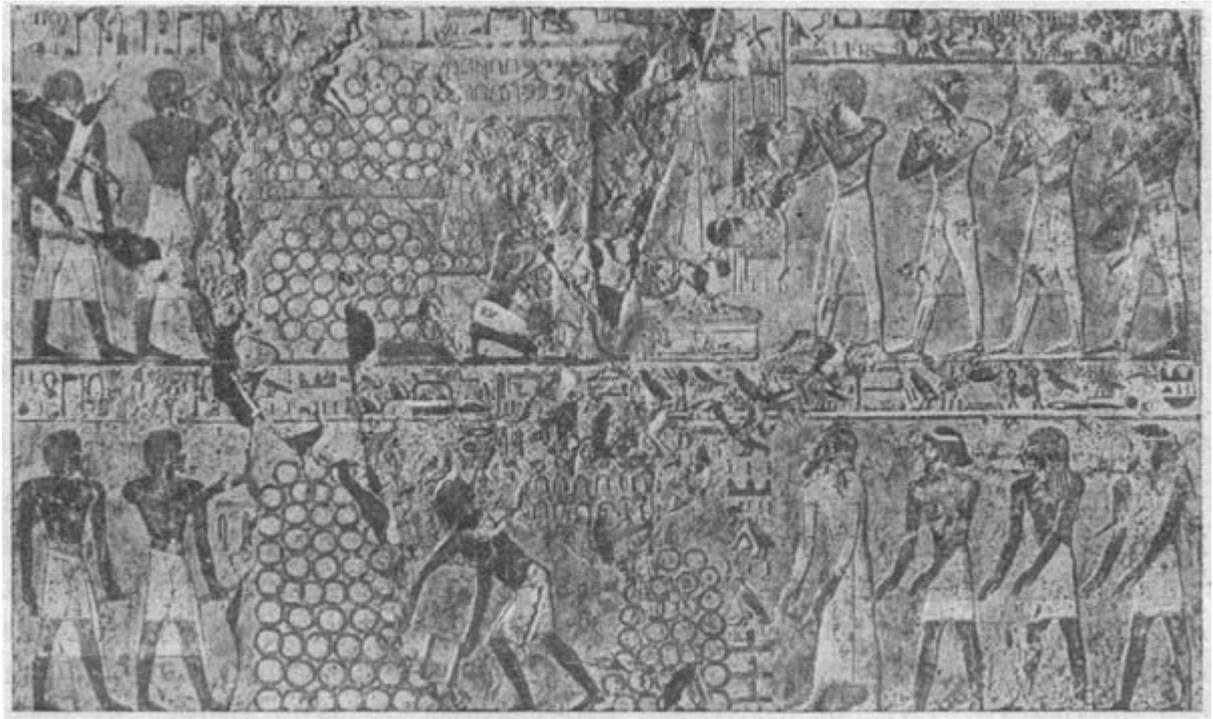
Процесс слияния и соединения в одних руках высших храмовых и государственных должностей особенно ясно виден на примере карьеры Сенмута, одного из наиболее влиятельных вельмож при дворе царицы Хатшепсут. Ряд сохранившихся надписей свидетельствует о том, что Сенмут управлял всеми владениями и имуществами крупнейшего храма — храма Амона в Фивах. Так, Сенмут называет себя «начальник полей Амона, начальник сада Амона, начальник прекрасного скота Амона, начальник великого дома Амона, начальник великого дома царя, начальник рабов Амона». ⁴⁵⁾ Далее Сенмут указывает, что его влияние простиралось на все храмы страны. Поэтому он называет себя «состоящим при тайнах во всех храмах». ⁴⁶⁾ В связи с этим Сенмут имел доступ ко всем храмовым архивам и располагал наиболее полной информацией относительно всего происходившего в государстве. «Я — знатный, которого слушали; я имел доступ ко всем писаниям жрецов. Не было ничего такого, случившегося с самого начала, чего я бы не знал». ⁴⁷⁾ Но наряду с этим Сенмут занимал и ряд очень видных государственных постов и пользовался особым доверием и особой милостью царицы, о чем он подробно говорит в своей надписи: «Я знатный, любимый господином своим, поддерживавший замечательные планы Владычицы Двух Стран. Возвеличил он меня перед Двумя Странами. Сделал он меня начальником своего дома и своих владений во всей стране. Я был начальником над начальниками, управляющим над управляющими всех работ. Я был во всей стране под его начальством, начиная со времени смерти своего предшественника. Я жил при Владычице Двух Стран, царе Верхнего и Нижнего Египта, Хатшепсут, живущей вечно». ⁴⁸⁾ С особой гордостью описывает Сенмут всю свою служебную карьеру и все свои заслуги перед царицей, которая его вознесла высоко над всеми остальными вельможами. «Приказано было начальнику дома Сенмуту руководить всеми работами царя в Фивах, в Гермонтисе, в храме Амона в Дейр-эль-Бахри, в храме Мут в Ишру, в южной части Фив Амона (Луксор. — В. А.), чтобы успокоить сердце его величества, этого почтенного бога, чтобы украсить памятники Владыки Двух [72] Стран, увеличить и украсить работы... согласно приказанному во дворце... согласно желанию сердца его величества относительно этого... Его верный [слуга], равного которому нет... сильный сердцем... казначей царя Нижнего Египта, жрец Амона Сенмут, говорит он: «Я великий среди великих всей страны, слушающий слушаемое, единственный в одиночестве, начальник дома Амона, Сенмут правогасный. Я действительно наполнял сердце царя, поступая так, что был хвалим своим господином ежедневно, начальник скота Амона, Сенмут. Я был открывающим истину, я не совершал лицепрятия. Радовался Владыка Двух Стран изречениям уст его, уст Нехена, слуги богини Маат, Сенмута. Я вошел в милость и добился похвал. Я радовал сердце царя ежедневно, семер, начальник дворца Сенмут. Я распоряжался в житнице приношений Амона каждый 10-й день, начальник двух житниц Амона, Сенмут. Я руководил праздниками богов ежедневно для Владыки Гора, да будет он жив, здоров и невредим, начальник дома Амона, Сенмут. Я был управляющим среди управляющих, высший над князьями, начальник всех работ царского дома, руководитель всех ремесел, начальник жрецов Монту в Гермонтисе, Сенмут. Я был тот, кому сообщали о делах Двух Стран. То, что доставлял юг и север, было под моей печатью. Повинности всех иноземных стран находились в моем ведении. Я был тот, шаги

которого знали во дворце, истинный доверенный царя, любимый им, начальник садов Амона, Сенмут».⁴⁹⁾ Именно поэтому Сенмут во всех своих надписях подчеркивает, что он занимал при дворе совершенно особое положение и стоял значительно выше всех остальных вельмож как по своему служебному положению, так и по своему влиянию. Это особое положение Сенмута, очевидно, объяснялось тем, что он соединял в своих руках управление всеми храмовыми владениями и имуществами. В то же время он занимал ряд высших государственных должностей. Поэтому он считал вправе называть себя: «великий среди великих, знатный среди знатных»,⁵⁰⁾ «наполняющий склады, обогащающий житницу, начальник двух житниц Амона, начальник сада Амона, руководитель всего народа, начальник всей страны... спутник царя в стране юга, севера, востока и запада, которому пожаловано золото похвалы».⁵¹⁾ В этих последних словах подчеркнута особая близость Сенмута к царице. Таков был один из высших представителей придворной рабовладельческой аристократии. Само собой разумеется, что этот высший слой правящего класса рабовладельческой аристократии был прочно спаян единством классовых интересов. Несмотря на постоянную борьбу, происходившую внутри верхушки этого правящего класса рабовладельцев, в социальной борьбе с трудовым народом этот класс всегда [73] выступал сплоченным и объединенным, что обеспечивало ему конечную победу над классовым врагом — рабами и бедняками. Связующим звеном, объединявшим правящий класс рабовладельцев, был царь, который считался божеством, а на самом деле был лишь высшим представителем правящего класса рабовладельцев. Официальная пропаганда всегда стремилась изобразить преданность аристократов царю или царице. Так, в одной дейр-эль-бахрийской надписи царицы Хатшепсут говорится: «Услышали знатные люди, благородные, вожди народа этот приказ об установлении сана его дочери, царя Верхнего и Нижнего Египта, Маат-ка-Ра, живущей вечно. И вот поцеловали они землю под ногами ее... Услышали все люди всех палат дворца и вот пришли они. Радость на лицах их».⁵²⁾ Конечно, это преклонение перед особой обоготворившегося царя должно было поддерживаться не только официальной пропагандой, но и суровыми мерами воздействия. Так, уже в те времена, возможно, был установлен строгий закон о жестокой каре за оскорбление обоготворенного царя, своего рода *lex de laese majestatis*, который присуждал виновного к смертной казни и был облечен в следующую лаконичную форму: «Если какой-либо человек выскажется против имени ее величества, то бог немедленно постановит его смерть».⁵³⁾

С другой стороны, царь, возглавлявший правящий класс рабовладельцев, возглавлял и его постоянную борьбу с трудовым народом, постоянно подавляя восстания как в Египте, так и в покоренных странах. Именно это ставится в особую заслугу царице Хатшепсут, как это видно из надписи, содержащей следующее обращение Тутмоса I к будущей царице: «Ты будешь могущественной в Двух Странах, ты схватишь мятежников, ты появишься во дворце».⁵⁴⁾

В состав правящего класса рабовладельческой аристократии входили, далее, представители местной знати, занимавшие видные должности в отдельных номах, управлявшие земледельческим и скотоводческим хозяйством нома и имевшие в номах свои собственные крупные поместья. Это были не только потомки старой родовой знати, но также чиновники, назначенные царем, пользовавшиеся его особым личным доверием и образовавшие постепенно новый слой поместной и служилой знати. Таков, например, Пахери, «номарх Нехеба и Инит, писец, начальник жрецов Нехебт, писец счета зерна», гробница которого с ее надписями и изображениями хорошо сохранилась до наших дней и дает яркое представление об экономическом и социальном положении ее владельца, типичного представителя местной аристократии времени XVIII династии.⁵⁵⁾ Судя по сохранившимся надписям, Пахери занимал должность номарха III нома Верхнего Египта и в то же время являлся [74] «писцом счета зерна» большой территории, включавшей

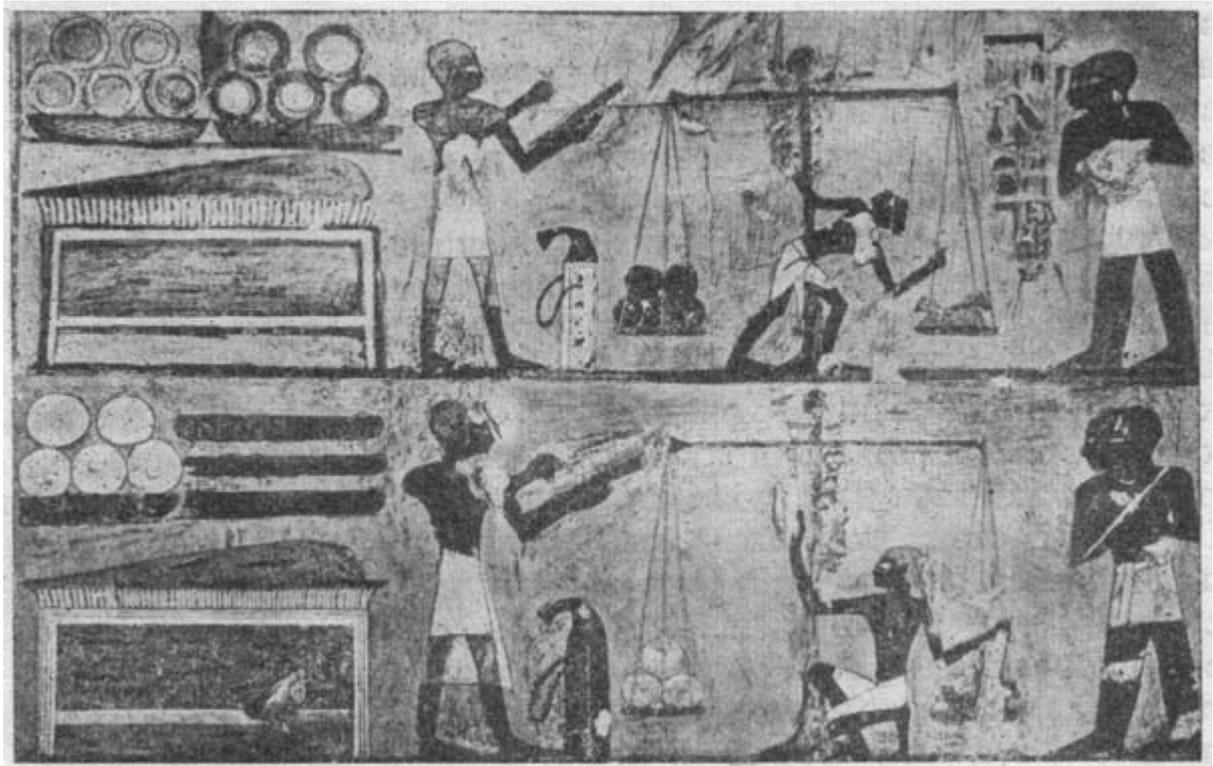
область столицы — Фив и обширный район к северу вниз по течению Нила, включая VI ном Верхнего Египта с его главным городом Перт-Хатхор (Дендера).⁵⁶⁾ Таким образом, развитие земледельческого хозяйства в аграрном Египте в период Нового царства и увеличение количества царских и храмовых земель требовали сосредоточения власти в руках отдельных местных чиновников. Именно поэтому контроль над земледельческим, зерновым хозяйством, «счет зерна» в пределах «большого южного округа» был сосредоточен в руках одного местного чиновника, в данном случае номарха Нехеба и Инит, т. е. III нома Верхнего Египта, Пахери. Изображения и надписи в гробнице Пахери характеризуют его основные обязанности. Художник представил Пахери наблюдающим за выполнением различных земледельческих работ. Здесь показано вспахивание земли плугом, в который впряжены четыре раба, за плугом идет типичный азиат, очевидно, тоже раб. Тут же четыре человека вскапывают землю мотыгами. Далее пахари ведут два плуга, в которые впряжены быки. Всего на пашне здесь работают 15 человек. Далее изображена жатва льна. Пять человек вырывают из земли стебли льна. Один работник очищает корни от земли. Другой связывает снопы. Третий уносит с ноля связанные снопы. Всего на жатве льна работают восемь человек. Еще дальше изображена жатва на зерновом поле. Десять жнецов срезают колосья серпами. Затем художник изобразил молотьбу зерна: три человека несут колосья в больших корзинах и три работника молотят зерно при помощи быков. Наконец, тут же показано, как четыре человека отвеивают зерно и шесть человек насыпают зерно в кучи. На всех этих работах заняты 34 работника, что характеризует довольно крупный объем этих земледельческих работ, которые лично инспектирует хозяин гробницы, крупный местный чиновник, «писец счета зерна Пахери». На заключительных рисунках изображен амбар, в котором насыпаны три большие груды зерна и одна груда, очевидно, льняного семени. Наконец, далее мы видим четыре баржи, груженные зерном, готовые к отправке в столицу. Надпись поясняет, что этот рисунок представляет «погрузку барж ячменем и пшеницей».⁵⁷⁾ Общая надпись вполне ясно определяет смысл всех этих изображений: «Осмотр летом и зимой всех работ, производимых в поле правителем Нехеба и Инит, который наблюдает и управляет на зерновых полях Южной Области, писцом счета зерна, Пахери».⁵⁸⁾ В обязанности Пахери входило и наблюдение за скотоводческим хозяйством вверенной ему области. Так, на соответствующем рисунке мы видим стада быков, коров, телят, ослов, коз и свиней. [75] Надпись гласит: «Подсчет количества скота номархом Инит, начальником полей Южной Области, наполняющим сердце своего господина, от Дендера до Нехеба, писцом Пахери».⁵⁹⁾ Наконец, на стенах этой же гробницы изображена приемка золота и отправка его на корабле в Фивы. Золото взвешивается на больших весах, и особый писец записывает его количество. Весьма возможно, что это золото добывалось в восточной пустыне к востоку от эль-Каба.⁶⁰⁾

Поставка золота в кольцах в сокровищницу Амона. Рельеф гробницы Ипу-им-Ра.
Новое царство. XVIII династия.

Как мы уже отметили, жречество составляло значительную экономически мощную и сплоченную группу, входившую в состав правящего класса рабовладельческой аристократии. Жречество и чиновничество были тесно связаны между собой. Одни и те же лица, по большей части знатные аристократы, занимали одновременно жреческие должности, а также высокие гражданские должности как в центральном, так и в местном управлении, часто находясь при царском дворе и пользуясь особым личным доверием и расположением фараона. Поэтому цари XVIII династии с целью укрепления экономической мощи и политического влияния этой могущественной группы рабовладельческой аристократии жертвовали в храмы большие богатства, превращая их в своего рода филиалы царской сокровищницы. Так, в одной надписи, сохранившейся на северном фасаде восьмого пилона в южной части храма Амона в Карнаке, сказано, что Тутмос I покорил население завоеванных стран, обратил побежденных в рабство и заставил местных [76] вождей платить подати храму Амона. В этой надписи Тутмос I говорит: «Я схватил их во время победы согласно приказу твоему (Амона. — В. А.). Они превращены в рабов по указанию твоему. Вожди всех иноземных стран со склоненной головой приносят подати для храма твоего».⁶¹⁾

Особенно крупные богатства пожертвовал храмам, главным образом храму Амона в Фивах, Тутмос III. Так, в своей коронационной надписи Тутмос III сообщает: «Мое величество устроил затем для него (Амона. — В. А.) новый сад, чтобы пожертвовать ему растения всякие и всякие хорошие цветы. Мое величество пожертвовал затем 1800 стат земли для полей храмовых владений, многочисленные поля в южной и северной стране... снабженные рабами. Я наполнил их пленными из южной и северной страны, детьми вождей страны Речену, детьми вождей Хент-хен-Нофра...».⁶²⁾

Выдача материалов из складов храмов Амона. Роспись гробницы Мен-хепер-Ра-снеба. Новое царство. XVIII династия.

Большой и подробный перечень всех даров, переданных фараоном храму Амона в Фивах, дает один из отрывков «Анналов Тутмоса III». В этой надписи говорится, что царь после победы, одержанной над врагом, пожертвовал храму пленников, обращенных в рабство, которые должны были ткать в храмовых мастерских различные ткани, обрабатывать храмовые поля, собирать зерно и наполнять житницы храма. Судя по этой надписи, храму Амона в Фивах пожертвовано 1588 рабов и рабынь, пригнанных из Азии и Нубии. Далее в той же надписи [77] сообщается, что царь передал храму дойных коров различных пород, много гусей для птичьего двора храма, большое количество полей и земельных угодий, разнообразные ценности, в частности серебро, золото, лазурит, малахит, бронзу, руду, свинец, краски, «чтобы соорудить все памятники для отца моего Амона», наконец, три сирийских города — Иниугес, Инуааму, Хуренкару, повинности с которых должны были ежегодно взиматься в пользу Фиванского храма Амона.⁶³⁾ В надписях фараона Тутмоса III неоднократно говорится о том, как по приказу царя храмам, главным образом Фиванскому храму Амона, стали приносить более многочисленные, чем раньше, жертвы. Так, уже в коронационной надписи Тутмоса III сообщается, что «царь сам приказал сделать жертвенные приношения заново для отца своего Амона-Ра, владыки престолов Двух Стран (Фив. — В. А.)... пива — 30 кувшинов, связок овощей — 100, вина — три сосуда «хебнет», птиц «хетаа», плодов, белого хлеба... Мое величество приказал затем принести в жертву [сделать новое приношение] коров, телят, быков, газелей...»⁶⁴⁾ Стремление правительства укрепить экономическую базу жречества особенно сказалось в чрезвычайно широкой строительной деятельности фараонов XVIII династии, которые тратили очень большие средства на ремонт и перестройку старых храмов и сооружение новых роскошных зданий в честь богов Египта. Так, в большой строительной надписи на гранитной стеле из Карнака, ныне хранящейся в Каирском музее, описываются постройки, воздвигнутые Тутмосом III после начала его войн. В частности, в этой надписи сообщается о сооружении большой пристройки к восточному концу большого Карнакского храма и описывается сооружение роскошных колонных зал и святилища, которые образовывали пристройку. Согласно надписи на алтаре, найденном в Карнаке,

это здание носило название «Мен-хепер-Ра славен своими памятниками». Можно предполагать, что это название сохранилось до времени Такелота II. Новое и роскошное сооружение было настолько велико, что древнюю часовню божества водного хаоса Нун пришлось перенести дальше на восток. Необходимость постройки была вызвана тем, что Хатшепсут поставила свои обелиски в колонном зале Тутмоса I, так что этот зал лишился своей крыши. Тутмос, произведя перестройку этой части храма, заменил в зале старые кедровые колонны каменными. Возвратившись из второго сирийского похода, на 24-м году своего царствования Тутмос III начал эту постройку, и за два месяца до отправки в третий поход была, как описано в надписи, совершена торжественная закладка здания.⁶⁵⁾ После возвращения Тутмоса III из третьего похода в 25-м году на стенах одной из комнат храма были [78] изображены растения и цветы, привезенные из Сирии.⁶⁶⁾ Судя по одной надписи, особое помещение было посвящено культу царских предков. В одной комнате находился список царей, культ которых совершался в этом храме и статуи которых здесь были поставлены. Очевидно, культу царских предков придавалось большое значение, так как этот древний царский и заупокойный культ служил для укрепления авторитета власти обоготворенного царя и тем самым для укрепления всего классового строя и рабовладельческой системы в целом. На связь этого храма с заупокойным царским культом указывается в другой надписи Тутмоса III, в которой этот храм назван «памятник в честь его отца, царя Верхнего и Нижнего Египта Тутмоса I и памятник в честь его отцов, царей Верхнего и Нижнего Египта».⁶⁷⁾ Таким образом укреплялась неразрывная связь между аппаратом государственной власти, который увенчивался царем, и богатым аристократическим жречеством, входившим составной частью в правящий класс рабовладельческой аристократии.

Глава III. Государственное управление

Египетское государство в период царствования фараонов XVIII династии обладало всеми чертами древневосточной деспотии. К. Маркс и Ф. Энгельс в различных своих трудах отметили типичные черты древнейшего классового, точнее, древнейшего рабовладельческого государства, которое возникло в восточных странах в связи с появлением рабовладельческой эксплуатации, однако в тот период, когда еще в значительной степени сохранялись сельские общины. Наблюдая пережиточное сохранение сельских общин в Северной Индии, Маркс в 1853 г. указал на то, что эти общины, которые он называл «идиллическими республиками», были прочной основой азиатского деспотизма: «Эти идиллические республики, ревниво охраняющие лишь *границы своих общин* от вторжения соседних общин, существуют еще и донныне в довольно хорошо сохранившемся виде в northwestern parts of India (северо-западных частях Индии. — В. А.), которые недавно достались англичанам. Я полагаю, что трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма».¹⁾

Наряду с этим Маркс в результате глубокого изучения целого ряда исторических фактов установил, что при этой своеобразной форме восточного деспотизма сохранялось в течение длительного времени общинное землевладение, хотя высшим или верховным собственником всего земельного фонда считалось государство в лице восточного деспота, которого Маркс образно называл «связующим единством». Эта мысль постепенно формулируется и уточняется в трудах Маркса и Энгельса. В рукописи Маркса, относящейся к 1856—1857 гг., мы найдем существенно важную характеристику «коллективной земельной собственности, покоящейся на восточной общине [80] (auf der Orientalischen Kommune)», которую Маркс, очевидно, считал первой формой земельной собственности. По его словам, «эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение {т. е. коллективная собственность на землю}, сама может реализоваться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит, что, как в большинстве основных *азиатских* форм, *связующее единство*, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает, как высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*».²⁾

Несколько далее Маркс уже твердо и определенно указывает, что «в условиях восточного деспотизма и юридически кажущегося отсутствия при нем собственности, на деле в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины».³⁾

Эта же мысль с предельной четкостью выражена была и Энгельсом в «Анти-Дюринге» в следующих словах: «...Восточный деспотизм был основан на общинном землевладении».⁴⁾

Наконец, взаимоотношение между частным и общинным землевладением и землепользованием, с одной стороны, и верховным правом государства на земельную собственность, с другой стороны, в условиях восточного деспотизма глубоко охарактеризовано Марксом в «Капитале»: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».⁵⁾

Это древнейшее рабовладельческое государство, которое раньше всего возникает в восточных странах в форме древневосточной деспотии, постепенно приобретает типичные черты бюрократической и централизованной монархии. Тщательное изучение всех доступных в то время исторических материалов и источников позволило Марксу и Энгельсу еще в 1853 г. отметить наиболее существенные, как бы основные государственные ведомства или центральные органы государственного управления, существовавшие в условиях восточного деспотизма: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ».⁶⁾ [81]

Вполне естественно, что в древневосточных аграрных странах, в которых земледелие было основано на искусственном орошении, «Public works (общественные работы. — В. А.) являются делом центральной власти»,⁷⁾ причем «*ирригационные каналы*, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами».⁸⁾

С течением времени возникает и оформляется ряд других ведомств; среди них видное место занимает судебное ведомство, целью которого является создание юридических гарантий безопасности правящего класса рабовладельцев для наиболее эффективной эксплуатации масс рабов и бедняков. Весьма важную роль в управлении государством играло чиновничество, состоявшее из жрецов и писцов, тесно связанных с рабовладельцами.

Идейной опорой древневосточной деспотии была религия, согласно догматам которой царь был земным божеством. Эта идеология обоготворения царя и царской власти имела целью укрепить авторитет деспота, деспотической государственности и всего рабовладельческого строя в целом. Культ царя существовал во всех древневосточных странах, но достиг особенно яркого выражения и широкого распространения в древнем Египте, где жречество в течение тысячелетий внушало массам мысль о божественном происхождении и священном авторитете царя и царской власти. Естественно, что в связи с этим большие богатства скапливались в храмах. «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного лица, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п. и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа — бога».⁹⁾

Но особенно существенно то, что древнейшей, первой формой деления общества на классы было деление на рабовладельцев и рабов. Поэтому древнейшее классовое государство было рабовладельческим, как на это ясно указал В. И. Ленин еще в 1919 г. в своей знаменитой лекции «О государстве».¹⁰⁾ Изучение документов древневосточной истории, в частности истории древнего Египта в эпоху XVIII династии, дает возможность охарактеризовать древнеегипетскую деспотию этого времени, ее материальную базу, ее бюрократический характер, ее связь с жречеством, ее идеологическую основу, ее централизующую тенденцию, весь этот древнейший аппарат государственного насилия, «который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами».¹¹⁾ [82]

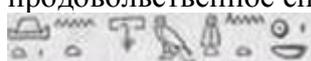
Система государственного управления

Развитие рабовладельческого хозяйства, связанное с этим углубление классовых противоречий и развитие военно-захватнической политики требовали значительных изменений в системе государственного управления. Для управления огромным государством, границы которого в период XVIII династии простирались на северо-востоке вплоть до берегов Евфрата, а на юге — до 4-го нильского порога, необходим был достаточно мощный и централизованный аппарат государственной власти. Этот аппарат был нужен в первую очередь для подавления народных движений, которые неизбежно возникали как результат обострения классовых противоречий. Во-вторых, этот централизованный аппарат государственной власти был необходим для управления широко разветвленной сетью искусственного орошения, организации больших торговых экспедиций и координации управления разросшимися царскими и храмовыми поместьями. Выросшее на основе систематически проводившейся военно-захватнической политики, державшееся главным образом благодаря наличию большой и сильной армии, египетское государство времени XVIII династии было типичным для древнего Востока военно-административным объединением. Поэтому высшие представители государственной власти были наделены прежде всего высшей военной властью, что должно было способствовать максимальной централизации военной власти. Поскольку во главе египетского государства стоял обоготворенный фараон, «сын солнца от плоти его», как он называется в официальных надписях того времени, постольку вся высшая военная власть и командование войсками были сосредоточены в его руках. В надписях этого времени ясно указывается, что во главе египетских войск стоит сам фараон в качестве высшего представителя военной власти. Так, например, в надписи Тутмоса I говорится: «[Он] взял границы земли в свое владение. [Он] сокрушил обе крайние части ее своим могучим мечом, ища сражения, но не нашел никого, кто противостал бы ему. Он проник в долины, которых [его царственные] предки не знали. Не видели их те, которые носили двойную диадему коршуна и змеи... Южная граница его достигает до этой земли (Нубии. — В. А.), северная же — до перевернутой воды, которая течет вниз по течению реки, идя вверх по течению. [Подвластны] ему острова великого круга (т. е. моря. — В. А.), вся земля — под его ногами».¹²⁾

Еще раз подчеркнута высшая военная власть фараона в «Анналах Тутмоса III», в которых описывается битва при Мегиддо, когда «царь сам вел свои войска, мощный во главе [83] их, подобный языку пламени, царь, работающий своим мечом. Он двинулся вперед, ни с кем не сравнимый, убивая азиатов, поражая Речену, увозя их князей живыми в плен, а также их колесницы, обитые золотом, вместе с их лошадьми».¹³⁾

Та же мысль символически изображена на южном фасаде седьмого пилона Карнакского храма. Мы видим здесь фараона Тутмоса III, который в образе юного победоносного бога избивает сирийских пленников. Помещенная тут же надпись содержит перечень завоеванных стран и областей, названия которых заключены в картуши с головами пленников. Бог Амон и богиня Аментет подводят к царю символические изображения покоренных городов.

Материальной базой древнеегипетской деспотии была земля, верховным собственником которой считался царь. Поэтому царь имел полную возможность наделять военных командиров и чиновников земельными владениями в награду за их «верную службу». Так, командир корабля Яхмос, служивший трем первым фараонам XVIII династии, сообщает в своей автобиографии, что царь щедро наградил его не только золотом, рабами и рабынями, но также «весьма многочисленными землями».¹⁴⁾ Царский зодчий Инени, живший при Хатшепсут и Тутмосе III, с гордостью говорит, что он получал регулярное продовольственное снабжение из «амбара царского дома ежедневно»

¹⁵⁾ Очевидно, этот «царский дом» был не чем иным, как «царским

поместьем», т. е. теми земельными владениями, которыми царь распоряжался непосредственно и доходы с которых царь часто жаловал в виде награды отдельным аристократам. Этот «царский дом» упоминается, в частности, и в «Инструкции везира Рехмира» в качестве особого дворцового управления.¹⁶⁾ Большое царское поместье изображено на стенах гробницы чиновника Менены, который носил титул «писца полей Владыки Двух Стран, Верхнего и Нижнего Египта».¹⁷⁾ Здесь показаны самые разнообразные сельскохозяйственные работы, которые производились в этом поместье. Мы видим, как при помощи длинного землемерного шнура обмериваются поля под руководством самого Менены, которому сопутствуют четыре чиновника дворцового управления, из чего можно заключить, что поместье занимало большую территорию и требовало для управления им значительного штата особых чиновников. Далее Менена стоит в торжественной позе под особым балдахином со знаками чиновничьей власти, с большим посохом в одной руке и скипетром в другой. К нему приплыли на лодке управляющие царскими землями и доставили дары: круглые хлебы и пучки овощей. Одних, очевидно, наиболее усердных, он награждает [84] и приказывает умастить маслом, а других, не выполнивших своих обязательств, приказывает бить палками, что тут же весьма наглядно изображено. Еще дальше представлена колесница с двумя впряженными конями, на которой прибыл Менена. Сам Менена стоит под балдахином и наблюдает за молотью, провеиванием и подсчетом зерна. Результат подсчета записывается писцами.

Затем мы опять видим Менену, который на этот раз сидит на маленькой скамейке, наблюдая за жатвой, вспахиванием земли при помощи плугов и мотыг, за сбором урожая. Во всех этих работах участвует около 50 человек. Можно предполагать, что изображенные люди являются рабами, так как за их работой следят надсмотрщики.¹⁸⁾

В периоды наивысшей централизации государственной власти фараон, возглавлявший деспотию, считавшийся неограниченным властителем всей страны, с помощью чиновников управлял не только царскими, но и храмовыми землями. Именно поэтому, когда чиновник Инени был назначен «князем и начальником двух житниц», т. е. управляющим обширными складами, в которых накапливались и хранились натуральные поступления из царских поместий, он стал в то же самое время управлять и «полями храмовых владений».¹⁹⁾ Вполне естественно, что в распоряжении царя находились и все лесные фонды страны. Поэтому только по царскому приказу везир мог послать людей для порубки смоковниц.²⁰⁾ Наконец, в «Инструкции везира Рехмира» говорится о том, что даже «недоимки» в Фиванской области и в столице взимались «согласно сказанному во дворце», т. е. по прямому приказу царя. Весьма возможно, что именно в Фиванской области находился особенно крупный массив царских поместий, которыми управлял от имени царя везир юга, в данном случае Рехмира.²¹⁾ Для выполнения всех этих функций центральной власти фараон имел в своем непосредственном распоряжении особую канцелярию, в состав которой входило множество чиновников, а в эпоху Нового царства, в связи с усилившейся централизацией государственного управления, — особые «доверенные» лица, которым царь давал самые разнообразные поручения и которых посылал со своими приказами к правителям областей и начальникам городов. Ближайшим помощником царя по управлению центральной царской канцелярией был везир, которому царь передоверял ряд своих функций, как это видно из «Инструкций везира Рехмира». Так, везиру следовало «докладывать о каждом просителе, [который обращается] к царю, после того, как он изложит [свою просьбу] письменно. Это он будет отправлять всех доверенных царя, посланных к правителям областей и начальникам городов. Это он будет отправлять всех путешественников [85] и все экспедиции дворца».²²⁾ «Это он будет посылать воинов и писцов округа, чтобы выполнить указания царя».²³⁾ Таким образом, особые чиновники, носившие титулы «доверенных», служили своего рода связующим звеном между органами местной власти в лице правителей областей и высшей

центральной властью в лице фараона и его помощника, везира. Распоряжения центральной власти передавались правителям областей через этих «доверенных», что способствовало усилению централизации государственного управления.

Важными функциями центральной власти были: управление каменоломнями и рудниками, устройство дорог и наблюдение за ними, организация больших торговых экспедиций в соседние страны. Выполнение этих обязанностей царь возлагал на высших сановников государства. Наконец, верховная судебная власть находилась в руках царя, и его неоспоримой прерогативой было назначение наказаний для наиболее опасных преступников.²⁴⁾

Но особой специфической чертой древневосточной, в частности древнеегипетской, деспотии была концентрация в руках царя высшей религиозной власти, с чем очень тесно связана идеология обоготворения царя и царской власти. В эпоху Нового царства царский культ получает очень яркое и четкое выражение. В целях укрепления стародавних традиций все еще продолжает существовать или, может быть, только принимает новые формы культ великих фараонов Древнего царства. Об этом мы узнаем из надписи на марсельской статуе Хонтутебу, в которой упоминается жрец покойного царя VI династии Тети, носивший звание «писца жертвенника владыки Двух Стран».²⁵⁾

Но если в эпоху Нового царства обоготворялись цари Древнего царства, то, конечно, и власть современных фараонов постоянно подкреплялась широкой пропагандой царского культа. Именно в эту эпоху принимает отточенную форму и широко распространяется и пропагандируется в искусстве представление о том, что царь был сыном бога «от плоти его». Древний титул фараона — «сын солнца» получает яркое и наглядное обоснование как в художественных изображениях, так и в религиозных текстах, в которых бог постоянно называет царя — «сын от плоти моей».²⁶⁾ В храмах устраивались особые залы, посвященные царскому культу, которые назывались «великий дом» или «здание его, находящееся в храме».²⁷⁾ На стенах зала обычно изображались главные моменты священной жизни обоготворяемого царя: его рождение, коронация, празднование 30-летнего юбилея и т. п. Эти изображения довольно хорошо сохранились в развалинах двух храмов XVIII династии: храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри и храма [86] царя Аменхотепа III в Луксоре. Тот факт, что изображения в обоих храмах почти совершенно тождественны, говорит о том, что жречество выработало особую религиозную легенду и особый трафаретный тип художественной и религиозной пропаганды царского культа. Длинная серия религиозных изображений, имеющих целью доказать божественное происхождение царя и царской власти, обычно распадается на три группы: бракосочетание царицы и бога, рождение царевича (или царевны) и признание его богами в качестве своего потомка и земного воплощения божества. Священный рассказ начинается с пролога, в котором описываются события, якобы происходящие на небе. Бог солнца и верховный бог египетского государства и его столицы Амон сообщает совету девяти богов о рождении царевны и предрекает ей великое могущество.²⁸⁾ Далее следует довольно реалистическое изображение и описание того, как бог Амон спустился к царице, чтобы зачать ребенка. Бог Амон и царица Яхмос изображены сидящими на троне, который поддерживают богини. Помещенный тут же иероглифический текст подробно описывает зачатие царевны и приводит речи бога и царицы. Амон предсказывает рождение царевны Хатшепсут, благословляет свою дочь и предрекает ей счастливое царствование и великое могущество.

«Соединяющаяся с Амоном, первая из достойных (Хатшепсут. — В. А.) — будет имя этой дочери, которую ты родишь, ибо так последовали слова твои. Она будет благотельно царствовать во всей этой земле, ибо моя душа принадлежит ей, мое сердце принадлежит

ей, моя воля принадлежит ей, моя корона принадлежит ей, дабы она правила над Двумя Странами, дабы она вела всех живущих...»²⁹⁾

Эти слова, выражающие тесную связь между богом и царицей, должны были выразить основной догмат о божественном происхождении царя и царской власти.

Следующая группа изображений и текстов, охватывающая тему «рождение царевны», начинается с описания того, как Амон призывает бога-творца Хнума и говорит ему, что он зачал царевну. В ответ на это Хнум обещает Амону вылепить на гончарном круге ребенка и его двойника, что тут же изображено на рельефе.³⁰⁾ Далее художник показывает, как бог и богиня творческой силы Хнум и Хекет ведут беременную царицу в родильный покой. Царица под непосредственной охраной Амона проходит мимо богов. За этим следует сцена рождения ребенка и, наконец, важнейший для пропаганды царского культа эпизод «признания царевны богами». Бог Амон берет ребенка на руки и, как гласит текст, «сжимает, обнимает, качает ту, которую он любит больше всего» и говорит ей: «Приди, приди в мире, дочь от плоти моей, которую я люблю, Маат-ка-Ра, [87] царский образ, который будет появляться на троне Гора живых вовеки».³¹⁾ В заключение приводятся сцены кормления царевны молоком богини Хатхор, изображенной в виде небесной коровы, и записи имен будущей царицы богиней истории Сафехет.

Все эти религиозные изображения и надписи должны были дать наглядное и в то же время «теоретическое» обоснование религиозной идеологии обоготворения царя и царской власти. Этим хотели показать, каким образом царь или царица «реально рождались» от божества, являясь, как гласят тексты, сыном или дочерью «от плоти бога». В этом заключался весь пропагандистский смысл изображений и надписей, целью которых было объяснить, почему фараона называли «великим богом», «благим богом» или «сыном солнца».

Но если фараон считался сыном бога, то он в качестве его преемника должен был не только наследовать его власть, но и постоянно закреплять свою связь с ним, периодически совершая особый ритуал заупокойного сыновнего культа. Торжественно выполняя важнейшие религиозно-магические обряды, принося различные жертвы богам, совершая перед статуями богов обряд «священного бега», фараон, по учению египетских жрецов, как бы постоянно магически возобновлял свою связь с богами, что давало ему право неограниченно, деспотически править всей страной и всеми людьми в качестве «сына солнца» и наследника власти богов на земле.

На «сыновнее» отношение фараона к богам боги отвечали ему чисто «отеческим отношением», даря ему жизнь, согласно учению египетских жрецов. Это наглядно показано на многих изображениях, где боги подносят к носу царя «дыхание жизни» в виде гиероглифического символа жизни «анх»,³²⁾ предварительно подвергнув царя ритуальному очищению, ибо одним из основных требований египетской религии было требование культовой чистоты.³³⁾

Царский культ нашел внешнее выражение в ряде торжественных праздников. Среди них особенно важное значение имел праздник 30-летнего юбилея (хеб-сед), во время которого фараон во главе торжественной процессии шел к особому павильону, где он короновался и совершал обряд объединения южной и северной стран. После ритуального метания стрел и выпуска четырех птиц фараон поднимался к статуе верховного божества, где и получал свыше символы 30-летних юбилеев, где богиня кормила его своим молоком и имена царя записывались на листьях дерева «вечной жизни» (ашед). Но особенно торжественно производилась церемония коронации фараона, «когда присутствовал на

заседании сам царь в приемном зале западной части дворца, в то время как эти люди были распростерты [88] на животах своих во дворе». ³⁴⁾ Религиозно-идеологическое значение обряда коронации фараона подробно разъяснено в большой коронационной надписи фараона Тутмоса III. ³⁵⁾ Наконец, царь в качестве земного воплощения божества лично совершал некоторые особенно важные религиозные обряды. Так, например, на одном дейр-эль-бахрийском рельефе изображено, как Тутмос III совершает обряд ритуального возлияния воды перед статуей бога Сокара. ³⁶⁾ Тот же фараон совершал культ воды и огня перед статуей бога Амона. ³⁷⁾ Наконец, на стэле, стоявшей между лапами большого сфинкса, фараон представлен совершающим возлияние и возлияние перед статуей сфинкса. ³⁸⁾ Вполне естественно, что царей часто изображали в виде богов и что на головах царей часто красуются священные короны божества. ³⁹⁾ Иногда изображение царя и точности воспроизводило облик древнего бога Озириса, сидящего на троне под балдахинном. В левой руке обоготворенный царь обычно держит символы власти — бич и жезл, а в правой — символ жизни. ⁴⁰⁾ Наоборот, Озириса иногда изображали в виде обоготворенного царя древности, который правит в загробном мире совершенно так же, как живой фараон правит в мире земном, что приводило подчас к почти полному отождествлению понятий «царь» и «бог». ⁴¹⁾

Везират

Ближайшим помощником царя по управлению страной в Египте с древних времен был везир . Однако, начиная с Нового царства в связи с расширением территории египетского государства и усложнением системы государственного управления, должность везира делится между должностями двух везиров: везира севера, который, находясь в Мемфисе, управлял всей северной частью государства до Сиутского нома включительно, и везира юга, управлявшего всей южной частью государства — от южных границ Сиутского нома вплоть до нильских порогов. Таким образом, южный везир управлял столицей государства — Фивами и в соответствии с этим носил особый титул «начальника города», а также особым административным округом, который назывался «голова юга» и охватывал собой самую южную часть государства. Поэтому понятно, что везир юга занимал более высокое положение, чем везир севера. Находясь ближе к царю и тем самым к центральному управлению, управляя столицей и огромными имениями Фиванского храма Амона, везир юга во многих отношениях был ближайшим помощником царя по управлению всей страной, так как в некоторых случаях его компетенция простиралась [89] на территорию всего государства. Так, например, везир юга ведал всеми крепостями «юга и севера», т. е. расположенными на территории всего государства. ⁴²⁾ Далее, он ведал всеми делами, связанными с землевладением и землепользованием во всей стране и принимал по этим делам просителей, даже если их поля находились «в Верхнем или Нижнем Египте». ⁴³⁾ Везир юга имел право «назначать на должности чиновников Верхнего и Нижнего Египта», ⁴⁴⁾ обязан был «выслушивать правителей областей и начальников городов, отбывших его именем из Верхнего и Нижнего Египта», причем он ведал проведением каналов «во всей стране». ⁴⁵⁾ Таким образом, несмотря на то, что управление Северным Египтом было передано в руки особого чиновника, везира севера, необходимость централизации всей системы государственного управления привела к тому, что важнейшие функции по управлению всей страной были сосредоточены в руках везира юга, который фактически был первым помощником царя по управлению всем государством.

В период XVIII династии, когда военно-захватническая политика Египта достигла наибольшего напряжения и египетские фараоны вели длительные войны с целью полного завоевания соседних стран — Нубии, Палестины, Финикии и Сирии, мобилизуя для этого

все людские и материальные ресурсы Египта, среди разнообразных функций везира юга выделяется функция управления военным ведомством. На это указывают следующие слова в «Инструкции везира Рехмира», полный текст которой сохранился в его фиванской гробнице: «Ему (везиру. — В. А.) следует докладывать о состоянии крепостей юга и севера».⁴⁶⁾

Судя по этим словам, в ведении везира юга находились все крепости во всей стране с их военными гарнизонами. Больше того, как ясно указывается в тексте той же «Инструкции», везир юга должен был «устанавливать общее количество воинов, которые должны двигаться в качестве спутников владыки царя, когда он будет плыть на юг или на север... К нему следует приводить начальника царской палаты и совет воинов, чтобы он им дал военные указания».⁴⁷⁾

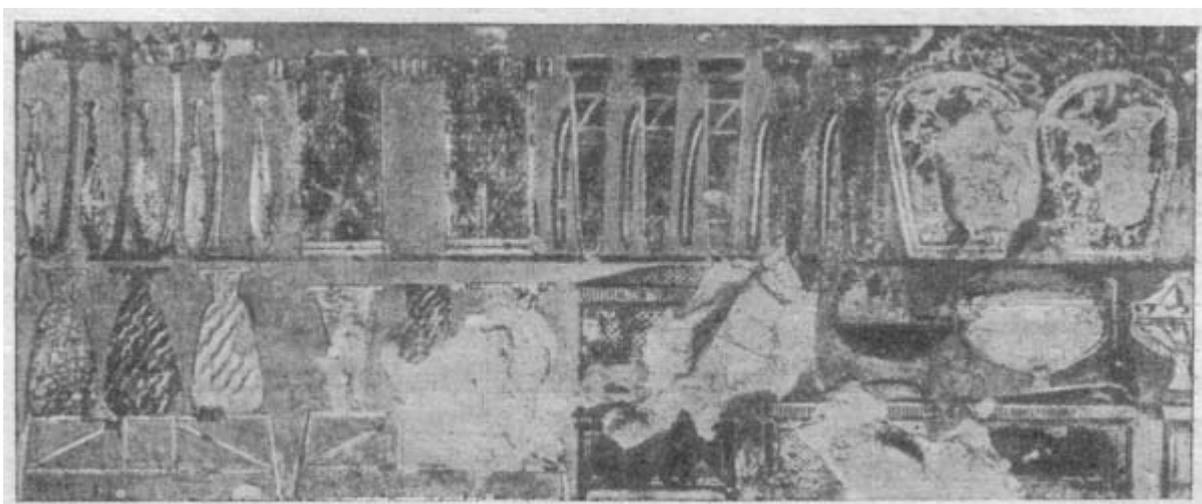
Таким образом, в ведении везира юга находилось военное ведомство и в его функции входила организация войска, в частности царской гвардии, а также военного дела во всей стране, что, конечно, значительно способствовало централизации военного управления во всем государстве.

Столь же высокой степени централизации достигло и судебное управление, во главе которого стоял везир юга, который сосредоточивал в своих руках высшую судебную власть. В «Инструкции везира Рехмира» ясно указывается на то, что [90] «палата везира» была высшей судебной инстанцией и что только один везир обладал высшей судебной властью. Так, в «Инструкции» говорится: «Пусть ни один сановник не присваивает себе права выносить приговор в его (везира. — В. А.) палате. Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он прикажет привести его в судебное присутствие. Это везир наложит на него наказание соответственно с его проступком. Пусть ни один сановник не присваивает себе права налагать телесные наказания в его палате. Ему будут докладывать о каждом деле, касающемся его палаты, с тем чтобы он передал рассмотрение этого дела в эту палату».⁴⁸⁾

Судя по тексту этой «Инструкции», везир должен был в своей палате лично рассматривать дела, связанные с невыполнением чиновниками обязанностей, а также наиболее тяжелые уголовные преступления, виновные в совершении которых заносились в особый «список преступников», хранившийся в главной тюрьме. Очевидно, к тягчайшим уголовным преступлениям в первую очередь относились преступления, направленные против существующего государственного строя. Недаром везир Рехмира ставил себе в особую заслугу то, что он вел упорную борьбу со всеми внутренними врагами государства; о своей деятельности он говорил с гордостью: «Я поразил участников ночных заговоров. Я ударил преступника... Я преследовал виновного на суше и на воде... Я внушал ужас толпе и обучал иноземца его обязанностям. Я заставлял мятежника сознавать его собственные ошибки. Приказ царя был в моей руке для выполнения его повелений. Никто не сказал обо мне: «Что он сделал?»».⁴⁹⁾

Аналогичные выражения, свидетельствующие о жестоком подавлении восстаний и постоянной борьбе с мятежными элементами, сохранились и в других автобиографических надписях высших судебных чиновников этого времени. Особенно характерна в этом отношении надпись Интефа, который гордился тем, что он «связывал мятежников, обладал сильной рукой, направленной против грабителей, применял насилие по отношению к тем, которые применяли насилие... укорачивал час жестокосердного, принуждал злонамеренного выполнять закон... внушал великий ужас преступникам и мятежникам, связывал противников, поражал насильника, обеспечил безопасность дворца, установил законы и внес успокоение в толпу перед лицом царя...»⁵⁰⁾

Далее, в руках везира, в первую очередь везира юга, было сосредоточено верховное управление всем земельным фондом и всей системой искусственного орошения, что имело особенное значение для развития земледельческого хозяйства в такой [91] по преимуществу аграрной стране, как Египет. На эти хозяйственные функции везира юга неоднократно указывается в «Инструкции везира Рехмира». Так, согласно «Инструкции», все дела, связанные с распределением пахотных земель, рассматривались непосредственно самим везиром, который в таких случаях запрашивал мнение особого чиновника, носившего особое звание «начальника пашен», и окружного совета «джаджат». Далее в ней говорится о том, что везир должен был распределять все земельные участки.⁵¹⁾ Соответственно с этим в круг обязанностей везира входило устанавливать «границы каждой области, каждого пастбища, каждого храмового хозяйства, каждого владения».⁵²⁾ Поэтому везир должен был рассматривать все дела об изменениях границ земельных владений и выслушивать просителей, говоривших: «наша граница передвинута»,⁵³⁾ а также выносить решения по этим спорным вопросам. Все документы должны были храниться в палате везира, как на это ясно указывается в следующих словах «Инструкции»: «Список области должен находиться в его палате, чтобы можно было слушать дела о всех пашнях».⁵⁴⁾

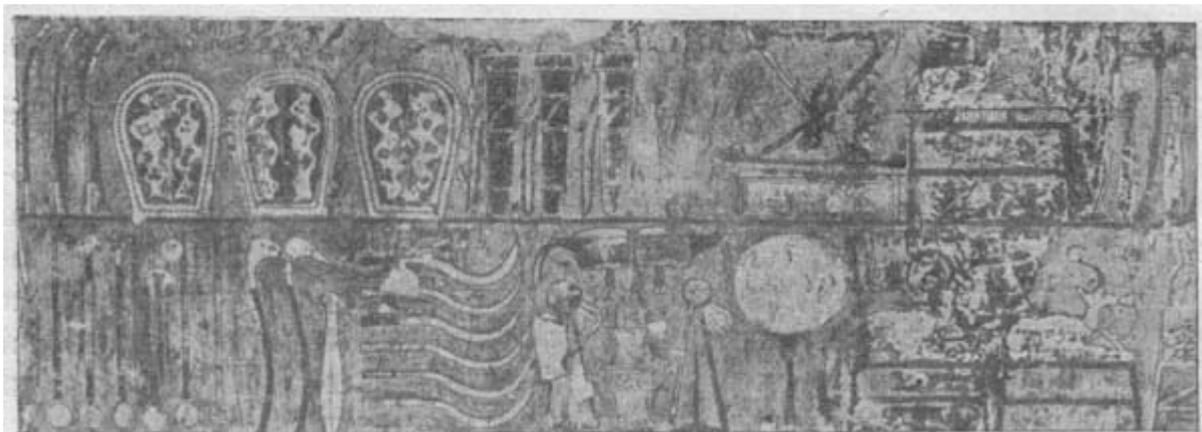
Щиты, колчаны, кольчуги, мечи, боевые секиры и ценные предметы из царской сокровищницы.

Роспись из гробницы Кенамона. Новое царство.

Столь же централизованным было управление всей системой искусственного орошения, которая в конечном счете находилась в ведении везира. Поэтому везиру следовало докладывать о восходе Сириуса, разливе Нила и дождях. Везир должен был принимать все меры для обеспечения нормального функционирования, а также расширения ирригационной сети. Так, в «Инструкции» говорится: «Это он должен посылать чиновников округов, чтобы проводить каналы во всей стране. Это он должен посылать правителей областей и начальников городов в связи с летним урожаем».⁵⁵⁾

В круг хозяйственных функций везира входило установление и взимание всех податей, на что вполне определенно [92] указано в «Инструкции». Как видно из текста этой надписи, везиру принадлежал верховный контроль над взиманием всех податей. «Правители областей, начальники городов и все простолюдины должны докладывать ему обо всех своих податях».⁵⁶⁾ Соответственно с этим в гробнице везира Рехмира изображено, как должностные лица Южного Египта приносят свои подати везиру юга. Отсюда можно сделать вывод, что подати Нижнего Египта взимались другим высшим чиновником, может быть, везиром севера. Таким образом, в области податного управления северная часть страны пользовалась некоторой независимостью. Однако во многих других

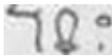
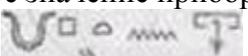
отношениях функции везира юга, как сказано выше, распространялись на всю страну. Поэтому в «Инструкции» часто упоминаются одновременно как Верхний, так и Нижний Египет.

Щиты, колчаны, серповидные мечи, кинжалы и ценные вещи в царской сокровищнице. Роспись из гробницы Кенамона. Новое царство.

Особенно характерно то обстоятельство, что обязанности везира были строго установлены особым государственным актом — «Инструкцией», текст которой сохранился не только в гробнице везира Рехмира, но и в гробницах двух других везиров того же времени — Усера и Аменемопета. Следовательно, эта «Инструкция» существовала в течение длительного времени, образовавшись в результате развития системы централизованного бюрократического управления Египта в связи с развитием рабовладельческого хозяйства того времени.

Южный везир объединял в своих руках высшую военную и судебную власть, а также руководство центральным хозяйственным и финансово-податным управлением. Но во главе этого последнего ведомства стоял особый чиновник, занимавший высокое положение в системе центрального управления египетского государства. Этот чиновник обычно назывался «начальником казначейства», «казначеем царя Нижнего Египта» или «начальником двух домов серебра и двух домов золота». [93]

В «Инструкции везира Рехмира» указывается, что «начальник казначейства» — имел право делать непосредственный доклад фараону, но входил во дворец лишь после везира, который сосредоточивал в своих руках высшую хозяйственную и финансово-податную власть.⁵⁷⁾ Высокую должность «казначей царя Нижнего Египта» занимал один из трех виднейших государственных сановников, изображенных перед царицей Хатшепсут на стенах храма в Дейр-эль-Бахри.⁵⁸⁾ В должности «начальника двух домов серебра и двух домов золота» состоял в царствование Хатшепсут некто Тутии, который в своей биографической надписи с гордостью сообщает о том, что он опечатывал «сокровища в царском доме».⁵⁹⁾ Наконец, «казначеем царя Нижнего Египта» при царице Хатшепсут был особенно влиятельный чиновник Сенмут, который занимал ряд важнейших государственных должностей, а также управлял всеми поместьями-храма Амона.⁶⁰⁾ В связи с развитием централизации в системе управления страной в период Нового царства большое значение приобрели особые чиновники, носившие титулы «доверенного царя» — , которым поручалось выполнение всякого рода отдельных заданий. Судя по «Инструкции везира», эти доверенные царя или доверенные дворца посылались в области по специальному указанию везира и должны были докладывать ему о выполненных ими поручениях, что, конечно, в значительной степени

ограничивало свободу деятельности правителей областей и полностью подчиняло их власти везира. Наконец, в связи с развитием рабовладельческого хозяйства появляется особый «совет чиновников» для регистрации и проверки различных гражданских актов, носивший название . ⁶¹⁾ Этот совет заседал в царском дворце и также подчинялся везиру юга, как это можно предполагать по «Инструкции везира Рехмира». [94]

Часть II.

Завоевательные походы времени наибольшей военной мощи Египта

Глава IV.

Походы Тутмоса III

Развитие рабовладельческого хозяйства Египта в период XVIII династии требовало постоянной доставки в Египет различных видов сырья, в первую очередь дерева и медной руды. В сельское хозяйство и ремесленное производство все больше проникал рабский труд. Это приводило к развитию торговли с соседними странами, откуда в большом количестве привозились сырье, скот, ремесленные изделия и рабы. Но все еще примитивная, в значительной степени меновая торговля не могла обеспечить сырьем и рабочей силой растущие потребности рабовладельческого хозяйства, главным образом царского и храмового. Гораздо проще казалось захватить богатства соседних народов силой оружия. Поэтому торговые экспедиции приобретали характер военно-грабительских походов и на кораблях, отправленных с товарами в Пунт при царице Хатшепсут находились отряды войск. Первые фараоны XVIII династии с небывалым размахом возобновили упорную завоевательную политику с целью захвата при помощи военной силы Нубии, Палестины, Финикии и Сирии. Продолжая захватнические походы своих предшественников, фараон Тутмос I завоевал Нубию вплоть до 3-го порога и во главе своего войска прошел победоносным маршем через Палестину, Финикию и Сирию, достигнув берегов Евфрата, где им была поставлена победная стела.

Обогащенная военной добычей, постоянно получавшая от царя в виде награды за службу земельные владения и множество рабов, рабовладельческая аристократия, тесно связанная с высшим жречеством, видела в развитии военной политики залог своего дальнейшего обогащения и «процветания». Однако средние свободные слои населения, свободные ремесленники и крестьяне-общинники, на плечи которых ложилось тяжелое [97] бремя войны, не были заинтересованы в бесконечном продолжении походов, которые сулили выгоды лишь царю, богатым жрецам, знатным чиновникам и крупным рабовладельцам. Эти резкие противоречия между крупными рабовладельцами, аристократами и жрецами, с одной стороны, и массами трудового свободного люда, с другой, объясняют династическую борьбу, происходившую в Египте в течение всего царствования Хатшепсут. Вряд ли внешняя политика Египта определялась личными настроениями какого-либо фараона или какой-либо царицы, как это пытаются показать буржуазные историки. Отсутствие крупных войн в царствование Хатшепсут, конечно, объясняется не тем, что на древнем троне египетских фараонов сидела женщина, которая не могла лично командовать египетскими войсками, и не тем, что Хатшепсут «избегала войн, так как она не могла поставить во главе своей армии своего брата и мужа, враждебно настроенного против нее», как это думал Эд. Мейер.¹ Очевидно, миролюбивая политика египетского государства в царствование Хатшепсут объясняется тем, что Хатшепсут и группа ее сторонников, Сенмут, Ханусенеб, Тутии и другие, опирались в своей политике главным образом на массы свободного населения, стремившегося к миру. На это указывают

широковещательные призывы царицы к «народу»;²⁾ на это указывает ее постоянная борьба с Тутмосом III, которого, несомненно, поддерживало крупное фиванское жречество, видевшее в военной политике источник своего обогащения; наконец, на это указывает и то обстоятельство, что Тутмос I, Тутмос II и Тутмос III, отстаивая общие классовые интересы крупной рабовладельческой аристократии, в состав которой входило высшее фиванское жречество, принуждены были устанавливать временные блоки и соправительства для совместной борьбы с представителями средних свободных слоев населения, объединившихся вокруг имени Хатшепсут.

Однако правительство царицы Хатшепсут не было в состоянии проводить систематически и последовательно эту мирную политику. Оно все еще зависело от рабовладельческой аристократии и принуждено было временами идти на уступки, соглашаясь на соправительство царицы с Тутмосом III или даже временно уступая часть верховной власти одному из ближайших родственников Хатшепсут. Поэтому правительство Хатшепсут, идя на временные уступки военной партии и крупной рабовладельческой аристократии, тесно связанной с высшим жречеством, в некоторых случаях: проявляло показную воинственность либо в широковещательных декларациях, либо тем или иным актом внутренней или внешней политики. Так, в надписи на карнакском обелиске царица Хатшепсут гордо сообщала о том, что все соседние народы признают господство [98] Египта, ибо, по её словам, она безраздельно правит не только и Египте, но и во всех соседних странах: «Моя южная граница простирается до Пунта... моя восточная граница простирается до болот Азии, и азиаты в моей власти; моя западная граница простирается до горы Ману (запада. — В. А.)... Моя слава постоянно живет среди обитателей песков... Мирра из Пунта была доставлена мне... Все роскошные чудеса этой страны были доставлены в мой дворец за один раз... Мне привезли избранные продукты ...кедра, можжевельника и дерева менру... всякое благовонное дерево Божественной Страны. Я получила дань из Техену (Ливии. — В. А.), состоящую из слоновой кости и семисот клыков, имевшихся там, множества пантерных шкур пяти футов длины, считая вдоль спины, и четырех футов ширины».³⁾

Такое же, несомненно, военное значение имела и экспедиция в Пунт. Очевидно, эта экспедиция была предпринята не только для того, чтобы установить экономические связи с далекими южными странами и вывезти оттуда богатую добычу, но также и для того, чтобы наглядно показать военную мощь Египта, который претендовал на господство в Нубии и даже в более далеких, прилегающих к Нубии с юга и востока странах. С другой стороны, передача Фиванскому храму Амона части богатств, выведенных из Пунта, была несомненным жестом примирения по отношению к крупной рабовладельческой аристократии, к высшему фиванскому жречеству. Для того чтобы подчеркнуть военный характер экспедиции в Пунт, на стенах храма в Дейр-эль-Бахри были несколько раз изображены отряды воинов, которые сопровождали корабли и должны были демонстрировать военную мощь Египта в «Божественной Стране».⁴⁾ Особенно характерна в этом отношении надпись, помещенная под одним таким изображением военного отряда: «Ликуют все отряды царского корабля, молодые поколения Фив, прекрасные юноши из войска всей страны в радости...».⁵⁾

Наконец, демонстративно воинственный характер носит памятная надпись царицы Хатшепсут, в которой царица торжественно сообщает о постройке крепости на западном берегу Нила, около Фив, против современного Карнака.

«Живой Гор, сильная двойниками, Владыка диадем, Уаджит многолетия, Гор, победитель Омбита, богиня сияния, владычица южных и северных городов, царь Верхнего и Нижнего Египта Маат-ка-Ра, сын солнца от плоти его, любимый им Хнемет-Амон-Хатшепсут.

Построила она памятник себе в честь отца своего Амона, владыки тронов Двух Стран. Воздвигла она крепость Хефт-хернебес заново, как вечное сооружение. [99]

Берег ее укреплен плотиной из камня. Прекрасна она и более снабжена, чем ранее [?].

Никогда подобное не было сооружено с древних времен.

Построила это ее величество, так как она очень любила своего отца Амона, больше, чем всех богов; построила эта она, одаренная жизнью, подобно Ра, во веки веков».⁶⁾

Характерно, что около надписи изображена воинственная богиня с луком и стрелами в руках, очевидно, покровительница крепости, упомянутой в данной надписи.

Колеблющаяся и неустойчивая внешняя политика Египта в царствование Хатшепсут все же не смогла свести на нет все результаты военно-агрессивной политики ее трех предшественников, первых фараонов XVIII династии. В Карнакской коронационной надписи Тутмоса III ясно указывается на то, что в Египет доставлялся строительный материал из Сирии и что царь пожаловал Фиванскому храму Амона пленных из страны Речену.⁷⁾

Однако военно-агрессивная политика первых фараонов XVIII династии смогла быть полностью восстановлена только после смерти царицы Хатшепсут и окончательного разгрома всех ее сторонников. Захватив, наконец, после продолжительной борьбы верховную государственную власть в свои руки, Тутмос III жестоко отомстил всем своим врагам. Имя царицы Хатшепсут, преданное проклятию и забвению, было почти всюду стерто на ее памятниках. Воздвигнутые царицей грандиозные обелиски были застроены высокой стеной, которая должна была скрыть их от взоров людей. Роскошные статуи царицы, поставленные в храме в Дейр-эль-Бахри, по приказу царя были низвергнуты и разбиты. Жестокая кара постигла и приближенных царицы, всесильных временщиков Сенмута, Сенмена, Хапусенеба, Тутии и др. Их изображения, имена и титулы были стерты. Весьма возможно, что некоторые из них были казнены или изгнаны после смерти царицы. Одним словом, произошел настоящий государственный переворот, который ознаменовался не только сменой правителя на троне фараонов, но и коренным изменением политики, главным образом внешней.⁸⁾

Первый поход Тутмоса III в Сирию

Представляя интересы крупной рабовладельческой аристократии, в частности высшего фиванского жречества, которое и раньше выдвигало и поддерживало его, Тутмос III, захватив верховную государственную власть и расправившись со своими врагами, решительным образом возобновил традиционную завоевательную политику Египта. На 22-м году своего царствования [100] он двинул войска в Палестину. В знаменитых «Анналах Тутмоса III», иероглифический текст которых сохранился на стене Карнакского храма Амона, особенно подробно описан именно этот первый поход Тутмоса III в Палестину и Сирию. Описывая этот поход, придворный летописец Чанани⁹⁾ говорит, что его причиной было восстание азиатских племен против Египта.

Тутмос III убивает пленных. Рельеф на пилона храма Амона в Фивах. Карнак. Новое царство. XVIII династия.

«Год 22-й, 4-й месяц 2-го сезона, день 25-й. Проходил его величество крепость Джару во время первого победоносного похода [чтобы отбить нападение на] границы Египта при помощи храбрости [при помощи победы, при помощи силы, при помощи правогласия]. Вот во время этих [событий], в течение [101] [ряда] лет азиаты стали грабить. Каждый человек стал сражаться против...¹⁰⁾ Случилось, что другие племена и гарнизоны, находящиеся в городе Шарухене, начали от страны Ирджа до крайней границы [болот] страны открывать путь к восстанию против его величества».¹¹⁾

Эта же, очевидно, официальная, версия об оборонительном характере первого похода Тутмоса III в Азию сохранилась и в надписи из Джебель-Баркала, в которой приведены некоторые дополнительные данные.

«Он (Амон. — *В. А.*) поручил мне иноземные страны Речену во время первого похода, когда они пришли, чтобы приблизиться к моему величеству с миллионами людей, с сотнями тысяч лучших во всех иноземных странах и стояли на своих колесницах в [количестве] 330 вождей, каждый из которых был во главе своего войска».¹²⁾

Весьма возможно, что эта официальная версия об оборонительном характере первого похода Тутмоса III в Азию имела целью поднять воинственный дух египетского войска, отвыкшего от крупных походов в течение длительного мира, царившего в стране во время предшествующего периода. Конечно, истинной причиной возобновления завоевательной политики Египта было стремление к захвату богатств в странах Передней Азии, в первую очередь рабов, необходимых для дальнейшего развития рабовладельческого хозяйства. Не менее важно было для Египта покорить соседние племена Передней Азии, чтобы пробить дорогу в Малую Азию и Месопотамию, что создавало условия для все более широко развивавшейся египетской внешней торговли. Но чтобы сделать эту войну популярной, надо было замаскировать ее истинные захватнические цели. Поэтому одно из обычных восстаний азиатских племен против египетского владычества было представлено в официальных надписях как крупное движение, грозившее повторением азиатского нашествия на мирную и процветающую долину Нила. Это был старый демагогический прием, к которому и раньше прибегали египетские фараоны и их писцы, идеологи рабовладельческой деспотии.

Первый поход Тутмоса III в Сирию имел особенно большое военно-политическое значение. Именно в результате этого похода были разбиты объединенные силы сиропалестинских князей, образовавших коалицию под главенством князей Мегиддо и Кадеша. Один из наиболее важных опорных пунктов этой коалиции — сильная крепость Мегиддо, которая господствовала над путями, ведущими через Иезреельскую равнину,

была взята после битвы под стенами этого города, когда египетскому войску удалось одержать победу над войсками сирийцев. Больше того, Тутмосу III удалось проникнуть и дальше [101] вплоть до Ливана, где он прочно закрепился, захватив богатую добычу. Поэтому первый поход Тутмоса III особенно подробно записан в «Анналах», причем краткая характеристика его повторена и в других текстах Тутмоса III.¹³⁾ Очевидно, и самый поход и его описание в официальных документах должны были наглядно показать всем соседним племенам и государствам, что Египет отныне не потерпит никакого сопротивления со стороны соседних племен в своем неуклонном движении на северо-восток, к границам Малой Азии и Месопотамии. Всякое сопротивление рассматривалось египетским фараоном как «восстание» против египетского владычества, что должно было неизбежно повлечь за собой строжайшее наказание, привести к покорению «восставших» племен и в конечном счете дальнейшему расширению границ Египта. Поэтому в самом начале «Анналов» прямо указывается, что египетское войско в 5-й день 1-го месяца 3-го сезона 23-го года выступило из Газы «храбро, мощно, сильно, победоносно, чтобы повергнуть этого презренного врага, чтобы расширить границы Египта, согласно тому, что приказано было его отцом Амоном-Ра, дабы победоносно... схватил он».¹⁴⁾

Хронологию и маршрут первого похода Тутмоса III можно восстановить по данным, которые приведены в «Анналах». Египетское войско под командой самого фараона выступило в 25-й день 4-го месяца 2-го (зимнего) сезона 22-го года царствования Тутмоса III из пограничной египетской крепости Джару.¹⁵⁾ Весь путь до Газы протяжением в 187,5 км был пройден в 10 дней, как это видно из текста «Анналов»: «Год 23-й, 1-й месяц 3-го сезона, день 4-й, день праздника появления царя. [Прибытие] в город «Владения Правителя» — Гаджату — [имя его в Хару]».¹⁶⁾

Следовательно, египетское войско на пути из Джару в Газу делало в среднем в день 18,75 км. Медленность продвижения египетского войска в данном случае объясняется трудностью пустынного пути, а также тем, что оно состояло главным образом из пехоты. Ведь в эту эпоху египтяне обладали очень небольшим количеством боевых колесниц. В описаниях добычи, захваченной после боя, в те времена всегда на первом месте ставили коней и колесницы, что ясно указывает на то значение, которое египтяне придавали этим новым для них, чисто азиатским средствам передвижения. Характерно и то, что в надписи из Джебель-Баркала подчеркнуто число колесниц, которым располагали сирийские войска под Мегиддо.

Из Газы египетское войско двинулось на север по направлению к горам Кармила. В «Анналах» упоминается местечко Ихем, которое теперь сопоставляется с Иемма и, как думает Эд. Мейер, находилось севернее Какона, может быть, на месте [103] Телль-эль-Асавира или ес-Самра, у подножья Кармила. Весь путь от Газы до Ихема протяжением в 120 км египетское войско проделало, как полагает Фолкнер, в семь дней, т. е., передвигалось со скоростью 17 км в день. Весьма возможно, что после 17-дневного перехода пришлось устроить стоянку в Ихеме, для того чтобы дать отдых пехоте и в то же время собрать необходимые сведения о расположении войск противника. Поэтому только через пять дней был созван военный совет в Ихеме, о котором довольно подробно говорится в «Анналах».

По словам летописца, «год 23-й, 1-й месяц 3-го сезона, 16-й день — [прибытие] в город Ихем».¹⁷⁾ Очевидно, именно в этот день, находясь приблизительно в 30 км от Мегиддо в местечке Ихем, Тутмос III созвал военный совет для решения вопроса о том, по какому пути следует двинуться дальше, чтобы полностью разбить врага, собравшего свои главные силы в Иезреельской равнине, опираясь на сильную крепость Мегиддо. Рассказ летописца о военном совете в Ихеме содержит интереснейшие сведения об уровне

развития тактики и стратегии в древнем Египте в те времена, о наличии военной информации, об организации военного дела, об учете морального фактора и о роли самого Тутмоса III в качестве полководца.

Судя по тексту «Анналов», в которых точно и в то же время образно и красноречиво описывается этот военный совет, «приказал [его величество созвать] совещание с его храбрыми воинами». ¹⁸⁾ Очевидно, эта организационная форма «военного совета» или «совещания» в те времена уже существовала и даже была обычной. Право созыва этого «военного совещания» принадлежало, несомненно, самому царю, который не только созывал военный совет, но выступал на нем в качестве главного докладчика и выносил окончательное решение. Поэтому вряд ли можно думать, что этот «военный совет» был остатком или даже пережитком времени военной демократии, когда вожди принуждены были считаться с решениями такого рода советов. Несмотря на то, что предложение фараона шло вразрез с предложениями, которые были высказаны воинами на этом «военном совете», все же фараон принял свое решение вполне самостоятельно и все присутствовавшие с ним согласились. Очевидно, этот «военный совет» был чисто военным учреждением, военно-совещательным органом, в который входили лишь видные воины-аристократы, назначенные царем. Поэтому этот «военный совет» находился под контролем фараона и мог высказывать те или иные соображения по данному вопросу, но право вынесения окончательного решения принадлежало лишь фараону как неограниченному деспоту, обладавшему верховной государственной и в том числе военной властью. [104]

Большой интерес представляет речь Тутмоса III на этом военном совете. Фараон излагает полученные им сведения о передвижениях вражеских войск и, в кратких словах, о намерениях неприятеля дать генеральный бой под стенами Мегиддо. По словам летописца, царь сказал следующее: ««Этот [презренный] враг [правитель] Кадета прибыл и вступил в Мегиддо. Он [там] в этот момент. Он объединил вокруг себя князей [всех] стран, подвластных Египту (буквально: «находящихся на воде Египта», т. е. зависящих от Египта. — В. А.), вместе [с теми, которые расположены вплоть до] Нахарины [и состоят из стран] Хару, Кеду с их лошадьми, их войсками и [их людьми]». И это он сказал, как говорят: «Я буду стоять, чтобы [сражаться с его величеством здесь] в Мегиддо. Скажите мне, [что в сердцах ваших]?»». ¹⁹⁾

Судя по этим словам летописца, египетское главное командование, находясь в Ихеме, у подножья горного хребта Кармил, располагало довольно значительными сведениями относительно войск противника, его передвижений и намерений. Наиболее существенным военно-политическим фактом, который фараон сообщил своим военачальникам, собранным на военный совет в Ихеме, было то, что в Сирии и Палестине образовался большой военный союз правителей отдельных областей и городов во главе с князьями Кадеша и Мегиддо, ²⁰⁾ которые были, очевидно, главными врагами Египта. На это указывает и то обстоятельство, что в известном «Перечне стран Верхнего Речену», разгромленных и покоренных Тутмосом III во время первого сирийского похода, на первом месте упоминаются Кадеш и Мегиддо, причем особенное значение как в этой надписи, так и в других надписях времени Тутмоса III придается тому, что именно в Мегиддо были собраны все войска восставших сиро-палестинских городов и областей, очевидно, находившихся под начальством князя Кадеша. ²¹⁾

В словах Тутмоса III на военном совете в Ихеме подчеркнута важное сообщение царя о том, что правитель Кадеша, или, вернее, войска, находившиеся под его командованием, не только подошли к Мегиддо, но и вступили в эту крепость. Фараон определенно указывает на то, что «он [там] в этот момент». Вместе с ним находились либо в Мегиддо, либо в его

непосредственной близости войска его союзников, правителей Сирии и Палестины, ранее подвластных Египту, а теперь восставших против него. В «Анналах» прямо указано, что то были князья Сирии (Хару), вплоть до Нахарины, т. е. «страны рек», очевидно, Верхней Месопотамии, прилегающей к среднему течению Евфрата, где территория изрезана множеством рек.²²⁾ Данные разведки позволили фараону сообщить совету военачальников, что в Мегиддо прибыли войска, включая конницу [105] и обоз упомянутых князей Сирии и Палестины. Основным намерением неприятеля, по мнению Тутмоса III, было дать египетским войскам генеральное сражение под стенами Мегиддо. Очевидно, сиро-палестинские князья исподволь подготовились к этой битве, стянув в Мегиддо значительные военные силы, чувствуя себя уверенно среди дружелюбно расположенного к ним населения и укрепив свой важнейший опорный пункт в Иезреельской долине — мощную крепость Мегиддо. Возможно, что неприятель имел здесь заранее накопленные продовольственные запасы и достаточное боевое снаряжение и в случае нужды мог не только выдержать натиск египетской армии, но и длительную осаду в самом Мегиддо.

Сообщив совету военачальников все необходимые сведения, фараон предложил им высказаться. В ответ на его предложение они «сказали его величеству: «На что же это будет похоже идти по этой дороге, которая становится столь узкой? Ведь пришли [и сообщили], что враги там стоят [рядом] и их [стало] очень много. Разве не пойдут лошади за спиной лошади, воины и люди равным образом? В то время как наш авангард туда придет и будет там сражаться, наш арьергард будет все еще стоять в Аруне и не будет сражаться. Но ведь здесь есть еще две [другие] дороги. Одна дорога, — смотри, она удобна для всех нас, — она выведет к Таанаку,²³⁾ а вот другая [приведет] на дорогу к северу от Джефти. И тогда мы придем к северу от Мегиддо. Пусть наш победоносный владыка двинется так, как [покажется правильным] сердцу его, но пусть не заставляет нас идти по этой [трудной] дороге»».²⁴⁾

Автор «Анналов» весьма подробно и, на первый взгляд, весьма точно описывает все отдельные этапы первого похода Тутмоса III в Сирию. Однако при ближайшем рассмотрении все же оказывается, что придворный летописец многое опускал, выделяя лишь те события, факты и оттенки характеристик в особой, конечно, тенденциозной выборке, которые клонили к вящему прославлению царя, «победоносного владыки».

Так, например, в информационном сообщении фараона на военном совете в Ихеме нет еще каких-либо реальных предложений относительно плана дальнейших военных действий. Однако в ответе воинов царю содержится довольно детальный разбор различных вариантов дальнейших продвижений по трем дорогам, которые вели от Ихема через Аруну, или через Таанах, или через Джефти в район Мегиддо, под стенами которого, очевидно, расположились лагерем сиро-палестинские войска под начальством князей Кадеша и Мегиддо. С другой стороны, в только что приведенном отрывке сообщается не речь одного какого-либо военачальника, а сборное резюме всех выступлений, если таковые на самом деле имели место. [106]

Таким образом, здесь перед нами не точный, приближающийся к протоколу отчет выступлений, а лишь своеобразная характеристика тех настроений, которые царили среди военачальников и нашли отражение в одном или, вернее, нескольких выступлениях, поскольку писец в данном случае применил стандартную фразу: «они сказали его величеству».

Наконец, автор «Анналов» пропустил в своем отчете информационное сообщение о возможности продвижения по дороге через Аруну, хотя в речи военачальников сказано

«пришли [и сообщили], что враг там стоит [рядом]», т. е. в непосредственной близости от дороги, и угрожает разбить по частям египетские войска, которые будут спускаться в равнину по этому узкому и крайне опасному горному дефиле. Очевидно, все эти сведения были получены разведкой до военного совета в Ихеме и стали в той или иной форме известны отдельным военачальникам.

В разобранный нами отрывке из «Анналов», в котором приводится резюме ответов военачальников царю, ясно указывается, что существовали три основных проекта дальнейшего продвижения египетского войска по направлению к Мегиддо. Один проект предусматривал переход через Кармильский хребет по наиболее прямой, очень узкой, трудной и опасной горной тропе через Аруну. Это был путь смелой лобовой атаки. Два других проекта сводились к обходным движениям, либо на восток по дороге через Таанах, расположенный к юго-востоку от Мегиддо, либо на север, через Джефти, который, возможно, находился к северо-западу от крепости, под стенами которой стояли сиропалестинские войска. Первый проект подвергся критике со стороны военачальников. Они считали, что крайне опасно двигаться по этой слишком узкой дороге, в особенности потому, что у выхода горной тропы на равнину около этой дороги расположились, очевидно, крупные силы неприятеля, которые смогут по частям разбить египетские войска, выходящие из горной теснины. Египетский писец образно и красноречиво указал на то, что египетская пехота, колесницы и обоз или обслуживающий войско персонал должны по этой дороге идти «лошадь за спиной лошади, воины и люди равным образом», т. е., по-видимому, гуськом. Поэтому египетское войско, следующее по этому пути, принуждено было бы чрезмерно растянуться и не смогло бы достаточно быстро развернуть свою боевую линию против неприятеля, который занимал заранее подготовленную и удобную для боя позицию. Авангард египетского войска был бы вынужден, принять бой в неудобных для себя условиях у выхода на равнину, в то время как арьергард египтян еще находился бы в Аруне и не мог сражаться вместе с передовыми частями войска. Таким образом, египетские [107] военачальники отвергли этот план как чрезмерно смелый и слишком опасный. Вместо него они предложили принять более осторожный план обходного движения через Таанах или Джефти. Они советовали фараону выбрать тот путь, который покажется «правильным сердцу его», но просили его отказаться от опасного и трудного пути через Аруну.

Дальнейшее обсуждение этого плана было возобновлено лишь после получения добавочной информации в ставке фараона. Об этом ясно говорится в «Анналах», что указывает на большую роль военной разведки, которая в некотором отношении обусловила правильное решение вопроса и победу египтян в битве под Мегиддо.

«И тогда были [доставлены] сведения [об этом презренном враге]. [И снова обсудили этот] план, о котором они говорили раньше».²⁵⁾

Окончательное решение было принято царем после длительного и двукратного обсуждения этого вопроса в целом и после получения новых добавочных сведений о противнике, т. е. после зрелого предварительного размышления и взвешивания всех за и против. Именно поэтому речь фараона содержащая окончательный вывод, носит столь категорический характер, который, по мнению летописца, и подобал решению царя как верховного правителя всей страны. Может быть, именно в связи с этим знаменательная речь Тутмоса III вводится несколько высокопарным оборотом: «И было сказано во дворце его величества, — да будет он жив, здрав и невредим».²⁶⁾ Самая речь облечена в торжественную и патетическую форму:

«Я клянусь любовью Ра и похвалой отца моего Амона,
Как возвращают мне молодость дыханье ноздрей моих, [наполняя меня] жизнью и здоровьем,
Что выступит мое величество по этой дороге, [ведущей] на Аруну.
Пусть пойдет по желанию своему каждый из вас по тем дорогам, о которых вы говорили.
И пусть пойдет по желанию своему каждый из вас, следуя за моим величеством.
Пусть не подумают среди этих врагов, которых ненавидит Ра:
«Вот его величество пошел по другой дороге,
так как он очень боится нас» скажут они».²⁷⁾

Таким образом, план наступления, предложенный фараоном, резко отличался от плана, который был выдвинут военачальниками на военном совете в Ихеме. Осторожному обходному маневру по более удобным, безопасным и широким дорогам царь противопоставил быструю лобовую атаку по труднопроходимой, [108] опасной, но наиболее короткой горной тропе, которая давала возможность в короткий срок вывести египетскую армию на равнину Мегиддо, чтобы здесь нанести врагу сокрушительный удар. В качестве основного мотива для принятия такого решения Тутмос III выдвигает «моральный фактор». По мнению царя, движение по обходному пути должно вызвать злорадство среди врагов, которые в этом маневре усмотрят слабость египетской армии и нерешительность командования, граничащую с трусостью. Помимо того, быстрый и прямой удар, нанесенный по трудному и опасному пути, должен неминуемо заставить врага врасплох, вызвать в его среде деморализацию и тем самым поднять боевой дух египетского войска.

Этот древнейший (из известных в мировой истории) учет «морального фактора» полководцем при выборе плана сближения с противником указывает на значительное развитие военного искусства в древнем Египте. Впрочем, аналогичный мотив сохранился в известном школьном упражнении на историческую тему, в котором рассказывается о борьбе Яхмоса I с гиксосами (текст таблички Карнарвон).²⁸⁾ И в том и в другом рассказе смелая решительность воинственного фараона, готового немедленно выступить против врагов страны, противопоставляется чрезмерной осторожности военачальников или вельмож. Этот сюжет был использован и автором «Анналов» для возвеличения храброго фараона, «победоносного властителя».

Этот апофеоз египетского деспота, облеченный в льстивую и тенденциозную форму, находит особенно яркое выражение в заключительных словах цитируемого отрывка, образно рисующих неограниченную власть обоготворенного фараона.

Вельможи-военачальники, угодливо склоняясь перед царем, признают его правоту и говорят ему:

«Да дарует тебе отец твой [Амон, Владыка престолов Двух Стран, находящийся в Фивах, исполнение желания твоего]. Вот мы последуем за твоим величеством во всякое место, куда пойдет [твое величество], как слуга следует за своим господином».²⁹⁾

И только после этих слов в тексте «Анналов» следует, возможно, подлинная копия приказа по войскам, который был отдан Тутмосом III в типичной для таких приказов острой и лаконичной форме.

«[Приказ его величества, отданный] всему войску:

«[Завладейте вы все победой, пойдите по] дороге этой, которая столь [узка]»».³⁰⁾

Вслед за текстом приказа, в котором точно указывается направление дальнейшего следования войска, в официальной летописи похода приводятся слова фараона, призывающего [109] воинов следовать за ним по трудному и опасному пути. Фараон в торжественных и весьма напыщенных словах клянется идти впереди своего войска, тем самым наглядно демонстрируя свое бесстрашие.

«[И вот его величество] поклялся, сказав: «Не дам я пойти [воинам моим храбым] перед моим величеством в [этом месте]».

[И вот его величество согласно своему желанию] пошел сам во главе своих воинов, давая узнавать [каждому человеку] путь шагами своими.

И конь [шел] за конем,

А [его величество] — во главе своего войска». ³¹⁾

В такой выразительной и яркой форме описал автор «Анналов» выступление египетского войска по дороге через хребет Кармил, по кратчайшему пути, ведшему через Аруну к равнине Мегиддо. И опять стремление возвеличить мощь и храбрость полководца — обоготворенного деспота сочетается с использованием документов, приказов по войскам, которые, очевидно, уже в те времена применялись в военном деле. Выполнение удачного и смело задуманного боевого плана для быстрого нанесения удара неприятелю изображается подобострастным летописцем как невероятный личный героизм самого царя, смело ведущего своих воинов к победе.

Египетское войско, согласно приказу царя, двинулось по горной дороге, ведущей на Аруну, расположенную высоко в горах Кармила. Весь путь от Ихема до Аруны протяжением приблизительно в 20 км был проделан в один или два дня. Передовой отряд, которым командовал сам фараон, провел в Аруне одну ночь и на другое утро начал спускаться в равнину. Несмотря на то, что удобное расположение Аруны давало возможность разбить здесь лагерь, Тутмос III стремился как можно скорее вывести свои войска на Иезреельскую равнину, чтобы не дать возможность неприятелю перегруппировать свои войска и подготовиться к решительной битве под стенами Мегиддо. Быстрота передвижения египетского войска и неожиданность его появления на равнине были залогом победы египтян.

Успех этого маневра египетского войска льстивый летописец объясняет храбростью фараона, который, согласно религиозным воззрениям того времени, находился под охраной египетских богов.

«Год 23-й, 1-й месяц 3-го сезона, день 19-й.

Пробуждение [в безопасности] в палатке [царя], да будет он жив, здрав и невредим, в городе Аруне.

Мое величество выступило на север под [знаменем] отца [Амона-Ра, владыки престолов двух стран], [который открывал [110] путь] передо мной. Горахте укрепил сердце моих храбрых воинов, а отец [Амон] сделал сильной руку [моего величества]... Гор [творит магическую защиту] перед моим величеством». ³²⁾ Далее в «Анналах» говорится: «Когда [его величество] выступило [во главе войска] своего, разделенного на множество боевых отрядов, [то он не нашел там] ни одного [врага]. [Их] южный фланг находился у Таанаха, [а их] северный фланг в [южном] углу [долины Кина]. [И вот] позвал его величество на [этот путь...] и упали они, в то время как этот [презренный] враг...» ³³⁾

Судя по этим словам летописца смелый маневр, предпринятый Тутмосом III, в своей первой части увенчался полным успехом. Для того чтобы египетские войска были по возможности не замечены неприятелем в густой чаще Кармильских гор,³⁴⁾ Тутмос III разделил их на несколько отдельных отрядов, которые должны были следовать друг за другом в лесной чаще по узкой горной тропе. И действительно, благодаря принятым мерам предосторожности египтяне удачно спустились в долину Кина, не встретив на своем пути более или менее значительных заслонов неприятеля. Таким образом, расчет Тутмоса III оказался правильным. Сирийское командование, предполагая, что главные военные силы египтян двинутся по более безопасной южной дороге, ведущей через Таанах, разместило южный фланг своего войска у Таанаха, северный фланг — в южном изгибе долины Кина, а центр — где-то посередине этих двух пунктов, на дороге из Таанаха в Мегиддо. Как правильно полагает Фолкнер,³⁵⁾ при таком расположении войск противника Тутмос III должен был двинуть свои войска именно через Аруну. Ведь если бы он пошел по южной обходной дороге, он встретил бы на своем пути у Таанаха сирийские войска, готовые к бою в свободно избранной их командованием позиции. Если бы Тутмос III повел свои войска по северной дороге через Джефти, он дал бы неприятелю полную возможность перестроиться. Двинувшись же прямо на Аруну, он быстрым броском вывел свои войска к правому флангу противника, отрезал сиро-палестинские войска от Мегиддо и получил возможность занять наиболее удобную для себя позицию под стенами этой крепости.

Конечно, неприятель должен был оставить какой-то сторожевой отряд у выхода дороги, ведущей из Аруны в долину Кина. Но как можно предполагать по испорченному месту текста «Анналов», этот незначительный неприятельский отряд был быстро уничтожен передовыми, очевидно, отборными частями египетского войска, которыми командовал сам фараон.

Этот крупный успех, одержанный египетскими войсками, дал повод писцу вставить маленький панегирик царю, вложенный [111] им в уста воинов, которые, радуясь удачному выходу египетского войска из горного дефиле на равнину, восхваляют царя в следующих словах:

«Воздай]те [ему хвалу],

[Восхвалите мощь его величества, так как рука его сильнее, чем у [всякого царя].

[Он охранял арьергард] войска своего величества в Аруне;

В то время как арьергард победоносного войска его величества [еще] находился в [городе] Аруне, авангард вступил в долину Кина и заполнили они узкий проход в долину».³⁶⁾

Однако этот успех следовало закрепить и с целью предохранить все египетские войска от возможного удара противника принять все меры, чтобы скорее вывести египетский арьергард на равнину. Египетские военачальники, проявившие столь большую осторожность на военном совете в Ихеме, и в данный решительный момент думали больше об обороне, чем о наступлении. Чтобы ярче подчеркнуть различие между тактикой наступления, проводимой царем, и тактикой обороны, рекомендованной военачальниками, летописец и в данном случае старается показать, что в подобной обстановке наступление было наилучшей обороной. Таким образом, и в этом отрывке автор «Анналов» подчеркивает превосходство и полный успех наступательного плана фараона над всеми планами, предложенными военачальниками. Одновременно писец старается показать, что наступательный план фараона предусматривал в то же самое время заботу об охране египетского арьергарда. Ведь уничтожение неприятельского заслона у долины Кина и меры, своевременно принятые фараоном, дали возможность египетскому арьергарду без потерь выйти из горного дефиле на равнину около Мегиддо.

Этот эпизод рассказан в «Анналах» в следующих словах:

«И тогда они (военачальники. — *В. А.*) сказали его величеству, да будет он жив, здоров и невредим!

«Вот его величество пришел со своим победоносным войском, и оно заполнило долину.

Пусть же выслушает нас наш победоносный владыка на этот раз.

Пусть сохранит наш владыка нам аррьергард своего войска с его людьми.

Пусть подойдет к нам аррьергард этого войска, находящийся позади, и тогда мы сразимся с этой страной азиатов и тогда мы не будем беспокоиться об аррьергарде нашего войска».

И тогда остановился его величество вне [долины]... там, чтобы защитить аррьергард своего победоносного войска.

И вот, когда передовые отряды окончили [свое] продвижение по этой дороге, то переместилась тень».³⁷⁾ [112]

Этот последний маневр, предпринятый авангардом египетского войска, дал возможность всему египетскому войску, включая его аррьергард, благополучно выйти на равнину.

Передовой отряд, находившийся под личным командованием фараона, разбил сирийский заслон, стоявший у выхода дороги на равнину, и занял удобную позицию для прикрытия египетских войск спускавшихся с гор. Весь этот переход был совершен форсированным маршем. Летописец счел необходимым отметить, что он был закончен к полудню.

Очевидно, египетские войска, двигались столь быстро и в таком порядке, что сирийцы не успели им помешать. Тем самым сиро-палестинские войска упустили прекрасную возможность не только задержать египтян в узком горном проходе, но и нанести им непоправимый ущерб, разбив их войска по частям, в то время как они спускались по узкой горной тропе, непомерно растянув свою боевую линию. Эту несомненную тактическую неудачу сиро-палестинских войск следует объяснить в первую очередь плохой разведкой, которая не сумела вовремя сообщить сирийскому командованию о передвижениях египетского войска, недоучетом маневренных возможностей египетского войска и, наконец, недопустимой медлительностью в тот наиболее ответственный момент, когда египетское войско выходило из горного дефиле на равнину и когда еще не было поздно нанести ему решительный удар в крайне невыгодных для него условиях. Все эти ошибки и неудачи сирийцев были использованы египетским командованием, которое успешно закончило свой маневр, выведя все войска без потерь на равнину Мегиддо.

Летописец, неоднократно отмечавший всю важность этого удачно выполненного маневра, счел необходимым особенно подробно его описать. Можно думать, что он прекрасно понимал, какое значение имела для выполнения маневра скорость передвижения египетского войска. Именно поэтому в своем обстоятельном повествовании автор «Анналов» указал даже точное время выхода на равнину отдельных частей египетского войска: как мы уже видели, авангард вышел на равнину около полудня (по египетскому времени) — «когда переместилась тень». А из дальнейшего изложения видно, что последние части аррьергарда, т. е. вся египетская армия, вышли на равнину, «когда был седьмой час после поворота солнца», т. е. в семь часов пополудни. Иными словами, авангард выступил из Аруны около семи часов утра и через пять часов, т. е. около полудня, вышел к долине Кина. Приблизительно около двух часов дня аррьергард выступил из Аруны и через пять часов, т. е. около семи часов пополудни, вышел на равнину. Понятно, что авангард двигался несколько быстрее главных частей войска, так как в его состав входили колесницы. Поэтому передовым частям [113] удалось в течение указанного промежутка времени не только совершить весь путь, но и разбить сирийский заслон, стоявший у долины Кипа, в результате чего более медленно двигавшийся аррьергард смог спокойно пройти весь путь до равнины.

Удачный и быстрый переход египетского войска через горы и благополучный выход на равнину дали возможность египетскому командованию разбить лагерь близ Мегиддо и в наиболее удобной и свободно выбранной позиции, что было вполне естественным развитием первого значительного тактического успеха египтян. Летописец повествует об этом в следующих словах:

«Прибыл его величество к югу от Мегиддо на берег потока Кина, когда был седьмой час после поворота солнца (т. е. после полудня. — *В. А.*).

И вот там был разбит лагерь его величества, и отдан был всему войску [следующий приказ]:

«Готовьтесь! Приготовьте ваше оружие, так как придется идти на сближение, чтобы сразиться с этим презренным врагом [завтра] утром»». ³⁸⁾

Таким образом, египетское командование приняло все меры к тому, чтобы ничто, даже разбивка лагеря близ Мегиддо, не могло замедлить быстрых темпов, взятых с начала похода, которые привели к первому крупному тактическому успеху. Поэтому, как только был разбит лагерь под Мегиддо, войскам был дан приказ готовиться к выступлению и бою на следующее утро. Эта быстрота передвижений и действий, эта оперативная маневренность египетского войска были его наиболее сильной стороной и выгодно отличали его от сиро-палестинских войск, которые уже потеряли и темп и инициативу, что в конечном счете предопределило их поражение. С другой стороны, египетское командование приняло все меры к тому, чтобы наилучшим образом подготовиться к предстоящему сражению. Организационным центром египетской армии была царская палатка, откуда исходили все важнейшие распоряжения, как об этом ясно говорит летописец:

«...Остался в своей палатке [царь], да будет он жив, здоров, и невредим, чтобы привести в порядок дела вельмож и снабдить провиантом командиров. Были размещены дозоры войска и им было сказано:

«Будьте стойки сердцем! Будьте стойки сердцем!
Будьте бдительны! Будьте бдительны!»

Бодрствовали в безопасности в палатке царя, да будет он жив, здоров и невредим, когда пришли, чтобы сообщить его величеству: «В стране благополучно (буквально: «пустыня здорова». — *В. А.*), в отрядах, расположенных к югу и северу равным образом»». ³⁹⁾ [114]

Этот маленький отрывок из «Анналов» дает яркое представление о некоторых чертах организации египетского войска во время лагерной стоянки в иноземной стране. Верховное командование войском сосредоточено в царской палатке, откуда даются все распоряжения военачальникам, стоящим во главе отдельных отрядов. Эти распоряжения касаются в первую очередь боевого расположения войск, а также снабжения провиантом всех воинов через особых командиров, возможно, находившихся в непосредственном ведении царя. Далее, из царской палатки даются распоряжения о размещении караулов и дозоров, которые должны обеспечить безопасность лагеря. Наконец, в царскую палатку поступают все сведения разведки относительно передвижения неприятельских войск. Царю регулярно сообщают о том, что происходит на территории, прилегающей к лагерю, и как происходит размещение египетских войск, находящихся к югу и северу от царской палатки, очевидно, расположенной в центре лагеря. Только после того, как царю сообщили, что на окружающей территории все благополучно, т. е. что не видно опасных для египтян передвижений сирийских войск, что египетские войска занимают указанные им позиции к северу и югу и что их размещение происходит и полным порядке, царь решил дать приказ начать сражение с противником. Все это указывает на значительную для того времени организованность египетского войска.

Решающая битва, генеральное сражение между египетскими и объединенными сиропалестинскими войсками произошло на другой день, как об этом повествует летописец, вероятно, неподалеку от стен Мегиддо:

«Год 23-й, 1-й месяц 3-го (летнего. — *В. А.*) сезона, 21-й день, день праздника новолуния, точно соответствующий [дню] появления (т. е. коронации. — *В. А.*) царя рано утром. Лишь только был дан приказ всему войску выступить... двинулся его величество на колеснице из электрума, снабженный своим боевым оружием, подобно Гору могучему, владыке действия, подобно Монту Фиванскому. Его отец Амон укрепил обе его руки. Южный фланг войска его величества [находился] у холма к югу от [потока] Кина, а северный фланг — к северо-западу от Мегиддо. Его величество находился в центре между ними, Амон защищал члены его в сече, а мощь Сета укрепляла тело его».⁴⁰⁾

Судя по этим словам летописца, египетские войска рано утром в день битвы уже занимали очень выгодную боевую позицию. Южный, т. е. правый, фланг египетской армии был расположен на южном берегу Кина и упирался в холм, находившийся к юго-востоку от этого потока. Северный, т. е. левый, [115] фланг египетского войска был расположен к северо-западу, а центральная группа под командованием самого фараона — к юго-западу от Мегиддо, против правого фланга сиро-палестинского войска. Как видно из описания египетской лагерной стоянки, египетские войска заняли эту боевую позицию вечером или ночью накануне боя, так как фараону, когда он еще находился в лагере в своей палатке, сообщили, что в северном и южном отрядах все благополучно, иными словами, что оба фланга заняли указанные им позиции. Эти позиции были заняты египетским войском чрезвычайно удачно. Южный египетский фланг, находясь на южном берегу Кина, препятствовал правому флангу противника перейти через реку, чтобы зайти в тыл египетской центральной группе или хотя бы ударить на нее с фланга. Северный же фланг, заняв северную дорогу, ведущую на Джефти, с одной стороны, отрезал неприятелю отступление по этой дороге, с другой — гарантировал египетским войскам возможность маневрировать по этой дороге. Наконец, центральная, очевидно, наиболее сильная часть египетского войска предназначена была для нанесения решительного удара неприятелю, правый фланг которого находился под угрозой обхода с севера и окружения. Поэтому сиро-палестинские войска были принуждены принять бой в неудобных для них условиях. Описывая расположение египетских войск, египетский летописец, как это и подобало льстивому придворному историографу, приписывает всю заслугу победы фараону, который, по его словам и согласно религиозным верованиям того времени, находился под охраной самих богов. Однако на самом деле победа египтян, очевидно, объясняется их численным превосходством и большей военной организованностью и, кроме того, тем, что египетскому войску удалось благодаря скорости его передвижений и большей маневренности занять очень выгодную боевую позицию. Когда утром в день боя сирийцы увидели расположение египетских войск, они, возможно, сделали попытку растянуть свой правый фланг к северу, по направлению к Мегиддо, чтобы избежать обхода с севера и окружения, а также для того, чтобы приблизиться к крепости, откуда они рассчитывали получить подкрепления и куда они могли скрыться в случае поражения. Однако этот маневр, предпринятый перед самым боем в виду неприятеля, надвигавшегося на сирийские войска в полном порядке, не удался и лишь привел к ослаблению сирийского центра. Центральная группа египетского войска, быстро наступая на противника, легко прорвала растянувшуюся линию сирийского войска и стала угрожать тылам его флангов, чем внесла полную деморализацию в ряды неприятеля, наголову разбитого главным образом в долине Кина, где, очевидно, и произошел основной [116] прорыв неприятельской линии. Эта блестящая победа египетского войска образно описана автором «Анналов» в следующих словах:

«И тогда стал побеждать их его величество во главе своего войска.

А когда они увидели, что его величество побеждает их, они поторопились бежать, будучи разбиты, к Мегиддо, с лицами полными страха».⁴¹⁾

Факт быстрого разгрома неприятельского войска именно в долине Кина благодаря энергичному и стремительному удару египетского отряда, находившегося под командованием самого Тутмоса III, подтверждается надписью в Джебель-Баркале, содержащей ряд интересных деталей относительно первого похода Тутмоса III в Сирию. Так, в этой надписи говорится: «И вот это было в долине Кина, [когда они] разбили лагерь в... случилось дело удачное для меня среди них. Мое величество атаковало их, и они сразу обратились в бегство; сраженные падали, [образуя] кучи трупов».⁴²⁾

Судя по тексту «Анналов», сиро-палестинские войска потерпели полное поражение под стенами Мегиддо. Только некоторые военачальники, очевидно, во главе с князьями Мегиддо и Кадеша, о пленении или смерти которых ничего не сказано в «Анналах», а также небольшое количество воинов, стремительно бежавших в Мегиддо, смогли скрыться за мощными стенами этой крепости. Панически отступая, «они бросили лошадей своих, колесницы свои из золота и серебра. Их втащили, держа их за их одежды, в этот город, так как жители эти заперли от них этот город и [спустили] они [одежды, чтобы поднять их наверх, в этот город]».⁴³⁾

Этот яркий эпизод, который мог сохраниться в памяти только у очевидца событий, подтверждает предшествующие слова летописца о том, что северный фланг египетского войска накануне боя находился к северо-западу от Мегиддо, и отчасти объясняет смысл данной диспозиции. Очевидно, этот фланг должен был угрожать непосредственно самой крепости и помешать ее защитникам сделать во время боя вылазку, чтобы поддержать сиро-палестинские войска. С другой стороны, этот северный отряд египетских воинов воспрепятствовал жителям Мегиддо открыть ворота города, чтобы принять под защиту крепостных стен всех сирийцев, бежавших с поля сражения. Таким образом, северный фланг египетского войска, возможно, не принимавший непосредственного участия в сражении, создав непосредственную угрозу самому городу, дал возможность центру и правому флангу полностью разгромить сиро-палестинское войско. Это имело большое значение для дальнейшего хода военных действий, так как если бы неприятельские силы [117] укрылись в стенах Мегиддо, то гарнизон этой мощной крепости, усиленный полевыми войсками, избежавшими разгрома, мог бы оказать длительное сопротивление Тутмосу III и создать ему ряд осложнений при последующем развертывании этой военной кампании. Именно поэтому данный эпизод был отмечен составителем «Анналов». Наше предположение, что северный отряд египетского войска был предназначен в некоторой степени для быстрого захвата Мегиддо в случае удачного исхода битвы, подтверждается и словами летописца, который указывает, что стремительное занятие Мегиддо в момент создавшейся среди врага паники предусматривалось планом военных действий, разработанным накануне в царской палатке. Летописец говорит: «И если бы войско его величества не отдало своего сердца захвату имущества этих врагов, то они [захватили] бы Мегиддо в тот момент, когда второпях втаскивали этого презренного врага из Кадеша вместе с презренным врагом из этого города (Мегиддо. — В. А.), чтобы дать им войти в их город. Ведь страх перед их величеством проник в их члены, и руки их потеряли свою силу. Царская диадема одержала победу над ними».⁴⁴⁾

Приняв все меры к тому, чтобы полностью разгромить врага под стенами Мегиддо и даже в случае победы захватить город, пользуясь паникой среди неприятеля, Тутмос III, однако, не учел примитивных грабительских инстинктов, которые всегда охватывали войска древневосточных рабовладельческих деспотий после большой победы. Можно думать,

что грабить сиро-палестинский лагерь бросились не только воины центрального отряда и южного фланга египетского войска, но даже того северного отряда, который не принимал непосредственного участия в битве и был предназначен для быстрого захвата крепости после одержанной победы. Но, с другой стороны, захват огромной добычи под стенами Мегиддо был наглядным показателем значительного успеха, достигнутого египетским войском в результате завершения первого этапа этой кампании. Ведь не надо забывать, что захват всякого рода добычи, в первую очередь пленных, обращавшихся в рабство, был одной из важнейших целей, которые преследовали древневосточные деспоты, ведшие нескончаемые захватнические войны. Поэтому и в официальных и в частных надписях того времени всегда подробно перечисляется добыча, захваченная после каждой победы, после завершения каждого победоносного похода в иноземную страну.

Соответственно с этим и автор «Анналов» с восторгом описывает в приподнятых словах богатую добычу, захваченную египтянами под стенами Мегиддо, а также ликование войска.

«И тогда их кони и их колесницы из золота и серебра были [118] захвачены, став их легкой [добычей]. Их [бойцы] лежали распростертые, подобно рыбам в углу сети. А могучее войско его величества подсчитывало имущество, им принадлежавшее. И вот была захвачена палатка [этого] презренного [врага], украшенная серебром... И тогда все войско стало ликовать и воздавать хвалу [Амону, за победу], которую он даровал сыну своему [в этот день]. И восхваляли они его величество, превознося его победу. И они принесли легко захваченную ими добычу: руки, живых пленников, коней, колесницы из золота и серебра и пестро раскрашенные».⁴⁵⁾

Эти образные слова летописца особенно ярко подчеркивают стремительность египетской атаки и молниеносный разгром сиро-палестинских войск. Противник, разбитый наголову и обратившийся в паническое бегство, не смог спасти ценностей, которые находились в его лагере. Именно поэтому египетское войско сравнительно легко захватило на месте боя большую и богатую добычу. Особенно характерно то, что писец в перечне захваченной добычи на первом месте поставил пленников, а затем коней и колесницы, о которых он упоминает дважды в этом маленьком отрывке. В этом сказалась психология типичного рабовладельца, смотревшего на грабительские походы как на наиболее легкий способ захвата рабов. С другой стороны, египетское войско, очевидно, уступало сирийским войскам в количестве колесниц. Именно поэтому египетский летописец всегда особенно подчеркивал захват коней и колесниц, этого нового для египтян технического оснащения войска, столь необходимого при больших переходах и обеспечивавшего быстроту передвижения отдельных войсковых соединений.

Осада Мегиддо

Несмотря на блестящую победу, одержанную под стенами Мегиддо, египтянам не удалось, пользуясь воцарившейся среди вражеского войска паникой и деморализацией, с хода ворваться в Мегиддо и овладеть этой сильной крепостью. Это обстоятельство было, несомненно, крупной неудачей египтян, на которую откровенно указал Тутмос III в специальном приказе, отданном по войску сразу же после битвы.

«...И тогда его величество отдал приказ своему войску, сказав: «О если бы вы, [прекрасное войско] победоносного [царя], захватили [этот город], то я бы отдал [всю страну за этот город, согласно приказа] Ра, отданного в этот день, так как все князья всех непокорных северных стран находились в нем, так как захват Мегиддо [равен] захвату тысячи городов»».⁴⁶⁾ [119]

И действительно, стремительный захват Мегиддо имел бы огромное значение для быстрого окончания всей кампании. Во многих надписях времени Тутмоса III отмечается крупнейшее военно-стратегическое значение Мегиддо, который господствовал над узлом важных торговых военных путей и князь которого вместе с князем Кадеша возглавлял союз сиро-палестинских князей, направленный против Египта. В перечне покоренных Тутмосом III северных городов и областей упомянуты 359 названий местностей, правители которых, очевидно, со своими войсками были осаждены Тутмосом III в Мегиддо.⁴⁷⁾ Наконец, в надписи из Джебель-Баркала говорится, что в Мегиддо пришли «330 вождей, каждый [из которых] был во главе своего войска».⁴⁸⁾ Все это указывает на то, что Мегиддо был большой и сильной крепостью, под защитой мощных стен которой могло укрыться не только многочисленное боеспособное население, но также и довольно значительный гарнизон. В той же надписи говорится, что Тутмос III осаждал Мегиддо в течение семи месяцев. Понятно поэтому, что взятие Мегиддо означало для египтян овладение важнейшим центром Палестины и Южной Сирии и равнялось взятию, по образному выражению летописца, «1000 городов» или целой страны.⁴⁹⁾ Правильно проведенная осада Мегиддо могла бы отдать в руки египтян все войска неприятеля, находившиеся в крепости, и к тому же большую добычу, так как Мегиддо был, невидимому, большим и богатым городом. С другой стороны, осада города могла бы максимально сократить потери египтян, в то время как штурм был сопряжен с большим риском.

В надписи из Джебель-Баркала, крайне сжатой и краткой, Тутмос III подчеркнул значение Мегиддо и его осады несколькими словами, в которых сообщается, что царь «осаждал его в течение семи месяцев».⁵⁰⁾ В «Анналах» описываются крупные осадные работы, которые были произведены египетскими войсками, чтобы полностью изолировать крепость. По приказу царя египтяне заняли строго установленные позиции вокруг Мегиддо, окружив его плотной цепью войск так, чтобы «знал каждый человек место свое».⁵¹⁾ Протяженность внешнего кольца укреплений была измерена и на основе этих измерений в непосредственной близости от города были возведены оцепляющие город укрепления. Судя по «Анналам», эти укрепления состояли из вала и палисада, построенного из местных пород деревьев.⁵²⁾ Особенное внимание как командования египетских войск, так и всех воинов было обращено на то, чтобы отрезать Мегиддо от возможных подкреплений и подвоза продуктов. Поэтому царь приказал войскам: «Не дайте выйти ни одному из них за пределы укрепления этого».⁵³⁾ Судя по описанным выше крупным подготовительным работам, осада была длительной, [120] трудной и сложной. Составитель «Анналов» указывает на то, что происшедших за время осады событий «было слишком много, чтобы записать это в записях согласно приказа этого». Отсюда видно, что, помимо «Анналов», существовала более подробная запись походов Тутмоса III, в которой все события отмечались «под названием [соответствующего] дня». Эти записи, занесенные на кожаный свиток, хранились впоследствии в храме Амона в Фивах.⁵⁴⁾ К сожалению, этот документ не сохранился и поэтому мы не можем восстановить события осады Мегиддо во всех подробностях. Но совершенно ясно, что осада привела к полной капитуляции войск сиро-палестинской коалиции, разбитых под Мегиддо и частично укрывшихся за стенами города. После семимесячной осады защитники Мегиддо заявили фараону о своей готовности сдаться на милость победителя, проявившего столь большое упорство во время осады. Основной причиной сдачи Мегиддо был голод, начавшийся в городе. В надписи около шестого пилона Карнакского храма Амона говорится, что «не вдыхали они (жители Мегиддо. — В. А.) дыхания жизни», так как они были окружены осадными укреплениями египтян. В «Анналах Тутмоса III» и в надписи из Джебель-Баркала очень выразительно и образно, но в различных словах описывается, как сиро-палестинские князья вышли из крепости, неся фараону многочисленные дары и умоляя его пощадить их жизнь. В надписи из Джебель-Баркала сообщаются интересные сведения о том, что эти

князя послали фараону вместе с дарами своих детей, очевидно, в качестве заложников, а затем дважды дали Тутмосу III клятвенное обещание не восставать больше против господства египтян и не причинять фараону «снова зла».⁵⁵⁾ Взяв в Мегиддо большую добычу, состоявшую из пленников, лошадей, колесниц, бронзовых доспехов, оружия, золота, серебра и скота, Тутмос III, как говорится в надписи из Джебель-Баркала, отпустил сдавшихся князей на свободу, приказав «открыть им путь в их города». С особенной гордостью и некоторой насмешкой над побежденными египетский писец от имени фараона сообщает о том, что побежденные иноземные князья отправились к себе домой на ослах, так как все их лошади были взяты фараоном в виде трофейной добычи. Очевидно, египтяне даже в эти времена старались после каждой победы захватить всех лошадей и все колесницы, которые в Египте столь высоко ценились, так как давали возможность организовывать новый вид воинских частей — колесничные отряды, обеспечивавшие значительно большую маневренность египетской армии. Однако логическое ударение в этой, как и во многих других победных надписях, поставлено на следующей фразе, в которой говорится, что царь угнал в Египет в качестве [121] пленников вместе с их имуществом «жителей городов», по-видимому, находившихся под властью Мегиддо и сдавшихся вместе с ним. Ведь именно с этой целью в те времена велись военные походы в соседние страны.

Взятие Мегиддо означало не только разгром главных сил сиро-палестинской коалиции, направленной против Египта. Взятие Мегиддо отдавало в руки фараона всю Палестину и открывало ему путь на север, к предгорьям Ливана, где находились важные торговые города, над которыми, очевидно, господствовал упорный враг Египта — князь Кадеша (Кинзы).⁵⁶⁾

Стремясь как можно скорее реализовать все выгоды положения, которое создалось в Сирии после падения Мегиддо, Тутмос III тотчас двинулся на север и занял три города: Инуаму, Иниугаса и Хуренкару, упрочив тем самым свои позиции в Южной Сирии.⁵⁷⁾ Но можно думать, что, несмотря на крупные успехи египетских войск, сопротивление местного населения не было окончательно сломлено. Поэтому Тутмос III вынужден был построить крепость, «после своей победы среди вельмож страны Ременен, под названием «Тутмос — покоритель иноземцев»». ⁵⁸⁾ Эта новая крепость должна была стать оплотом военного могущества египтян в покоренных ими областях Южной Сирии.

Значение первого похода Тутмоса III в Сирию

«Анналы Тутмоса III» очень кратко сообщают о том, как хозяйничали египетские завоеватели в занятой ими стране. Очевидно, не только во время осады Мегиддо, но и после взятия этого города египтяне жестоко опустошили всю окружающую местность, в частности сняв жатву с полей. Правители всех городов и областей были смещены, а на их место фараон «заново назначил правителей каждого города». ⁵⁹⁾ Отсюда можно сделать вывод, что местное население было далеко еще не полностью покорено, что часть местной аристократии упорно сопротивлялась египетскому господству и что поэтому Тутмос III был вынужден применить политику террора по отношению к мятежной части местного населения, опираясь на проегипетскую группу местной аристократии.

Однако первый поход Тутмоса III был расценен современниками в качестве крупного события. Именно поэтому этот поход столь подробно описан в «Анналах Тутмоса III» и отдельные его эпизоды упомянуты в других надписях того времени. И действительно, спустя долгое время египетские войска снова вторглись в Палестину и Сирию, наголову разбили коалицию сиро-палестинских князей, которую, возможно, поддерживала [122] Митаннийская держава, покорили племена Палестины и ливанских предгорий, захватили

большую добычу и завоевали обширную территорию, пробив тем самым самую широкую дверь в страны Передней Азии.

Чтобы отметить большое значение этого похода и одержанных во время него побед, Тутмос III учредил целую серию торжественных праздников и пожертвовал большие богатства храму Амона в Фивах. На внутренней стороне южной части шестого пилона Карнакского храма высечена особая надпись, в которой подробно описываются все религиозные торжества и царские дары жречеству, которые имели большой социально-политический смысл, так как должны были укрепить опору рабовладельческой — аристократическое жречество и тем самым упрочить рабовладельческий строй в целом. В этой надписи говорится о том, что царь установил «праздник победы», после того как он вернулся «из первого победоносного похода, разгромив презренную страну Речену, расширив границы Египта в 23-м году после победы». Судя по этому описанию, царь трижды праздновал свой «праздник победы», причем торжество каждый раз продолжалось несколько дней. Одновременно с этим были учреждены и богатые жертвоприношения, в частности большим обелискам, которые царь поставил в храме Амона, а также царским статуям, что должно было укрепить не только культ бога Амона, но и культ обоготворенного царя.⁶⁰⁾ Особенно характерно в этой надписи подробное сообщение о передаче царем храму Амона большого количества пленников и даже трех городов, завоеванных в Сирии. Наконец, в этой же надписи царь дает подробное наставление жрецам, чтобы они были «бдительны в исполнении своих обязанностей».⁶¹⁾ Так все более укреплялась связь между высшим фиванским жречеством и царской властью.

Первый поход Тутмоса III в Сирию значительно упрочил положение Египта в Передней Азии в качестве сильной и могущественной военной державы, энергично вступившей на путь завоеваний с целью захвата добычи и использования ресурсов Палестины, Сирии и Финикии. Вполне естественно, что даже объединенным силам сиро-палестинской коалиции было трудно сопротивляться египетскому нашествию. Мы имеем некоторые основания предполагать, что большое Митаннийское государство оказывало некоторую поддержку сиро-палестинским князьям, ведшим упорную борьбу с Египтом; Митанни в этот период, опасаясь усиления Египта в Передней Азии, с одной стороны, поддерживало те страны и государства, которые вели войну с Египтом, а с другой — оказывало давление на покоренные народы, стремившиеся освободиться от митаннийского ига и для этого заручиться поддержкой Египта. [123]

Ассирия долго была под митаннийским влиянием и неоднократно боролась за свою независимость с митаннийскими царями в середине II тысячелетия. На 24-м году царствования Тутмоса III, т. е. вскоре после его первого похода в Переднюю Азию, ассирийский царь прислал различные ценности фараону, которые автор «Анналов» горделиво назвал «приношениями вождя Ашшура», перечислив их наряду с приношениями из страны Речену, т. е. с данью завоеванной страны. Разумеется, Ассирия не могла в то время ни быть завоеванной Тутмосом III, ни послать в далекий Египет свою дань, признав гегемонию Египта. Поэтому неправ Грапов, который слово — «приношения» понимает и переводит как «дань». Впрочем, он сам не всегда придерживается такого понимания этого слова, иногда переводя его как «приношения» или иначе.⁶²⁾ Очевидно, эти «приношения» ценных предметов, в частности лазурита, были лишь знаками внимания и сочувствия египтянам, которые таким образом выразил ассирийский «князь» (или вождь) египетскому фараону. С другой стороны, это могли быть товары, присланные в Египет с целью установления торговых отношений между Ассирией и Египтом. Ведь несколько позднее ассирийский царь Ашшурбалил писал Эхнатону о своем намерении отправить в Египет посла и о своем желании получить из

Египта золото, по-видимому, в обмен на ассирийские товары, колесницы, лошадей и лазурит, которые Ашшурбаллит послал Эхнатону. В письме Ашшурбаллит напоминал Эхнатону, что некогда ассирийский царь Ашшурнадинаххе получил из Египта 20 талантов золота.⁶³⁾ Ассирийские цари, конечно, знали, что хурриты, тесно связанные с Митаннийским царством, довольно глубоко проникли в Сирию и Палестину. На это указывает ряд фактов, частично извлекаемых из переписки Амарнского архива.⁶⁴⁾ Именно поэтому, стараясь освободиться от митаннийского влияния, ассирийский царь пытался установить непосредственные сношения с египетским фараоном, который нанес сильный удар митаннийскому влиянию в Палестине и Сирии, разгромив сиро-палестинский союз князей, поддерживаемый Митанни.

Наряду с приношениями «князя Ашшура» египетский летописец под 24-м годом царствования Тутмоса III отметил приношения из страны Речену (по реконструкции текста Зете). Очевидно, в Египте особенно ценили эти «приношения», состоявшие частично из дани, а частично из товаров. Это были главным образом кожаные и деревянные изделия, служившие для оборудования колесниц и запряжек, а также различные ценные сорта дерева. Ведь последние издревле вывозились из Сирии в Египет, а конная упряжь, колесницы и лошади в большом [124] количестве доставлялись из Передней Азии в Нильскую долину в течение всего периода XVIII династии. Вполне естественно, что торговые города Сирии, Палестины и Финикии, в частности города в районе Ливана, играли большую роль в доставке этих ценных для Египта предметов. Завоевание Тутмосом III больших территорий в этих странах дало возможность египтянам увеличить доставку в Египет ценных сортов дерева и всякого рода оборудования для колесниц и конных запряжек. Таким образом, египетский летописец, не мудрствуя лукаво, отметил один из экономических результатов первого похода Тутмоса III в Переднюю Азию.

Первый поход Тутмоса III в Палестину и Сирию настолько укрепил господствующее положение Египта в этих странах, что египтяне стали смотреть на Хару и Верхнее Речену как на страны, поверженные самим богом Амоном «под сандалиии» фараона, как это ясно говорится в одной надписи из «Праздничного храма» в Карнаке, возможно, приуроченной к 25-му году царствования Тутмоса III. Тут же около этой надписи помещены многочисленные изображения растений и животных, доставленных в Египет из Верхнего Речену. В сопровождающей эти изображения надписи говорится:

«...Растения всякие необыкновенные и всякие прекрасные цветы, происходящие из страны бога, [доставленные могуществу] его величества, после того как направился его величество и Верхнее Речену, чтобы покорить страны [северные], согласно приказу отца Амона, который поверг все страны под сандалиии его от [этого дня] и до [истечения] миллионов лет».⁶⁵⁾ Очевидно, египтяне использовали завоевание областей Палестины и Сирии в хозяйственном отношении, вывозя из этих стран не только богатую добычу, но и различные, неизвестные ранее египтянам, виды растений и животных с целью их акклиматизации в Нильской долине.

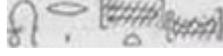
Поход 29-го года

В «Анналах Тутмоса III» говорится, что на 29-м году его царствования был совершен пятый поход, а именно поход в страну Джахи. Поэтому многие исследователи считали, что Тутмос III в течение 24-28-го годов своего царствования совершил три похода в Сирию, причем находили возможным отнести второй, третий и четвертый походы к определенным годам. Однако в источниках этого времени, в частности в «Анналах», не сохранилось решительно никаких данных, которые позволили бы отнести эти походы к

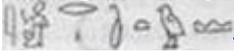
тому или иному году. Поэтому совершенно прав Грапов, который в своем исследовании, [125] посвященном «Анналам», указывает на то, что в «Анналах» под 24-м годом сохранилось лишь начало перечня дани, а под 25-28-м годами вообще ничего не сохранилось. Таким образом, всякого рода догадки о том, когда происходили второй, третий и четвертый походы Тутмоса III, в настоящее время все еще следует считать необоснованными.⁶⁶⁾

Пять лет, протекшие между первым и пятым походом Тутмоса III в Переднюю Азию, были годами накопления сил для обеих враждовавших сторон. Сиро-финикийские княжества образовали за это время новую антиегипетскую коалицию, в которой значительную роль стали играть как прибрежные финикийские города, так и города Северной Сирии, среди которых в это время стал выдвигаться Тунип.⁶⁷⁾ С другой стороны, Египет, мобилизуя как свои собственные ресурсы, так и ресурсы завоеванных ранее областей Палестины и Южной Сирии (Хару и Нижнего Речену), стал готовиться к новой большой военной кампании в Передней Азии. Прекрасно понимая, что Египет никогда не сможет господствовать в Сирии, если он не встанет прочной ногой на финикийском побережье, Тутмос III организовал флот, задачей которого было покорение городов финикийского побережья и охрана морских коммуникаций, ведущих из Финикии в Египет. Весьма возможно, что этим флотом командовал именно тот старый сподвижник не только Тутмоса III, но еще и Тутмоса II, вельможа Небамон, которого Тутмос III назначил командиром «всех кораблей царя».⁶⁸⁾

Пятый поход Тутмоса III имел целью изолировать Кадеш от его сильных союзников на финикийском побережье и тем создать благоприятные условия либо для захвата Кадеша, сильнейшего города средней Сирии и наиболее упорного врага Египта, либо для глубокого проникновения в долину Оронта с целью полной блокады и дальнейшего захвата Кинзы-Кадеша. Именно поэтому пятый поход был новым этапом в серии завоевательных походов Тутмоса III в Сирию и в качестве такового описан в особой главе «Анналов», которая снова начинается торжественным вступлением: «Приказал его величество, чтобы были записаны победы, которые даровал ему его отец [Амон], на каменной стене храма, которую соорудил его величество заново [для отца своего Амона]..., [как приказано было самим этим богом, чтобы описан был каждый] поход под своим именем вместе с добычей, доставленной его величеством из этого [похода]...».⁶⁹⁾ Стараясь изобразить этот поход, так же, как и первый, оборонительным походом, предпринятым царем против азиатских «повстанцев», летописец продолжает в следующих словах: «Год 29-й. И вот его величество [в Джа]хи опустошал страны, восставшие против него, [126] во время пятого победоносного похода».⁷⁰⁾ К сожалению, в настоящее время не

представляется возможным отождествить название города Уарчет , который, как указывает летописец, был захвачен во время этого похода. Судя по дальнейшему тексту «Анналов», можно думать, что Уарчет был довольно крупным финикийским городом, так как в нем, по словам летописца, находился «склад жертв» и, очевидно, кроме того, святилище Амона-Горахте, в котором фараон принес жертвы фиванскому верховному богу. По-видимому, в этом большом финикийском городе находилась довольно значительная египетская колония. Раскопки в Библе, обнаружившие остатки египетских храмов, ясно показывают, что в некоторых больших финикийских городах жило много египтян и были построены египетские храмы. Имеются основания предполагать, что Уарчет находился сравнительно недалеко от Тунипа, входя в сферу влияния этого крупного города Северной Сирии, так как фараон при занятии Уарчета захватил вместе с другой большой добычей «гарнизон этого врага из Тунипа, князя этого города».⁷¹⁾ Вполне естественно, что правитель Тунипа, экономически и политически тесно связанный с городами финикийского побережья, опасаясь египетского нашествия,

направил в Уарчет вспомогательные войска, для того чтобы общими усилиями отразить натиск египетских войск.

Стремление Египта захватить не только города финикийского побережья, но и морские коммуникации подчеркнуто и отрывке из «Анналов», в котором описывается захват египтянами «двух кораблей (снаряженных вместе с их командой. — В. А.) и нагруженных всякими вещами, рабами и рабынями, медью, свинцом (или оловом. — В. А.), минералом исмери и всеми прекрасными вещами».⁷²⁾ Среди захваченной добычи писец отметил рабов, рабынь и металлы в качестве наиболее желанных для египтян ценностей. Эти слова писца ясно указывают на экономическое значение походов Тутмоса III в Переднюю Азию. На обратном пути египетский фараон опустошил большой финикийский город Иартиту ⁷³⁾ с «его [запасами] зерна, вырубив все его хорошие деревья».⁷⁴⁾ Победы, одержанные египетскими войсками над неприятелем на финикийском побережье, отдали в руки египтян богатый земледельческий район. По словам летописца, страна Джахи, занятая египетскими войсками, изобиловала садами, в которых росли многочисленные плодовые деревья. Страна была богата зерном и вином. Поэтому египетское войско было обильно снабжено всем тем, что ему полагалось получать во время похода. Иными словами, богатое финикийское побережье было отдано [127] на разграбление египетскому войску. Судя по тому, что в описании пятого похода Тутмоса III в Переднюю Азию упоминается лишь о взятии одного города Иарчета и об опустошении одного лишь города Иартиту, остальные города финикийского побережья не были захвачены египтянами. Именно поэтому египетский писец, описывая богатства страны Джахи, перечисляет лишь фруктовые сады, вино и зерно, которые попали в руки египетских воинов, что и дало возможность снабдить войско всем необходимым. С этим согласуется и перечисление тех приношений, которые были доставлены фараону во время этого похода. В этом списке приношений обращает на себя внимание большое количество крупного и мелкого рогатого скота, хлеба, зерна, пшеницы, лука, «всяких хороших плодов этой страны, оливкового масла, меда, вина», т. е. главным образом продуктов сельского хозяйства. Другие ценности перечислены либо в очень небольшом количестве (10 серебряных чаш) или в самой общей форме (медь, свинец, лазурит, зеленый камень). Очевидно, все местное население скрылось со своими ценностями за крепкими стенами многочисленных финикийских городов, которые египетское войско не смогло занять. Таким образом, наиболее важным результатом пятого похода Тутмоса III был захват нескольких опорных пунктов на финикийском побережье и плацдарма, который мог дать возможность во время следующей кампании высадить здесь уже более крупные военные силы с целью проникновения в долину Оронта и захвата наиболее важных городов внутренней Сирии. Наряду с этим некоторое значение имели захват большой добычи и опустошение сельских районов береговой Финикии. Несомненно, настроение египетского войска должно было быть приподнятым, так как, по словам летописца, «войско его величества напивалось [вдоволь] и умащалось оливковым маслом каждый день, как в праздники в стране египетской».⁷⁵⁾ Такими наивными словами и весьма откровенно охарактеризовал египетский писец материальную обеспеченность египетского войска, одержавшего в Финикии ряд крупных побед. Вполне естественно, что эта материальная обеспеченность должна была обусловить и «бодрость духа» воинов. Конечно, и в те времена материальная база и моральный фактор играли огромную роль в военном деле, в значительной степени обеспечивая исход боевых операций. Характерно, что именно в этот период египетской истории мы находим ряд указаний в источниках на эти существенные обстоятельства. Так, отмечая полную обеспеченность египетского войска в Финикии, писец именно этим кончает свое описание пятого похода Тутмоса III в Переднюю Азию, как бы ставя на этом своеобразное логическое ударение. [128]

Шестой и седьмой походы Тутмоса III

Во время пятого похода в Переднюю Азию Тутмос III смог захватить лишь некоторую часть финикийского побережья. Но этот успех дал возможность фараону на следующий год, т. е. на 30-м году своего царствования, предпринять новый поход в Сирию с целью расширения завоеванных территорий и захвата важнейшего военно-политического центра внутренней Сирии — Кадеша. Имея в своем распоряжении отдельные пункты на финикийском побережье и даже некоторый плацдарм для развертывания своих военных сил, Тутмос смог отправить войска из Египта в Финикию морем. Поэтому летописец назвал тостом поход «морским».⁷⁶⁾ Очевидно, одной из целей этого похода было как можно прочнее укрепиться на финикийском побережье, что, конечно, можно было сделать, лишь опираясь на сильный египетский флот. Так как основными стратегическими задачами этого похода было занятие финикийского побережья, проникновение в долину Оронта и захват Кадеша, то можно предполагать, что египетские войска высадились в Симири. Ведь именно отсюда открывался наиболее короткий и удобный путь, ведущий по долине реки Элейтероса в долину Оронта. С другой стороны, захват большого города Симиры позволял египетским войскам укрепить свои позиции на финикийском побережье. Предположение, что египтяне высадились в Симири, подтверждается и тем, что, согласно «Анналам», египетские войска после взятия Кадеша вернулись обратно в Симиру, которая названа египетским летописцем Джемара.⁷⁷⁾

Высадив свои войска на финикийском побережье, вероятно, в Симири, Тутмос III повел их по долине Элейтероса к Кадешу, чтобы, наконец, покончить со своим давнишним врагом, имевшим столь большое влияние в Палестине, Сирии и Финикии. Кадеш,⁷⁸⁾ выгодно расположенный в плодородной равнине верхнего течения реки Оронта в центре скрещения торговых путей, шедших из Палестины в Северную Сирию, и от финикийского побережья в глубь страны, был в те времена важным политическим и торговым центром, постоянно возглавлявшим все антиегипетские коалиции сиро-палестинских князей. Окруженный со всех сторон водами Оронта, его притока и соединявшего их канала, защищенный мощными стенами, Кадеш представлял собой сильную крепость. Поэтому понятно, что войскам Тутмоса III пришлось начать осаду этого древнего сирийского города, о которой можно лишь догадываться на основании крайне лаконичных сообщений летописца: «Прибытие к городу Кадешу, его разрушение, порубка его деревьев, сбор его урожая».⁷⁹⁾ Очевидно, египтяне принуждены были осадить [129] Кадеш совершенно так же, как несколько лет назад они осаждали Мегиддо. Деревья вокруг Кадеша были вырублены для сооружения осадных укреплений. Осада, возможно, была длительной, так как египтяне собрали урожай на полях, окружавших Кадеш, т. е., иными словами, простояли под Кадешем вплоть до осени. Однако защитникам города не удалось отбить атаки неприятеля. После длительной осады Кадеш был взят египетскими войсками и разрушен. После взятия Кадеша египетские войска вернулись прежним путем в Симиру, затем вторично взяли город Иартиту, поступив с ним так же, как и с Кадешем, т. е. предав его разрушению. Чтобы полностью подавить сопротивление непокорных сиро-финикийских князей, Тутмос III взял в качестве заложников их детей и братьев и увел с собой в Египет. «Анналы Тутмоса III» отмечают это событие в следующих словах: «И вот доставлены были дети князей и братья их, чтобы содержаться в укрепленных лагерях Египта». Очевидно, фараон старался подчинить этих заложников египетскому культурному и политическому влиянию, чтобы воспитать из них будущих друзей Египта. Поэтому «если кто-либо из этих князей умирал, то его величество приводил [сына] его, чтобы поставить на его место».⁸⁰⁾ Только падение Кадеша дало возможность египетскому фараону увести с собой в Египет этих знатных заложников и таким образом искусственно создать себе среди них будущую опору своей политики. Насколько велико было

политическое влияние Кадеша в Сирии, видно из того, что Тутмос III после взятия Кадеша увел в Египет 36 таких заложников.

Первые шесть походов, предпринятых Тутмосом III в Переднюю Азию, привели к завоеванию египтянами всей Палестины и значительных частей Финикии и Сирии, что укрепило положение и влияние Египта в Передней Азии. Однако некоторые финикийские и сирийские города все еще сохраняли свою независимость и пытались организовать сопротивление египетскому господству в Финикии и Сирии. Поэтому Тутмос III принужден был на 32-м году своего царствования предпринять новый поход в Переднюю Азию с целью окончательного покорения этих все еще независимых и непокорных финикийских городов. В «Анналах» очень кратко сообщается о том, что фараон во время этого похода занял находившийся близ Симиры финикийский город Уллазу, который назван египетским летописцем Иунрачу.⁸¹⁾ Очевидно, Уллаза была крупным центром, вокруг которого группировались силы антиегипетской коалиции сиро-финикийских князей. Большую роль в этой коалиции играл и сирийский город Тунип, который во время этого похода поддерживал Уллазу. В «Анналах» сообщается, что во время взятия Уллазы египтяне захватили среди прочих пленных [130] «сына этого врага из Тунипа», т.е. сына князя Тунипа, который, по-видимому, с отрядом вспомогательных войск был послан из Тунипа в Уллазу, чтобы задержать дальнейшее продвижение египетских войск.⁸²⁾ Однако, несмотря на помощь сирийских городов, Уллаза была занята египетским войском, как это подчеркнуто в «Анналах», «в очень короткое время. И все имущество его стало легкой добычей» египтян.⁸³⁾ Отсюда можно сделать вывод, что египтяне имели значительный численный перевес над коалицией сиро-финикийских князей не только на суше, но и на море. Ведь упоминание о том, что неприятельский город был захвачен «в очень короткое время», встречается в «Анналах» в первый раз. Вероятно, этими словами летописец хотел подчеркнуть, что только теперь, во время седьмого похода Тутмоса III в Переднюю Азию, ясно обнаружился серьезный перенос египетских военных сил.

Опираясь на свои войска, превосходившие войска противника, и на достигнутые ранее успехи, Тутмос III принял ряд мер для того чтобы прочнее закрепиться на финикийском побережье и прекратить его таким образом в постоянный плацдарм для развертывания своих военных сил против государства Митанни. В «Анналах» сообщается о том, что «все гавани, в которые прибывал его величество, были снабжены прекрасными лесами, всякими хлебами, оливковым маслом, благовониями, вином, медом и всякими прекрасными плодами этой страны».⁸⁴⁾ Очевидно, Тутмос III организовал в городах финикийского побережья постоянные базы продуктового снабжения египетского войска, которое благодаря этому могло совершать длительные походы в глубь страны. Основным источником снабжения этих приморских городов были занятые египтянами области Палестины, Сирии и Финикии, главным образом, плодородная страна Речену, которая, по словам летописца, поставляла египтянам большое количество самых разнообразных продуктов. На попытку Тутмоса III как можно прочнее укрепиться в захваченных областях Передней Азии указывают слова летописца, что повинности Речену должны были доставляться в «Дом серебра», т. е. в царскую сокровищницу, совершенно так же, как повинности Нубии.⁸⁵⁾ Таким образом, завоеванные области Палестины, Сирии и Финикии стали рассматриваться фараоном как завоеванные области Нубии, которые уже были включены в состав египетского государства. Это обстоятельство ясно указывает на укрепление египетского господства и влияния в областях Передней Азии, завоеванных силой египетского оружия. [131]

Восьмой поход Тутмоса III

Завоевание Палестины, городов финикийского побережья и Южной Сирии, наконец, проникновение в долину Оронта и захват сильной крепости Кадеша открыли египетским войскам стратегически важные дороги, ведущие на север, в Северную Сирию, и на северо-восток, в долину среднего Евфрата, где находились страна Нахарина и могущественное государство Митанни. Очевидно, именно эти два направления имели в тот момент наибольшее значение для Египта и поэтому по этим двум направлениям египетские войска нанесли главные удары неприятелю во время восьмого похода Тутмоса III, который им был предпринят на 33-м году царствования. Захватив буферные страны Палестину, Финикию и Сирию, Египет стремился установить непосредственные взаимоотношения с двумя большими государствами Передней Азии — Хеттским государством, находившимся в восточной части Малой Азии, и Митаннийским царством, расположенным в северо-западной части Месопотамии. Выход Египта к границам Малой Азии и Месопотамии еще более расширял район распространения египетской торговли и давал египтянам возможность в еще больших размерах, чем раньше, вывозить свои товары в страны Передней Азии, обменивая их на ценные продукты и ремесленные изделия соседних стран. С другой стороны, для того чтобы окончательно закрепить свое господство над Палестиной, Сирией и Финикией, Египет должен был нанести решительный удар Митаннийскому царству, которое постоянно поддерживало антиегипетские коалиции в Сирии и Финикии. Этими причинами объясняется широкий размах военных действий, предпринятых Тутмосом III против Митанни во время восьмого похода в Переднюю Азию.

То обстоятельство, что основной стратегический удар во время этой кампании был нанесен государству Митанни, достаточно ясно подчеркнуто в «Анналах». Автор «Анналов», крайне скупой описавший восьмой поход Тутмоса III, в самом начале своего описания сообщает о важнейших достижениях египтян, которые выразились в переходе через Евфрат и опустошении страны Нахарины. К счастью, две другие надписи, сохранившиеся от этого времени — надпись из Джебель-Баркала и автобиография Аменемхеба, позволяют хотя бы в общих чертах восстановить события, происшедшие во время восьмого похода Тутмоса III в Переднюю Азию.

Восьмой поход Тутмоса III, как это видно из надписи Аменемхеба, был предпринят по суше. Египетские войска под начальством фараона⁸⁶⁾ двинулись от границ Египта к стране Неgeb, которая находилась в южной части Палестины. Этот маршрут объясняется, видимо, тем, что египтянам ввиду дальности [132] похода необходимо было прочно закрепить свой тыл и обеспечить основные сухопутные коммуникации. Возможно также, что в Южной Палестине вспыхнуло восстание местных племен против египетского господства, что вынудило египтян дать в Негебе битву повстанцам.⁸⁷⁾ Подавив восстания, египетская армия прошла через всю Палестину и вступила в Южную Сирию. «Анналы» в качестве, очевидно, первого крупного успеха египтян отмечают «прибытие к области Кеден».⁸⁸⁾ Кеден, как египтяне называли Катну, был занят египетскими войсками, как это можно предполагать по тексту «Анналов», а также по фрагменту надписи, сохранившейся на седьмом пилоне Фиванского храма Амона. Взятие египтянами Катны было крупным военным успехом, который весьма облегчил дальнейшее продвижение на север египетского войска. Катна, расположенная на месте современного эль-Мишриффе в 18 км к северо-западу от Хомса, как показали раскопки,⁸⁹⁾ была большим городом, издревле имевшим большое торговое и военно-политическое значение. Судя по тому, что Катна не упоминается в «Анналах» при описании предшествующих походов Тутмоса III, город до этого времени сохранял свою независимость от Египта, что, конечно, весьма затрудняло дальнейшее продвижение египетских войск. Поэтому можно думать, что один из первых

крупных ударов египтян во время восьмого похода был нанесен именно по Катне. Заняв Катну, египетское войско двинулось далее на север и около «высот Уана, к западу от Харабу»⁹⁰⁾ дало сражение противнику, который, возможно, сосредоточил здесь довольно крупные силы. Описывая эту битву, Аменемхем сообщает: «Я взял азиатов в качестве пленников — 13 человек и 70 живых ослов, а также 13 бронзовых топоров, [причем] бронза была украшена золотом».⁹¹⁾ По-видимому, среди войск противника находились отборные войска либо одного из крупных городов Сирии, либо даже самого митаннийского царя, вооруженные драгоценным оружием, описанным Аменемхемом.⁹²⁾ Разбив войска противника «к западу от Харабу», т. е., очевидно, к западу от Халпы, египетские войска заняли этот город, после чего продвинулись далее к северо-востоку, захватили весь район вплоть до Евфрата и подошли к этой реке, которая являлась естественным рубежом между Сирией и Месопотамией, неподалеку от Кархемыша. Здесь, около этого большого и сильного города, расположенного на восточном берегу Евфрата, египетские войска, как об этом говорится в надписи Аменемхеба, дали большое сражение войскам неприятеля. Полностью разгромив противника, египтяне овладели твердынями Кархемыша и переправой через Евфрат, что дало возможность египетскому войску вторгнуться в области государства Митанни, находившиеся уже в Месопотамии. Этот крупный успех [133] египетского оружия был справедливо расценен современниками как победоносное завершение всей кампании, утвердившее господство Египта в Передней Азии и отдавшее в руки египтян обширные и богатые районы не только Северной Сирии, но и Митанни. Поэтому о переправе через Евфрат сообщается во всех трех надписях, описывающих восьмой поход Тутмоса III. В «Анналах» кратко сообщается, что фараон во главе своего войска переправился через «великую перевернутую реку Нахарины»,⁹³⁾ т. е. через реку, которая течет не на север, как привычный и знакомый египтянам Нил, а на юг. Можно предполагать, что египетское войско переправилось близ Кархемыша,⁹⁴⁾ так как в надписи Аменемхеба говорится, что Аменемхем переправился через «поток Нахарины», держа в руке пленников, взятых в бою под Кархемышем, который в надписи назван «Карикамиаша».⁹⁵⁾ В результате крупных побед, одержанных египтянами к западу от Халпы и в районе Кархемыша, они овладели всем обширным районом, расположенным к западу от Евфрата. В надписи из Джебель-Баркала красноречиво описывается, как египетское войско опустошило этот обширный район, предав огню и мечу все поселения, вырубив плодовые деревья и захватив в качестве рабов всех жителей, а также много скота и запасы зерна.⁹⁶⁾ В этой же надписи, содержащей ряд существенно важных данных относительно восьмого похода Тутмоса III, которых нет в других надписях того времени, говорится далее о переправе египетского войска через Евфрат. В надписи подробно повествуется о том, как фараон приказал построить множество кораблей из прочного ливанского кедра, срубленного «в горах страны бога» около «Владычицы Библа». Затем корабли были погружены на большие телеги, запряженные быками, и доставлены к берегам Евфрата. На этих кораблях египетские войска переправились «через большую реку, которая протекает между этой иноземной страной и страной Нахарина».⁹⁷⁾ Эти последние слова ясно указывают на то, что египтяне в царствование Тутмоса III называли страной «Нахарина» область, лежащую непосредственно к востоку от среднего течения Евфрата.

Эти крупные военные успехи египетского войска и удачная переправа через Евфрат отдали в руки египтян не только западное, но и восточное побережье Евфрата. Судя по тексту «Анналов», Тутмос III, реализуя эти успехи, двинулся на юг, отчасти по реке, отчасти по ее восточному берегу, «захватывая города, опустошая области этого врага презренной страны Нахарина».⁹⁸⁾ Очевидно, сопротивление митаннийского войска было полностью сломлено. Египетский летописец образно рисует деморализацию разбитого противника, стремительно отступавшего на юго-восток, говоря, что «ни один из них не оглядывался, [134] так как они бежали дальше, как стадо диких зверей пустыни».⁹⁹⁾ В

надписи из Джебель-Баркала полный разгром митаннийского войска подчеркнут указанием на то, что митаннийский царь принужден был обратиться в бегство и что фараон «разыскивал презренного врага в иноземных странах Митанни. Он бежал от фараона в страхе в другую страну, в отдаленное место».¹⁰⁰⁾ Очевидно, Тутмос III ограничился опустошением западной части Митаннийского царства и не считал нужным преследовать митаннийского царя, бежавшего в далекие восточные части своего государства. Считая, что египетские войска полностью выполнили стратегические задачи данной кампании, которые заключались в разгроме митаннийских войск, переправе через Евфрат и опустошении западных областей Митаннийского царства, Тутмос III поставил памятную плиту на берегу Евфрата, около плиты, которая была поставлена близ Нии Тутмосом I. Об этом сообщается как в «Анналах», так и в надписи из Джебель-Баркала.¹⁰¹⁾ По-видимому, установка памятной плиты на берегу Евфрата была тем торжественным моментом, который должен был ознаменовать завершение победоносного похода.

Однако на обратном пути Тутмосу III пришлось преодолеть некоторое сопротивление отдельных областей и городов Сирии, которые все еще не были окончательно покорены египтянами. Аменемхем сообщает в своей автобиографии, что «он видел победы царя» «в стране Сенджера», когда он «совершил там большое побоище».¹⁰²⁾ Далее, на этом обратном пути египетскому войску пришлось снова вступить в борьбу с князем Кадеша, который, видимо, пытался использовать сложившуюся обстановку, чтобы поднять восстание против фараона. Однако, располагая все еще достаточно крупными силами, Тутмос III «захватил город Кадеш».¹⁰³⁾ Наконец, Аменемхем сообщает, что он «снова увидел победы его величества в презренной стране Тахси, у города Мериу». Все эти сражения, описанные Аменемхемом, были не случайными небольшими стычками, а довольно значительными битвами, во время которых было окончательно подавлено сопротивление отдельных все еще непокорных сирийских областей и городов. Аменемхем описывает подвиги, которые он совершил во время этих сражений, и награды, которые он получил от фараона.¹⁰⁴⁾

Прочно закрепив свое господство в Сирии, Палестине и Финикии, Тутмос III принял особые меры к тому, чтобы князья ливанских областей регулярно снабжали финикийские гавани всем необходимым как для отправки этих ценностей в Египет, так и для постоянного снабжения египетских гарнизонов и войск, направляемых в Сирию.¹⁰⁵⁾ Таким образом, эти финикийские гавани стали экономической базой египтян в Финикии [135] и тем связующим звеном, которое постоянно соединяло Египет с его владениями в Передней Азии. Особенно существенно то, что финикийские города и области должны были платить ежегодные подати Египту. Тем самым эти завоеванные страны были как бы и в экономическом отношении введены в состав египетского государства.

Результатами восьмого похода Тутмоса III были укрепление египетского господства в Сирии, Палестине и Финикии, нанесение сильного удара Митаннийскому государству, переправа через Евфрат и опустошение западных областей Митанни, наконец, захват огромной добычи, часть которой перечислена в «Анналах».¹⁰⁶⁾ Помимо того, несомненным результатом восьмого похода было укрепление военно-политического и экономического влияния Египта в Передней Азии. Это выразилось в том, что Ассирия и Хеттское государство (Великая Хета) прислали свою «дань» в Египет. Конечно, эти государства не были подвластны Египту. В качестве самостоятельных государств они не были обязаны посылать свою дань Египту. Но так как и Ассирия и Великая Хеттская держава вели постоянную борьбу с Митанни, то посылкой даров фараону они как бы солидаризировались с его политикой в Передней Азии, ставили себя в положение его союзников, признавали его завоевания и в то же время как бы откупались от грозных войск фараона.¹⁰⁷⁾ Это был один из моментов наивысшего напряжения военно-

агрессивной политики египетского государства, когда политика непрерывных завоевательных походов Египта в Переднюю Азию достигла своего кульминационного пункта. Египет был на вершине своего военного могущества. В «Анналах» указывается, что египетское войско во главе с фараоном «прибыло... благополучно в Египет».¹⁰⁸⁾ Дважды отмечает летописец, что фараон этим походом расширил «границы Египта».¹⁰⁹⁾ Вполне сознательно поместив в этом же описании восьмого похода списки поступлений из Пунта и Нубии, летописец этим как бы отмечает огромное протяжение египетского государства, в которое постоянно стекались несметные богатства из Передней Азии и далеких африканских областей вплоть до «страны бога», той далекой страны Пунт, которая, очевидно, была расположена на побережье Восточной Африки.¹¹⁰⁾

Последние походы Тутмоса III в Переднюю Азию

После крупных побед, одержанных в Северной Сирии и Северо-Западной Месопотамии во время восьмого похода Тутмоса III в Переднюю Азию, египетским войскам предстояла задача удерживать занятые позиции и подавлять восстания, [136] что было необходимо, чтобы укрепить положение Египта в покоренных странах. Поэтому, естественно, что во время следующих походов Тутмос III старался лишь сохранить удержанное и не считал нужным продвигаться в глубь завоеванных стран. Во время девятого похода, предпринятого на 34-м году царствования Тутмоса III, египетские войска заняли главный город области Нухашше и два других второстепенных города той же области. Так как область Нухашше была расположена недалеко от Нии и находилась к востоку от Оронта между Северной Сирией и средним течением Евфрата, то войска Тутмоса III должны были занять в некоторой части эту область и ранее, очевидно, во время восьмого похода. Но так как сразу замирить эту область не удалось, то во время следующего похода египетские войска провели специальную операцию по захвату трех городов страны Нухашше. Поэтому в «Анналах» сообщается, что фараон захватил город Иниугаса, причем «люди другого города, находящегося в его области, умиротворенные полностью его величеством, пришли к нему с поклоном». Далее в приложенном перечне «городов, захваченных в этом году», упоминаются «два города и город, сдавшийся в этой области Иниугаса. Всего три (города. — В. А.)».¹¹¹⁾ Особенно характерны в данном тексте слова «умиротворенные полностью» и «пришли с поклоном». Очевидно, целью этого похода и было полное умиротворение данной области. Этот район имел большое экономическое значение, ибо здесь проходили важные торговые пути, соединявшие долину Евфрата с северофиникийским побережьем, глубинные области Северной Сирии — с сирохеттскими княжествами, расположенными в районе Зенджирли, Кара-Тепе и Сакче-Гёзи. Страна Нухашше имела, конечно, и большое стратегическое значение в качестве пограничного района, находившегося на стыке сфер влияния трех крупных государств: Египта, Митанни и Хеттского царства. Поэтому прочное занятие этого форпоста обеспечивало египтянам господство во всем обширном районе между средним течением Евфрата и северофиникийским побережьем.

В этом богатом княжестве египетские войска захватили большую добычу, перечисленную в «Анналах». Летописец, ведя учет захваченных ценностей, упоминает здесь пленников, их жен и детей, очевидно, обращенных в рабство, лошадей, богато украшенные золотом и серебром колесницы сирийских аристократов, золотые сосуды, золото в кольцах, серебряные сосуды, серебро в кольцах, медь, свинец, бронзу, всякое оружие «для битвы», множество крупного и мелкого рогатого скота, ослов, ценные сорта дерева и роскошные изделия из дерева — кресла и деревянные части палатки, украшенные бронзой и драгоценными камнями (видимо, трофеей). [137]

Прочно укрепившись в Северной Сирии, египтяне стали господствовать в экономическом и политическом отношении во всем обширном районе между Средиземным морем, отрогами Амана, Тавра и средним течением Евфрата. Это дало им возможность выкачивать большие ценности из страны Речену. Перечень дани, полученной Тутмосом III на 34-м году его царствования, поражает количеством и разнообразием статей. Из Финикии (Джахи) египтяне по-прежнему получали «всякие прекрасные вещи», которыми были богаты все финикийские гавани. В данном случае представляет большой интерес упоминание летописца о том, что все продукты и товары отправлялись на разнообразных кораблях: на кораблях кефтиу (критские корабли), на библских кораблях и на морских (может быть, даже боевых) кораблях. В частности, эти корабли были нагружены мачтами, деревянными столбами и большими балками для крупных царских построек. Очевидно, писец имел в виду в данном случае подчеркнуть развитие морской торговли Египта, устанавливавшего ныне более прочные торговые связи с Критом и Финикией. Это подтверждается тем, что в дальнейших строчках «Анналов» говорится о доставке «дани» или о получении особых поставок (буквально: «приношений») из страны Иси¹¹²⁾ (очевидно, Кипра), откуда египтяне получали в первую очередь медь, а затем свинец, лазурит, слоновую кость и ценное дерево «чагу».

Одновременно с этим египетское экономическое влияние распространялось и на далекие южные области Нубии, страны Куш и Вават. С далекого африканского юга египтяне получали большое количество ценностей, главным образом золото, рабов, скот и корабли, груженные ценными сортами дерева, зерном и всякими иными продуктами этих южных стран. О доставке в Египет кораблей с этими ценностями сообщается также и в надписи из Джебель-Баркала.

На следующем, 35-м году царствования Тутмос III был вынужден предпринять десятый поход в Сирию, с тем чтобы подавить восстания в северной части этой страны и в прилегающих областях Северо-Западной Месопотамии, на которые распространялся несколько неясный и расплывчатый египетский географический термин «Нахарина». Главным врагом египтян в этом году был «этот презренный враг из Нахарины»,¹¹³⁾ который, по словам летописца, собрал большую армию «с концов страны», причем воины противника были «более многочисленны, чем песок на берегу». Очевидно, на этот раз Египту в Сирии противостояла довольно значительная коалиция северосирийских и, возможно, митаннийских областей и городов во главе с одним из местных князей. Битва произошла около «города страны Иараианы»,¹¹⁴⁾ местоположение которой точно определить [138] в настоящее время нельзя. В «Анналах» описывается блестящая победа египетского войска, после которой враги «бежали, падая один на другого».¹¹⁵⁾

В результате замирения египетскими войсками непокорных областей Северной Сирии страны Речену и Ременен (Сирия и Ливан), а также другие азиатские страны¹¹⁶⁾ послали свои приношения и подати египетскому фараону, причем в приведенных летописцем перечнях ценностей следует отметить золото, золотые сосуды, благовония, колесницы, лошадей, наконец, большое количество оливкового масла и вина. Систематически подавляя сопротивление народов Передней Азии, египтяне из года в год выкачивали из этих богатых областей множество самих разнообразных продуктов и ценностей, что не могло в некотором отношении не укрепить материальную базу египетского рабовладельческого хозяйства и военную мощь египетского государства.

К сожалению, в «Анналах» не сохранилось никаких сведений о походах, которые Тутмос III совершал в Переднюю Азию на 36-37-м годах царствования. Но так как в той же летописи под 38-м годом упоминается и описывается тринадцатый «победоносный поход»,¹¹⁷⁾ то, очевидно, одиннадцатая и двенадцатая кампания относятся к двум

предшествующим годам.¹¹⁸⁾ Поход 38-го года ознаменовался лишь одним крупным военным событием, которое летописец счел достойным отметить в своих кратких записях. Это было опустошение городов в области Иниугаса, которая была впервые захвачена Тутмосом III во время его первого похода. Однако этот район Сирии неоднократно восставал против господства египтян. Во время девятого похода фараон снова покорил эту область; наконец, на закате своего многолетнего царствования он принужден был опять нанести сильный удар этим непокоренным северосирийским городам.¹¹⁹⁾ В перечнях обильной дани, полученной царем из различных стран и областей Передней Азии после тринадцатого похода, упоминаются Ливан (Ременен), Финикия (Джахи), остров Кипр (Иси). Наряду с ними встречается впервые название «страны Иарарех».¹²⁰⁾

На 39-м году своего царствования Тутмос снова совершил поход в Переднюю Азию, о котором мы, к сожалению, очень мало осведомлены. В летописи в данном случае упоминается лишь, что во время четырнадцатого победоносного похода царя в страну Речену египетские войска столкнулись с «поверженными врагами страны Шасу»,¹²¹⁾ которых принято обычно считать «бедуинами». Разумеется, эти племена шасу не имеют никакого отношения к современным бедуинам. Возможно, что под словом, «шасу» египтяне подразумевали кочевников пустынных районов Передней Азии. Однако в данном случае имеются [139] в виду племена какой-то определенной страны, как это видно из соответствующего гиероглифа.¹²²⁾

События следующих двух лет почти ничем не отмечены в «Анналах Тутмоса III». Текст, относящийся к 40-му году, состоит всего лишь из одной плохо сохранившейся строки, в которой Зете пытается видеть упоминание о пятнадцатом походе.¹²³⁾ Под 41-м годом в сохранившихся строчках летописи вообще не говорится о каком-либо походе, а сразу приводится «перечень приношений князей Речену»,¹²⁴⁾ затем описывается снабжение гаваней, причем упоминается, как обычно, «урожай из Джахи»,¹²⁵⁾ далее сообщается о приношениях из «Великой Хеты», наконец, приводится перечень повинностей из стран Куш и Вават. Особенно существенно в данном случае упоминание о приношениях из Великой Хеты, с которой египтяне с этого времени устанавливают более тесные, чем ранее, экономические связи, получившие затем дальнейшее развитие, как это видно из дипломатических писем Амарнского архива.

Последний поход Тутмоса III в Переднюю Азию, описанный в «Анналах», относится к 42-му году его царствования. Этот поход был своего рода крупной карательной экспедицией, направленной в Сирию для того, чтобы окончательно подавить крупное восстание непокорных сирийских городов, во главе которых стояли Тунип и Кадеш. Египетское войско, возглавляемое самим фараоном, прибыв в Сирию, двинулось вдоль побережья. Очевидно, экспедиция носила характер военной демонстрации, которая должна была показать финикийским городам мощь египетского оружия. Как указано в летописи, ближайшей целью этого марша был захват финикийского города «страны Иркаты»,¹²⁶⁾ расположенного неподалеку от Симиры. Египетские войска, заняв и опустошив Иркату и города, находившиеся в ее области, создали себе тем самым прочную базу на побережье, которая дала им возможность, обеспечив свой тыл, двинуться в глубь страны. Как видно из крайне сжатого текста летописи, египетские войска сперва направились на север, чтобы нанести первый удар Тунипу. Этот маневр имел целью вбить клин между мятежными городами Северной и Средней Сирии и лишить главного врага египтян — Кадеш поддержки северосирийских городов, во главе которых, вероятно, стоял князь Тунипа. Осада Тунипа затянулась и продолжалась до осени, однако Тунип был взят и опустошен, причем египетские войска собрали урожай в области Тунипа. Изолировав таким образом Кадеш с севера и отрезав его от его союзников, находившихся в Северной Сирии, Тутмос III двинул свои войска против Кадеша и завладел городами, расположенными в его

области. Судя по рассказу, сохранившемуся в надписи Аменемхеба, Тутмос III разрушил укрепления, возведенные [140] князем Кадеша вокруг этой сильной крепости, что, видимо, дало возможность египетскому войску завладеть этим важным центром сопротивления непокорных Египту сирийских городов и областей.¹²⁷⁾ В сирийских городах египтяне взяли большую добычу и захватили вспомогательные войска, посланные для поддержки этих городов «врагом презренной страны Нахарины».¹²⁸⁾ Таким образом, этот последний поход Тутмоса III в Переднюю Азию надолго укрепил господство Египта в Финикии и Сирии. Во время этого похода египетские войска нанесли сокрушительный удар главным очагам сопротивления в Сирии — Тунипу и Кадету.

Завоевания в Нубии

Несмотря на то, что основное внимание египетского правительства в царствование Тутмоса III было обращено на завоевание Палестины, Сирии и Финикии и укрепление экономического, политического и военного влияния Египта в Передней Азии, Египет должен был продолжать свою военно-агрессивную политику на юге, в Нубии и прилегающих к ней странах, из которых египтяне издавна вывозили ряд товаров, необходимых для развития рабовладельческого хозяйства, а также много рабов.

То обстоятельство, что Нубия все еще продолжала сохранять для Египта значение богатейшего резервуара, из которого египтяне обильно черпали сырье и рабочую силу — рабов, указывает в первую очередь на то, что даже в «Анналах», в которых описываются походы Тутмоса III в Переднюю Азию, начиная с седьмого похода, совершенного на 31-м году его царствования, перечисляется дань, полученная фараоном из Нубии и сопредельных с нею южных стран. Весьма возможно, что эта дань посылалась в Египет далеко не добровольно,¹²⁹⁾ а поступала в царскую сокровищницу в результате военных экспедиции, которые отправлялись, как это было и ранее, для ограбления богатых южных стран. К сожалению, в сохранившихся документах этого времени содержится очень мало сведений о военных действиях, которые египтяне предпринимали в Нубии и соседних странах.

Очевидно, уже и самом начале царствования Тутмоса III египетское правительство поставило перед собой задачу энергично возобновить завоевательную политику на юге, с тем чтобы полностью укрепить господство Египта во всей Нубии и даже в прилегающих к ней странах. На это ясно указывает надпись Тутмоса III, относящаяся ко 2-му году его царствования и сохранившаяся на стенах храма, построенного фараоном в Семне, у 2-го порога Нила, на месте в то время уже развалившегося [141] храма Сенусерта III, некогда покорившего Нубию. В этой надписи говорится, что «благодатный бог Мен-хепер-Ра, соорудил он памятник для отца Дедуна, главы Нубии и для царя Верхнего и Нижнего Египта Хакау-Ра (Сенусерта. — В. А.), построив им храм из белого прекрасного камня Нубии».¹³⁰⁾ Изобразив на стенах этого храма Сенусерта III в качестве обоготворенного правителя Нубии, Тутмос III тем самым провозглашал себя продолжателем его дела — завоевания Нубии. Изображения нубийского бога Дедуна, помещенные тут же, должны были наглядно свидетельствовать о том, что нубийское жречество санкционирует египетское завоевание. Таким образом, при завоевании Нубии египтяне пытались использовать нубийскую религию, включив нубийского бога Дедуна в египетский пантеон. Мы имеем все основания предполагать, что надпись Тутмоса III в Семне была не случайностью, а органическим звеном в целой цепи аналогичных мероприятий. Так, к тому же самому времени относятся надписи Тутмоса III на острове Сехель, в храме в Кумме, в Сильсиле и Вади-Хальфа.¹³¹⁾ Однако реально приступить к полному покорению всей Нубии Тутмос III смог только после смерти Хатшепсут, когда вся полнота верховной власти

сосредоточилась в его руках и он мог бросить все ресурсы Египта для завершения завоевательной политики, которая была начата его предшественниками.

О внимании, которое Тутмос III стал уделять Нубии после смерти Хатшепсут, говорит строительство многочисленных храмов, предпринятое им в различных пунктах Нубии, главным образом в тех, которые имели стратегическое значение. Так, после 30-го года своего царствования Тутмос III значительно расширил храм, построенный ранее в Семне.¹³²⁾ В храме в Вади-Хальфа им был построен большой колонный зал.¹³³⁾ В Амада Тутмос III начал постройку храма в честь бога Горахте.¹³⁴⁾ Наконец, в Верхней Нубии между 2-м и 3-м порогами на острове Саи наместник фараона в Нубии, «царский сын Куша» по имени Нехи, построил не только храм, но и крепость, что ясно указывает на военный характер интенсивного строительства, предпринятого фараоном в Нубии.¹³⁵⁾ Возможно, что в эту эпоху в Нубии уже существовали египетские поселения, которые были опорными пунктами египетского экономического, политического и культурного влияния в Нубии. Таков, например, город, раскопанный в Сесеби, в развалинах которого среди множества предметов времени XVIII династии был найден скарабей с именем Тутмоса III.¹³⁶⁾ Наконец, самым южным египетским поселением в Нубии было поселение близ «священной горы» Джебель-Баркала, где впоследствии выросла столица эфиопского государства Напата. Здесь в развалинах храма, построенного Тутмосом III, была найдена большая стела [142] с ценнейшей исторической надписью, описывающей военные походы и могущество этого фараона.¹³⁷⁾

Весьма возможно, что текст этой надписи, составленной в 47-м году царствования Тутмоса III, был своего рода манифестом, обращенным к египетскому населению Нубии на самой южной границе Египетского государства.

Эта крупная строительная деятельность египтян в Нубии стала возможной лишь благодаря тому, что вся Нубия была прочно завоевана египетскими войсками и египетские гарнизоны были размещены во всей ныне покоренной стране. Об этом завоевании Нубии говорят сохранившиеся на шестом и седьмом пилонах Фиванского храма Амона списки завоеванных в Нубии местностей. Надпись над одним из этих списков гласит: «список этих южных местностей троглодитов Нубии в Хент-хен-нофере, сраженных его величеством, который произвел побоище среди них, число которых неизвестно, который привел всех людей их в качестве живых пленников в Фивы, чтобы наполнить «работный дом» (ergastulum — В. А.)¹³⁸⁾ отца Амона-Ра, владыки Фив. И вот все страны стали рабами его величества, согласно приказу отца Амона».¹³⁹⁾ В этих списках перечисляются 269 географических названий, которые до сих пор не могут быть отождествлены, но которые все же указывают на то, что в те времена Нубия уже была прочно завоевана египтянами. Как видно из приведенной надписи, египтяне считали основной целью своего господства в Нубии максимальную эксплуатацию ее населения, из среды которого вербовалось большое количество рабов, необходимых для развития рабовладельческого хозяйства Египта.¹⁴⁰⁾

Тутмос III смог уделить все свое внимание Нубии лишь после того, как господство Египта было полностью упрочено, в Передней Азии. Именно поэтому лишь в конце своего царствования, на 50-м году, Тутмос III принял реальные меры к тому, чтобы прочнее присоединить Нубию к Египту. Чтобы иметь возможность бесперебойно перевозить по Нилу войска и товары, Тутмос приказал расчистить старый, засорившийся канал в районе 1-го порога. Об этом говорится в надписи на скале на острове Сехель в следующих словах:

«Год 50-й, 1-й месяц 3-го сезона (шему), день 22-й при его величестве царе Верхнего и Нижнего Египта Мен-хепер-Ра, дарующего жизнь. Приказал его величество прорыть этот канал, после того, как он нашел его засоренным камнями, так что не проходил корабль по нему. Он направился на юг по нему с радостным сердцем, поразив врагов своих. Название этого канала: «Открытие счастливого пути Мен-хепер-Ра, живущего вечно». Рыбаки Абу (Элефантины. — В. А.) должны расчищать этот канал ежегодно».¹⁴¹ [143]

Главным результатом завоевательной политики Египта в царствование Тутмоса III была неограниченная, хищническая эксплуатация египтянами завоеванных стран в Передней Азии и Восточной Африке и укрепление торговых связей Египта с рядом более далеких областей. На это ясно указывают многочисленные сохранившиеся на стенах гробниц этого времени изображения данников, доставляющих дань, и торговцев, привозящих товары в Египет, чаще всего в резиденцию крупного чиновника, будь то первосвященника Амона, начальника казначейства или везира, должности которых порой соединялись в одном лице. Так, в гробнице Мен-хепер-Ра-снеба, который занимал эти высокие посты при Тутмосе III, сохранилось несколько таких изображений. В пояснительной надписи сообщается, что «возносится хвала владыке двух стран, и славословие благому богу вождями каждой страны. Они относятся с почтением к победоносному могуществу его величества. У них на спине дань каждой страны [?], страны бога: серебро, золото, лазурит, малахит, всякий ценный камень...»¹⁴²

В обычной сцене принесения иноземцами «дани» фараону представлен сам Мен-хепер-Ра-снеб, приносящий царю поздравления по случаю праздника нового года. Во главе данников и торговцев стоят их вожди, что в каждом случае отмечено особыми краткими надписями. Очевидно, здесь имеются в виду не только «вожди», но также правители наиболее крупных городов Сирии (Тунипа и Кадеша) и князья отдельных областей Малой Азии (Хеты) и островов Средиземного моря (Кефтиу).¹⁴³

Изображение в гробнице Аменмеса рисует сбор дани египтянами в Сирии при помощи грубой военной силы. Художник постарался возможно нагляднее показать смирение и покорность подвластных Египту сирийцев, падающих на колени и подносящих завоевателям свои дары — громадную вазу, драгоценные камни, ткани, кувшин — и даже ведущих на привязи быков. Внизу показаны египетские воины, вооруженные топорами, копьями и щитами. Очевидно, здесь имеется в виду отряд египетских оккупационных войск. Вся сценка представлена на фоне соснового леса, столь типичного для Ливанских гор; название «Ливан» встречается в надписи, которая в поврежденном виде сохранилась тут же. Отдельные слова указывают на то, что писец старался отметить какой-то вполне реальный конкретный факт — «прибытие начальника пехоты Аменмеса в Негау», где правил покорившийся египтянам «начальник Ливана».¹⁴⁴

Таким образом, завоевание египтянами ряда областей в Палестине, Сирии и Финикии позволило им доставлять из Передней Азии драгоценные металлы (серебро и золото) и камни (лазурит и малахит), роскошные изделия, главным образом [144] сосуды и ткани, а также военное снаряжение (оружие и колесницы), ценное сырье (слоновую кость, масло или вино к кувшинам), рогатый скот и, наконец, рабов, взрослых и детей. Эти основные виды ценностей, которые в качестве дани или товаров египтяне вывозили из Сирии, весьма наглядно изображены на стенах той же гробницы Мен-хепер-Ра-снеба.¹⁴⁵

Сирийцы, приносящие дань. Новое царство. XVIII династия.

Торжество египетских победителей, желавших увековечить мысль о своем неограниченном господстве в завоеванной стране, ясно показано в сцене триумфа Тутмоса III. Фараон избивает целую кучу сирийских пленников, крайне схематически нарисованных. Соответствующая надпись содержит перечень завоеванных стран и областей. Их названия заключены в овалы с головами пленников. Жречество и в данном случае поддерживало своим религиозным авторитетом хищническую завоевательную политику Тутмоса III, представляя богов (Амона и Аментет) в качестве покровителей царя, подводящих к нему покоренные города.¹⁴⁶⁾

Завоевания Тутмоса III, укрепившие военно-политическую мощь египетского государства, дали возможность Египту выкачивать из богатых южных областей Нубии и прилегающих стран много различных ценностей, в первую очередь золото, [145] экзотические виды восточноафриканского сырья и, наконец, рабов.

На стенах гробниц богатых аристократов-рабовладельцев, крупных чиновников и видных жрецов того времени нередко изображались данники или торговцы, которые смиренно преподносят драгоценные предметы, диковинки далеких стран, особенно ценившиеся в те времена в Египте. Иногда тут же мы видим египетских чиновников, присутствующих при доставке этих ценностей. Египетские художники пытались изобразить внешние особенности, своеобразные черты лица, прически и одежды жителей Пунта и Нубии, которые привозили в Египет эти многочисленные и драгоценные «приношения».¹⁴⁷⁾

В гробнице Имунджеху сохранились две симметрично расположенные и как бы противопоставленные друг другу сцены приношения различных предметов иноземцами.

На одной из них изображены сирийские торговцы или данники, на другой — нубийцы, которые возносят «восхваления владыке Двух Стран, падают на землю (буквально: «нюхают землю». — В. А.) перед благим богом. Приходят [они] из страны Итер, приношения их на спинах. Преподносят их его величеству». Эти «приношения» нубийцев состоят из шкур диких зверей (леопардов или пантер), слоновых клыков, страусовых яиц, золота в кольцах, рабов, черного дерева, живых обезьян, жирафов, пантер или леопардов, корзин, может быть, содержащих ладан, доставлявшихся из Пунта.¹⁴⁸ Подчиненное положение Нубии, богатства которой хищнически эксплуатировались египтянами, подчеркнуто в речи нубийцев, текст которой начертан около этого изображения. Нубийцы говорят фараону: «Велика мощь твоя, царь победоносный, правитель, — да будешь ты жив, здоров и невредим! — любимый богом Ра. Он вселил страх перед тобой во все страны, ужас перед тобой во все иноземные области. И вот мы под сандалиями твоими».¹⁴⁹

Особенно много египтяне вывозили из Нубии золота, что ясно показано в одной сцене, сохранившейся на северной стене гробницы Мен-хепер-Ра-снеба. Мы видим здесь, как золото, сплавленное в кольца и просто в мешках, очевидно, с золотым песком, лежит на циновках. Большие золотые кольца взвешиваются на весах, причем особый писец записывает результаты взвешивания. Три носильщика несут золото в кольцах, золотой песок на блюде и ящик, возможно, с золотыми слитками, подвешенный на палке. В помещенной тут же надписи указывается, что «получается золото из Коптосской пустыни и презренной Нубии в качестве ежегодной подати».¹⁵⁰ Последние слова особенно подчеркивают то обстоятельство, что Нубия была полностью введена в состав египетского государства в качестве подчиненной области, население которой вносило ежегодную [146] подать в сокровищницу фараона. Возможно, что эта подать вносилась в определенные сроки, например в начале каждого года, как об этом говорится в надписи из гробницы Имунджеху.¹⁵¹ Золото в Египет из восточной (Коптосской) пустыни и Нубии привозили в большом количестве в кольцах, слитках, самородках и в виде золотого песка. Во время доставки оно охранялось особым конвоем и сопровождалось представителями местного населения золотоносных районов, которые, очевидно, вели охотничий образ жизни, так как вели за собой диковинных для Египта страусов, зайцев и обычных для Восточной Африки газелей, антилоп и каменных козлов. Особые носильщики, помимо золота, несли символы пустыни: бурдюк, возможно, с водой, страусовое перо и стрелы, что должно было обозначать мирный охотничий быт племен тех пустынь, где добывали золото. Следовательно, и эти изображения должны были подчеркнуть полностью подвластное положение Нубии, почти замирной и во всяком случае прочно включенной в состав египетского государства.¹⁵²

Сирийцы, приносящие дань. Роспись из гробницы Имунджеху.
Новое царство. XVIII династия.

Длинная вереница нубийцев, несущих знатному и могущественному сановнику «приношения», изображена на левой внутренней стене гробницы Рехмира, бывшего везиром при Тутмосе III. Художник представил нубийцев со всеми отличительными чертами этого племени, пытаясь передать характерные черты лица, прическу и одежды южных соседей Египта. Только два нубийских вождя, идущих впереди, несколько более похожи на египтян по типу лица и фигуры и по одежде. Возможно, что этим художник хотел показать, что нубийские вожди в одежде и повадках пытались подражать более культурным египтянам. [147] Конечно, в период XVIII династии Нубия подвергалась значительной египтианизации, причем высшие слои нубийской племенной знати особенно быстро стали воспринимать внешние формы египетской культуры. «Вожди южных иноземных стран, Иунтиу-Сети и Хент-хен-нофер» доставляют в резиденцию верховного египетского сановника типичные «дары» Нубии: золото в слитках и кольцах, золото «джам» (может быть, электрум), в виде золотого песка, хранившегося в сумках, черное дерево, слоновьи клыки, шкуры леопардов, большие кувшины с умощениями — «сети», страусовые перья и яйца, крупный рогатый скот низкорослой нубийской породы, образцы зверей Нубии (жираф, обезьяна, павиан, охотничьи собаки), наконец, «детей вождей», которые должны в качестве рабов трудиться в храмовых поместьях бога Амона.¹⁵³⁾

Все эти изображения и надписи ясно свидетельствуют о том, что египтяне смотрели на Нубию как на основную сырьевую придаток Египта, как на страну, обладающую неисчерпаемыми ресурсами. Эксплуатация естественных богатств и людских резервов Нубии давала возможность Египту вести войны за овладение Сирией, Финикией и Палестиной и в то же время способствовала развитию рабовладельческого хозяйства Нильской долины, непомерно обогащая крупную аристократию Египта, что, несомненно, влекло к дальнейшему обострению классовых противоречий.

Проникновение египтян в Переднюю Азию и их культурные взаимоотношения с народами Палестины, Сирии и Финикии

Раскопки, производившиеся в Палестине, Финикии и Сирии в течение последних 25 лет, обнаружили несколько древних городов, относящихся главным образом к III—II тысячелетиям. В этих поселениях, возникших в период ранней и средней бронзы как на средиземноморском побережье, так и в глубине страны, выросла своеобразная культура, созданная различными племенами, которые сталкивались и смешивались здесь на протяжении многих столетий. Исконные семитские племена хананеев и финикийцев уже в III тысячелетии вели торговлю с египтянами и народами Месопотамии. Во II тысячелетии в Сирию, Финикию и Палестину стали проникать хурриты из областей Северного Двуречья и хетты из Малой Азии. Палестину наводнили племена хабири (са-газ), а на побережье Средиземного моря стали все в большем количестве проникать эгейские племена, в частности с Крита и Кипра. В этой борьбе за экономическое и политическое господство в областях восточного [148] Средиземноморья в середине II тысячелетия энергично принял участие Египет, который при Тутмосе III сделал успешную попытку укрепить свое военно-политическое преобладание в западной части Передней Азии. Вполне естественно, что военное и экономическое проникновение египтян в эти страны привело к укреплению торговых и культурных связей Египта со странами Передней Азии. На это указывают многочисленные египетские и египтианизированные предметы, найденные в различных странах Передней Азии, а также взаимные влияния в области литературы и языка.

В Сирии, на месте современной Хама, между Хомсом и Алеппо, были обнаружены развалины древнего города, низшие слои которого восходят в конце IV тысячелетия до н. э. Многие памятники, обнаруженные здесь, как, например, ортостаты и большая лестница,

относятся к сиро-хеттскому времени. Здесь были раскопаны некоторые части города, а также погребения: места погребальных урн и четыре могилы, высеченные в скале. В конце III тысячелетия здесь была хорошо известна колесница, маленькие вотивные образцы которой, сделанные из глины, были найдены в слоях J и H. Возможно, что сирийские племена занесли наряду с конем и колесницу в долину Нила, где о ней впервые упоминают египетские надписи XVI в. до н. э. Начиная с середины II тысячелетия, очевидно, после походов Тутмоса III, египетское влияние в Хама становится довольно заметным. В слое F были найдены разнообразные мелкие египетские изделия: амулеты-статуэтки богини Сохмет, богов Пта-Сокар и Беса, скарабеиды и скарабей с именем Тутмоса III.¹⁵⁴ Как видно, эти взаимодействия в значительной степени находят отражение в области идеологии, в частности религии. Так, например, культ ханаанского бога Хорона появляется в Египте в период совместного правления Тутмоса III и Аменхотепа II.¹⁵⁵

Борьба за господство в Передней Азии протекала в значительной степени на территории Палестины. Характерно, что именно в Галилее, в Тель-эль-Орейме, была найдена надпись на камне, в которой фараон (по-видимому, Тутмос III) сообщает, что он «отразил иноземцев страны Митанни»,¹⁵⁶ о чем подробно повествуется в «Анналах» этого воинственного царя. Множество разнообразных следов египетского влияния в Палестине было обнаружено во время раскопок древнего Бет-Шана (современный Бейсан). Здесь в развалинах большого южного храма, который обычно называется «храмом Тутмоса III» и, возможно, относится ко времени его царствования, было обнаружено много предметов иноземного происхождения, указывающих на сильное проникновение в Бет-Шан различных влияний, шедших из страны Митанни; из хеттских областей, из районов Эгейского [149] моря. Таковы, например, две золотые кипрские булавки, хеттский бронзовый кинжал с загнутым концом, очень похожий на кинжал, изображенный на поясе хеттского царя на рельефе из Богазкеоя, базальтовая плита с рельефными изображениями львов и собак, выдержанная в стиле митаннийского искусства, и некоторые другие предметы.¹⁵⁷

Наряду с этими эгейскими, хеттскими и митаннийскими влияниями в Палестину все сильнее и сильнее проникали влияния, шедшие из Египта, особенно с того времени, когда Палестина была прочно завоевана войсками Тутмоса III. Мы имеем все основания предполагать, что в Бет-Шане местные сирийские культы, в частности обоготворение змеи и культ местного бога Мекала, облекались в своеобразные египтианизированные формы. Так, в большом южном храме Тутмоса III, в котором было раскопано шесть помещений, включая внутреннее святилище и помещение для жертвенного алтаря, было найдено несколько египетских и египтианизированных предметов, в том числе стала Мекала, выдержанная в стиле типично египетских стел и снабженная египетской иероглифической надписью, а также обломок зеленого фаянсового сосуда с несколькими иероглифами, входящими в состав имени некоего бога и, может быть, в состав названия «Бет-Шан».¹⁵⁸ Далее в том же слое времени Тутмоса III в Бет-Шане были найдены следующие египетские и египтианизированные предметы: золотая подвеска с гравированным изображением стоящей богини Ашторет с посохом «уас» в руках, базальтовая головка мужской статуэтки, изображение сидящего негра, скарабей с именем Тутмоса III, а под ступенями храма Тутмоса III был обнаружен скарабей с именем царицы Хатшепсут.¹⁵⁹

Столь же интенсивно проникали египтяне и в области прибрежной Финикии и Северной Сирии, где им приходилось преодолевать сильное влияние хеттов, хурритов и эгейцев. Крупные археологические работы, произведенные в Рас-Шамра, на месте древнего города Угарит, обнаружившие множество памятников архитектуры, материального быта, искусства и письменности, ясно показывают, что со времен Среднего царства, особенно в

период XVIII династии, главным образом после походов Тутмоса III, египтяне пытаются укрепиться в важнейших экономических и политических центрах страны. Египетские художественные изделия, относящиеся к XIX в. до н. э. как, например, базальтовая статуэтка египетской царицы, скульптурная группа с изображением «начальника города, везира и судьи Сенусертанха», обломки двух сфинксов с именем Аменемхета III, обломки других скульптур, осколки скарабеев и статуэток, были найдены в развалинах Угарита. В некрополе этого древнего финикийского города были обнаружены явные следы проникновения [150] в Сирию египетских культовых предметов, в частности, здесь была найдена бронзовая статуэтка священной птицы (сокола или ястреба) с двойной царской короной Верхнего и Нижнего Египта на голове. Вблизи нее была найдена вторая аналогичная статуэтка меньшего размера, покрытая золотом.¹⁶⁰ Ко второй половине II тысячелетия относятся египетские и египтианизированные предметы, указывающие на сильное проникновение египетской культуры в страну Угарит. Так, в развалинах храма в Рас-Шамра были найдены типично египетская стела с изображением царского писца и начальника казначейства Меми, молящегося перед местным богом Сэтом-Депен, золотые блюда и чаши, наконец, большая стела с изображением сиро-финикийского бога Ваала, выдержанные в духе аналогичных художественных изделий древнего Египта времени Нового царства.¹⁶¹ Борьба с местными племенами — хурритами, хеттами и эгейцами, которые двигались с запада, севера и востока, чтобы захватить ключевые позиции на финикийском побережье, нашла отражение не только в скрещении художественных и религиозных влияний на территории Палестины, Сирии и Финикии в середине II тысячелетия, но и в произведениях художественной литературы как финикийцев, так и египтян. В древнефиникийской мифологической поэме о богине Анат упоминаются Крит (Кптр — Кафтор) и Египет (Хкпт — Хет-ка-Пта — Мемфис).¹⁶² Очевидно, Крит и Египет особенно соперничали в деле экономического и культурного проникновения в области Финикии и Северной Сирии, в частности в богатый приморский город Угарит. В египетских литературных произведениях, в письме писца Гори (папирус Анастази) и в «Сказке о занятии Иоппе» египетским военачальником Тхуги ярко сказывается не только прекрасная осведомленность египтян о Сирии и Финикии, но и их обостренный интерес к этим странам, которые стали объектом энергичной завоевательной политики египетских фараонов XVIII династии. Так искусства, религия и литература отразили факт глубокого проникновения египтян и египетской культуры в страны Передней Азии, бывшие давнишним яблоком раздора между великими державами древнего Востока во II тысячелетии до н. э.

Глава V.

Последние завоевания и упадок военной мощи Египта в XV—XIV вв. до н. э.

Военная политика Египта при Аменхотепе II

При Тутмосе III египетское государство достигло апогея своего политического и военного могущества. Египетские войска одержали ряд крупных побед над племенами Нубии и Передней Азии. Нубия до 4-го порога была полностью замирена и включена в состав Египта. Свободолюбивые народы и непокорные города Палестины, Финикии и Сирии были подчинены Египту. Тутмос III во время своих походов достиг естественных рубежей Сирии на севере в предгорьях Тавра и на востоке у берегов Евфрата. Больше того, египетские войска переправились через многоводный Евфрат, вторглись в пределы страны Митанни и нанесли тяжелый удар Митаннийскому государству. Опираясь на свои многочисленные войска и богатые ресурсы завоеванных территорий, Египет прочной ногой встал в Передней Азии, захватил в свои руки важные торговые пути, соединявшие Северо-Восточную Африку, Переднюю Азию и Эгейский мир, завладел ключевыми стратегическими районами и плацдармами, превратившись в сильнейшую державу того времени. Преемнику Тутмоса III необходимо было поддерживать на прежнем уровне политическую и военную мощь Египта. Это было необходимо для сохранения международного престижа Египта, ибо только сильная армия и военные успехи могли держать в повиновении племена, покоренные силой оружия, и импонировать соседним независимым государствам. Это было необходимо и для дальнейшего развития рабовладельческого [152] хозяйства самого Египта, так как только постоянный приток в страну военнопленных мог пополнять естественную убыль рабов и регулярно обеспечивать рабской силой сельское хозяйство, ремесленные производства, царское, храмовое и аристократическое хозяйство Египта. Поэтому военная, точнее — завоевательная, политика была в центре внимания египетского правительства и после смерти Тутмоса III.

Преемником Тутмоса III был его сын Аменхотеп II, носивший второе имя Аа-хеперу-Ра и женатый на царевне Хатшепсут, дочери знаменитой царицы Хатшепсут. Этот брак особенно укреплял законную царскую власть и авторитет нового фараона, который благодаря этому мог опереться на самые разнообразные слои аристократии и аристократического жречества, а также на бывших сторонников царицы Хатшепсут, временно оттесненных при Тутмосе III. Таким образом, Аменхотеп II смог объединить вокруг себя весь правящий класс рабовладельческой аристократии, что дало ему полную возможность энергично продолжать активную завоевательную политику его предшественника. Чтобы еще больше укрепить свое положение, Аменхотеп II приблизил к себе соратников и сподвижников своего отца. Старый военный командир Аменемхеб, участвовавший в походах Тутмоса III и получивший от него ряд почетных наград, с гордостью рассказывает в своей автобиографии, что Аменхотеп II приказал ему «подняться во внутренние помещения дворца и встать перед сыном Амона Аа-хеперу-Ра, этим великим и сильным». Подчеркивая свое расположение к видным представителям старой армии, фараон говорит Аменемхебу, что ему известна его доблесть, которую он неоднократно проявлял, когда находился в свите Тутмоса III. В виде особой милости Аменхотеп II назначил Аменемхеба на высокий пост «представителя войска» и приказал ему командовать личной охраной «храбрецов царя». ¹ Стремясь еще больше расширить

социальную базу своей власти, Аменхотеп II, как некогда царица Хатшепсут, объявил себя властителем «народа» (рехит), возможно, пытаясь заинтересовать в своей завоевательной политике широкие слои свободного зажиточного населения Египта, которым военные походы и расширение торговли сулили быстрое обогащение.²⁾

Стремясь всячески идеализировать деспотическую государственность древнего Египта и в связи с этим изобразить завоевательную политику Аменхотепа II в качестве оборонительной, буржуазные историки со времени Бругша и Масперо обычно объявляют первые военные походы Аменхотепа II карательными экспедициями, которые были вызваны восстаниями иноземных племен, покоренных Тутмосом III. Однако вряд ли можно думать, что слабые, малочисленные, разрозненные племена [153] Синайского полуострова или Восточной пустыни и оазиса эль-Кхаргэ могли поднять сколько-нибудь значительное восстание против могущественного египетского фараона, опиравшегося на сильную армию, закаленную в многолетних боях в царствование Тутмоса III. Поэтому следует скорее предположить, что краткое сообщение в надписи Аменемхеба о том, что Аменхотеп II тотчас же после своего восшествия на престол «присоединил азиатов «кат» к Красной Стране и отрубил головы вождям их. Появился он подобно Гору, сыну Изиды и схватил он... Генеунтиу, страну Кенемтиу»,³⁾ является лишь официальной версией, объясняющей возобновление завоевательной политики предшествующего царствования необходимостью подавить восстания, вспыхнувшие в разных частях страны. Эта официальная версия, конечно, — лишь обычная демагогическая пропаганда, целью которой было примирить египетский народ с тяготами военного времени и несколько подогреть военный пыл армии. Если недовольство политикой египетского правительства и прорывалось в разных частях египетского государства, то подавление этих вспышек недовольства не требовало ведения регулярной войны. К тому же в надписи Аменемхеба ни слова не сказано о каком-либо восстании. Карательные экспедиции фараона против племен Восточной пустыни и оазиса эль-Кхаргэ были предприняты лишь для того, чтобы утратить ближайших соседей Египта, пограбить эти области и продемонстрировать военную мощь Египта накануне большого похода, задуманного с целью продолжить завоевательные войны Тутмоса III.

На двух стѣлах — на стѣле из храма в Амада, текст которой был скопирован еще Шампольоном, и на стѣле из храма в Элефантине, которые помечены 3-м годом царствования Аменхотепа, упоминается «возвращение его величества из Верхнего Речену, его величества, поразившего всех своих врагов и расширившего границы Египта во время своего первого победоносного похода». Дальше в этих двух одинаковых надписях говорится, что фараон своей собственной секирой убил семь князей в стране Тихси, расположенной в области Антиливана, к северу от Дамаска. Трупы этих семи князей были повешены вниз головой на корме царского корабля и доставлены в Египет. Трупы шести князей были повешены перед стеной Фив, а труп седьмого князя был доставлен в Нубию и повешен перед стеной города Напаты.

На гранитной стѣле, найденной еще Шампольоном около второго из южных пилонов Карнакского храма, на так называемой Карнакской или Фиванской стѣле Аменхотепа II, текст которой был поврежден при Эхнатоне и поэтому плохо сохранился, имеется несколько более подробное, но все же фрагментарное описание похода Аменхотепа II в Сирию. Египтологи, [154] изучавшие эти три надписи в XIX и в начале XX в., полагали, что в них описывается один и тот же поход Аменхотепа в Сирию, который назван в первых двух надписях «первым победоносным походом» Аменхотепа II. Однако текст стѣлы, найденной египтологом Бадауни в 1942 г. во время раскопок развалин Мемфиса в Мит-Рахине, пролил новый свет на первые годы царствования Аменхотепа II и заставил египтологов резко изменить свои взгляды на первые походы Аменхотепа II в Сирию. В

тексте этой Мемфисской стэлы подробно описываются два похода Аменхотепа в Сирию, причем первый поход, названный «первым победоносным походом» помечен 7-м годом царствования Аменхотепа II, а второй, соответственно названный «вторым победоносным походом», помечен 9-м годом царствования этого фараона. Сличение Мемфисской надписи с Фиванской показывает, что в обеих надписях описывается один и тот же поход.⁴⁾ Таким образом, приходится признать, что в Амадской и Элефантинской надписях, относящихся к 3-му году царствования Аменхотепа II, упомянут первый поход фараона в Сирию, а в Фиванской и Мемфисской описан второй поход Аменхотепа II в Сирию, который происходил на 7-м году его царствования, но странным образом в Мемфисской надписи тоже назван «первым победоносным походом». Альт предполагает, что первый поход происходил во время соправительства Аменхотепа II со своим отцом Тутмосом III, а второй — во время его полного единовластия и поэтому тоже назван «первым походом». Однако это предположение доказать не представляется возможным, так как в Амадской и Элефантинской надписях упомянуты не соправители Тутмос III и Аменхотеп II, а лишь один царствующий фараон Аменхотеп II.⁵⁾ Поэтому до сих пор нельзя удовлетворительно объяснить, почему два различных похода названы «первым победоносным походом».

Поход 7-го года в Сирию был предпринят Аменхотепом II с целью не только укрепить в экономическом и военно-политическом отношении позиции Египта в Передней Азии, но и для того, чтобы «расширить границы» Египта, как об этом ясно говорится в тексте Мемфисской стэлы.⁶⁾ Вполне естественно, что свободолюбивые племена Палестины, Финикии и Сирии и после смерти Тутмоса III нередко поднимали восстания против египетских угнетателей, однако на этот раз, если и вспыхнуло в Сирии восстание против Египта, все же истинной причиной похода 7-го года была военно-агрессивная политика Египта в Передней Азии. Характерно, что в Мемфисской стэле, которая в некоторых отношениях напоминает текст «Анналов Тутмоса III» и, очевидно, также восходит к дневникам походов Аменхотепа II, не говорится о каком-либо крупном восстании в Сирии, как на это ясно указывается в «Анналах».⁷⁾ Автор [155] Мемфисской стэлы лишь мельком упоминает о том, что фараон имел целью, помимо «расширения границ» Египта, «захватить имущество тех, кто не сохранил ему верности».⁸⁾ Весьма возможно, что первым непокорным городом был Шамаш-Эдом, молниеносно захваченный и опустошенный египетским войском. Однако реальный результат этой кровавой расправы с мятежным городом указывает на то, что восстание если и произошло на самом деле, то было весьма незначительным. При его усмирении было захвачено всего лишь 35 азиатов и 22 быка. Это мелкое восстание было либо спровоцировано в целях демагогической пропаганды, либо использовано, чтобы замаскировать истинные захватнические цели похода 7-го года, задуманного в большом масштабе.⁹⁾

После взятия Шамаш-Эдома Аменхотеп во главе авангарда переправился через Оронт.¹⁰⁾ На другом берегу он подвергся нападению со стороны сирийцев. Однако, судя по текстам Фиванской и Мемфисской стэл, Аменхотеп II одержал над сирийским отрядом молниеносную победу, которую лстивый писец объясняет личным мужеством фараона. Характерно, что писец сравнивает воинственного фараона с египетским богом Монту и сирийским богом Решефом, что указывает на проникновение в Египет в этот период, а может быть, и несколько позднее, сирийских культов, в частности культа бога войны Решефа и культа богини войны Анат.¹¹⁾ В обоих текстах отмечена и личная добыча фараона: два князя, шесть знатных сирийцев, их колесницы, лошади.

Затем Аменхотеп II двинулся по направлению к Евфрату и через 14 дней достиг города Нии, идя, возможно, по пути, который вел от Оронта через Халпу (Алеппо) к долине Евфрата.¹²⁾ Судя по довольно быстрому продвижению египетского войска (30 км в сутки), население всего района, расположенного между Оронтом и Евфратом, не оказывало

сопротивления. Жители Нии во главе с князем города приветствовали фараона, выйдя на городские стены. Вряд ли можно думать, вслед за И. С. Кацнельсоном,¹³⁾ что Ния сдалась фараону. Об этом в надписи нет ни слова. Равным образом в надписи не говорится ни об осаде, ни о штурме Нии. Правильнее думать, что Ния сохранила верность Египту, как и в царствование Тутмоса III.¹⁴⁾ Весьма возможно, что князя Нии, расположенной на важном торговом пути, ведущем из долины Евфрата к долине Оронта, защищаясь от посягательств митаннийских и хеттских царей, часто ориентировались на поддержку Египта.¹⁵⁾

Однако не все города Сирии находились полностью в сфере влияния Египта. Возможно, что те города, которые были центрами независимых государств и издавна вели обширную и самостоятельную внешнюю торговлю, стремились сохранить [156] свою независимость или сбросить ненавистное египетское иго. К этим городам, очевидно, принадлежал Угарит, развалины которого были раскопаны Шеффером около Рас-Шамра. Угарит еще со времени Среднего царства был значительным и богатым городом, центром сильного северосирийского государства.¹⁶⁾ В Карнакской и Мемфисской надписях ясно говорится о том, что во время похода Аменхотепа II в Сирию в Угарите началось восстание против египтян. Видимо, еще находясь в Нии, фараон узнал, что «некоторые сирийцы, находившиеся в Угарите», составили заговор и решили изгнать египетские войска из города. Поэтому можно предположить, что это восстание против Египта охватило не только Угарит, но и ряд соседних областей и городов Северной Сирии. Карательная экспедиция, предпринятая фараоном против Угарита, окончилась полной победой египтян. Так как Фиванская и Карнакская надписи совершенно не упоминают ни об осаде города, ни о штурме или даже о каких-либо боях, можно думать, что египетские войска стремительным броском овладели городом Угаритом, наголову разбив заговорщиков, которые, возможно, даже и не успели поднять восстание. Во всяком случае в надписях Аменхотепа II после описания того, как было подавлено это восстание, сразу говорится, что вся страна Угарит и даже страна «Чараха на всем своем протяжении»¹⁷⁾ подчинились фараону, став его собственностью. Таким образом, весь район богатой долины Оронта с прилегающим средиземноморским побережьем, а также с глубинными районами, расположенными между Оронтом и Евфратом, принуждены были признать господство Египта.¹⁸⁾ Из последующего текста Мемфисской надписи видно, что подавление Аменхотепом II восстания в Угарите оказало сильное влияние на правителей северосирийских городов и областей. После того как фараон расположился лагерем поблизости от Чараха и его войска опустошили и разграбили этот район, правитель Гизры пришел к египетскому царю «миролюбиво» и доставил ему (возможно, в качестве дани) своих детей и свое имущество.¹⁹⁾ Равным образом «предложила мир его величеству и страна Инка».²⁰⁾ Очевидно, эти местности находились неподалеку от Кадеша, так как после этих слов в Мемфисской надписи говорится: «достиг его величество Кадеша». В памяти египтян еще были свежи воспоминания о том, какое упорное сопротивление всегда оказывал египтянам Кадеш, этот сильнейший город Сирии, возможно, центр довольно значительного сирийского государства. Именно поэтому в Мемфисской надписи подчеркивается, что правитель Кадеша вышел к фараону с предложением мира: но, по-видимому, фараон не очень верил в искренность миролюбивых чувств правителя Кадеша и его жителей. По крайней мере в Мемфисской надписи сказано, что [157] «принудили их дать клятву [верности] и равным образом их детей».²¹⁾ Как известно, Тутмос III также заставил князей, захваченных в Мегиддо, дать клятву верности, как об этом сообщает надпись из Джебель-Баркала, в которой приводится и полный текст этой клятвы: «Тогда заставило мое величество [их] дать клятву, говоря: «Мы никогда снова не причиним зла Мен-хепер-Ра, да живет он вечно, пока мы будем жить, так как мы видели его могущество. Да дарует он нам дыхание [жизни, как он захочет]». Очевидно, египетские фараоны считали Мегиддо и Кадеш наиболее опасными для Египта центрами сопротивления сирийских племен. Именно поэтому они, не доверяя искренности

правителей этих сильных городов, требовали от них принесения особой клятвы в вечной верности египетскому фараону. Больше того, чтобы внушить населению Кадеша страх перед могуществом египтян и их обоготворенного царя, фараон решил наглядно продемонстрировать в Кадеше свою физическую силу. Как сказано в Мемфисской надписи: «Его величество выстрелил перед ними на южной окраине этого города в две круглые цели из ковanej меди».²²⁾ На большую физическую силу Аменхотепа II и его мастерскую стрельбу из лука указывает и ряд других надписей. Так, в надписи из Медамуда упоминается о том, что фараон предложил своим спутникам повторить тот выстрел из лука, который он только что сделал. В надписи на третьем пилоне большого Карнакского храма сказано, что стрела, пущенная фараоном из лука, пробила медную цель толщиной в три пальца. В этой надписи Аменхотеп назван «могучим луком, который превосходно стреляет, причем его стрелы никогда не пролетают мимо». В надписи из Амады об Аменхотепе II говорится: «Он могуч мечом, нет подобного ему, не найти равного ему. Он царь, обладающий мощной рукой. Не может натянуть его лука никто из его воинов, из правителей иноземных стран, из князей страны Речену, так как сила его больше [силы] всех царей». В надписи, найденной около сфинкса в Гизе, рассказывается о том, как Аменхотеп II выбрал себе самый лучший лук из 300 луков и, стреляя со своей колесницы, пробил стрелами четыре медные цели, расположенные на расстоянии 20 локтей друг от друга. Очевидно, воспоминание о мастерской стрельбе из лука Аменхотепа II и его необыкновенной физической силе долго сохранялось в древнеегипетском фольклоре. По крайней мере в рассказе Геродота об эфиопском царе, который послал Камбизу свой огромный лук с предложением его натянуть, ясно сохранился далекий отголосок легенды о могучем царе, огромный лук которого никто не мог натянуть.²³⁾ Нет ничего удивительного в том, что образ могущественного и физически мощного фараона был использован в официальных реляциях о победах Аменхотепа II [158] для устрашения всех внутренних и внешних врагов египетского государства. Для того чтобы еще резче подчеркнуть, что весь район вокруг Кадеша был полностью замирен фараоном, в Мемфисской надписи рассказывается, что после занятия Кадеша в горах Рабиу (около Кадеша) была организована большая охота на газелей, жеребцов, зайцев и онагров.

Продолжая повествовать о личных подвигах Аменхотепа II, автор Мемфисской надписи сообщает, как фараон на своей колеснице, никем не сопровождаемый, направился в Хашабу²⁴⁾ и вскоре возвратился оттуда, захватив в плен и пригнав оттуда 16 знатных сирийцев, причем 20 (отрубленных) рук висело на лбу его коня и 60 быков он гнал перед своей колесницей. Рассказ кончается словами: «Предложил мир его величеству также и этот город».²⁵⁾ Этими словами писец хотел подчеркнуть мощь египетского фараона, который совершенно один подавлял восстания в сирийских городах, брал там пленников и добычу и принуждал города к подчинению.

После этих «блестящих» успехов и полного замирения ряда областей Северной Сирии Аменхотеп II вернулся по дороге, ведшей вдоль Саронской долины,²⁶⁾ обратно в Египет. На пути фараон встретил «посла²⁷⁾ князя Нахарины с глиняной табличкой на шее».²⁸⁾ В надписи говорится, что фараон взял этого посла в плен и привез с собой в Египет, очевидно, в виде заложника. Можно предполагать, что Аменхотеп II не доверял митаннийскому царю и потому, не пожелав вступить с ним в переговоры, привел в Египет его посла в качестве своего личного пленника.

Для того чтобы наглядно показать реальные результаты похода Аменхотепа II в Сирию, совершенного им на 7-м году его царствования, автор Мемфисской надписи приводит следующий «перечень его добычи: знатных сирийцев — 550, их жен — 240, хананеев — 640, сыновей правителей — 232, дочерей правителей — 323, наложниц правителей всех иноземных стран — 270 вместе с украшениями из серебра и золота, которое было на них,

всего 2214.²⁹⁾ Лошадей — 820, боевых колесниц — 730, вместе со всем их боевым оружием».

Трудно установить, каковы были причины второго похода Аменхотепа в Сирию, описанного во второй части Мемфисской стелы. Весьма возможно, что в завоеванных ранее областях Передней Азии было поднято восстание против Египта. Однако в надписи об этом ничего не сказано. Судя по большому количеству взятых пленных, этот поход, как и большинство других походов египетских фараонов, имел целью грабеж соседних стран и захват пленников, которых, как обычно, обращали в рабство. Возможно, что одной из причин этого второго похода Аменхотепа II в Сирию и Палестину было стремление укрепить [159] положение Египта в Передней Азии и принудить крупнейшие государства Передней Азии, а именно Митанни, Хеттское царство и Вавилон, признать завоевания Египта. На это обстоятельство как будто указывают последние фразы Мемфисской надписи.

«Второй победоносный поход» Аменхотепа II был начат в 25-й день 3-го месяца наводнения на 9-м году его царствования. В Мемфисской надписи после указания точной даты начала этого похода говорится, что он был предпринят против страны Речену, в частности против города Ипек, который, возможно, находился в горах Гильбоа, в Северной Палестине, в 10 км к западу от Бет-Шана, т. е. в густонаселенном районе. Судя по тому, что в надписи не упоминается ни одного боевого столкновения и даже ни одной стычки, город быстро сдался на милость победителя и обратился к фараону с просьбой даровать ему мир. Эту быструю первую бескровную победу Аменхотепа II можно объяснить предшествующими победами фараона, нагнавшими страх на города Палестины.

Первую настоящую победу после более или менее крупной битвы египетские войска одержали около города Ихема,³⁰⁾ расположенного в 15 км к западу от Ипека, прямо к югу от Таанака. Очевидно, здесь собрались войска враждебной Египту коалиции, которая, возможно, подняла восстание против Египта, что и было причиной второго похода Аменхотепа II. Судя по большому количеству пленных, указанному в конце Мемфисской надписи, и на основании того, что эти пленные происходили из разных частей Сирии, можно предполагать, что в состав этой коалиции входили города и области не только Палестины, но и Сирии. Полностью разгромив в этом районе неприятельские войска, Аменхотеп II опустошил район поселений Мапасин и Хатичана, расположенных к западу от Сохо, очевидно, современного Шувейко, к северу от Наблуса.³¹⁾ В результате этой крупной победы город был занят египетскими войсками, а правители его, их дети, жены и близкие были взяты в качестве пленников. Одновременно с этим египтяне взяли здесь большую добычу в виде «бесчисленного имущества», скота и лошадей.

Следующая большая победа была одержана египтянами около городов Итурина и Мигдолинета, находившихся в области Самарии. Видимо и здесь египтянам противостояли довольно многочисленные войска, собранные не только в Палестине, но и в Сирии, так как, судя по Мемфисской надписи, Аменхотеп II взял здесь в плен 34 правителя. Последней крупной победой египтян во время второго похода Аменхотепа, была победа под Анахаратом, которая привела к взятию и опустошению этого города, упомянутого еще в списке покоренных городов Тутмоса [160] III.³²⁾ Наконец, в Мемфисской надписи упоминается захват правителя города Геба-Сумне по имени Гаргур вместе с его женой, детьми и близкими.

О значительных результатах второго похода Аменхотепа в Сирию можно судить по перечню добычи, помещенному в конце Мемфисской надписи. В этом перечне указано:

«правителей страны Речену — 217, братьев правителей — 179, аперу³³⁾ — 3600, шасу — 15 200, сирийцев — 36 300, пленников из Нагасу³⁴⁾ — 15 060, их близких — 30 652, а всего — 89 600,³⁵⁾ вместе с их бесчисленным имуществом, всем их мелким и крупным рогатым скотом, боевых колесниц из золота и серебра — 60, деревянных раскрашенных боевых колесниц со всем их снаряжением — 1032, лошадей (?) — 3500».³⁶⁾ Большое количество пленных, взятых египетским войском во время этого похода, ясно указывает на то, что Аменхотеп совершил этот поход не только в Северную Палестину, но и в некоторые районы Сирии. Именно поэтому широкий размах завоевательной политики Аменхотепа II произвел настолько сильное впечатление на наиболее сильных царей Передней Азии, на царя Митанни, на царя Хеты и на царя Сагара,³⁷⁾ что они, по словам Мемфисской надписи, обратились к фараону с просьбой о мире и даже выразили пожелание принести фараону дань. Таким образом, два «победоносных похода» Аменхотепа II, к сожалению, очень кратко описанные в Мемфисской надписи, несомненно, укрепили военно-политическое положение Египта в Передней Азии, возможно, несколько пошатнувшееся после смерти Тутмоса III. Египет стал снова сильнейшим государством Передней Азии, имевшим возможность широко использовать людские и экономические ресурсы Северо-Восточной Африки, Палестины, Финикии и Сирии; Египет снова стал господствовать над важнейшими торговыми путями, соединявшими Малую Азию и Месопотамию с Северо-Восточной Африкой и всем районом Эгейского моря. Эти победы Аменхотепа II в Палестине и Сирии, конечно, дали толчок дальнейшему развитию рабовладельческого хозяйства Египта и тем самым содействовали усилению древнеегипетской деспотии.

Наиболее крупным успехом, достигнутым Египтом в Передней Азии в царствование Аменхотепа II, было признание египетской гегемонии соседними государствами, как об этом ясно говорится в Мемфисской надписи и в надписи на колонне в гипостиле Тутмоса IVⁱ⁾ между четвертым и пятым пилонами Карнакского храма. Автор этой последней надписи с гордостью говорит, что «правители Митанни пришли к нему (фараону. — *В. А.*) со своей данью на спине, чтобы просить его величество даровать им сладкое дыхание жизни. Замечательное событие, о котором не было слышно со времен богов! Эта страна, [161] которая не знала Египта, умоляет благого бога».³⁸⁾ Очевидно, на египтян произвело особенно сильное впечатление то обстоятельство, что даже князья далекой митаннийской страны, расположенной за Евфратом, признали господство Египта, принесли дань египетскому фараону. Это было как бы наглядным доказательством того, что победы Аменхотепа II принудили все государства Передней Азии признать гегемонию Египта. К сожалению, в настоящее время трудно более или менее точно очертить район египетских владений в Передней Азии, тем более, что список покоренных городов и местностей Аменхотепа II, высеченный на стене часовни Аменхотепа II в храме Амона в Карнаке, сохранился очень плохо. Заголовок этого перечня гласит: «Перечень стран, которые его величество сокрушил в их долинах и залил их кровью». Среди сохранившихся названий можно различить следующие названия азиатских местностей и городов: 1) Речену (Верхнее), 2) Речену (Нижнее), 3) Хару... 12) Кадеш, 13) Алеппо, 14) Ния, 15) Саджара, 16) Тунип, 17) Катна, 18) Хаджор.³⁹⁾ Но и по этим немногим сохранившимся географическим названиям ясно видно, что в результате «победоносных походов» Аменхотепа в Сирию египтяне укрепили свое господство не только в Палестине, но и в Северной Сирии, возможно, вплоть до Евфрата, заняв важнейшие опорные стратегические пункты — Кадеш, Алеппо, Пию и Тунип.

Чтобы вести успешные войны в Сирии, египетские фараоны всегда должны были держать в повиновении подчиненные им нубийские области, откуда Египет в те времена получал большое количество различного сырья, золото и множество рабов. Очевидно, именно с целью укрепления своего влияния в Нубии Аменхотеп II отправил туда специальную

экспедицию, которой было поручено доставить и повесить на стенах Напаты труп побежденного убитого азиатского князя для устрашения непокорных правителей Нубии.⁴⁰⁾ Возможно, где-то в районе 4-го порога Нила, недалеко от Напаты, в стране Карой была установлена южная граница египетского государства. Как здесь, так и на северной границе, в стране Нахарины были установлены памятные стелы, о чем говорится в надписи «царского писца Минхотепа».⁴¹⁾ Эти стелы должны были сохранить память о фараоне, который «установил свои границы так далеко, как того сам захотел».⁴²⁾

Укрепление египетской власти в Нубии, замирение непокорных нубийских племен, возможное расширение завоеванных территорий главным образом к югу, беспощадная эксплуатация нубийских и иных племен Восточной Африки дали возможность египетскому государству систематически выкачивать из Нубии наряду с людскими резервами, прежде всего в виде рабов, [162] большие материальные ценности. Обильная дань и разнообразные подати широкой рекой текли в Египет, в сокровищницу фараона. Один из знатных чиновников царского казначейства в Фивах, Тотнофер, изобразил на стенах своей гробницы (Шейх-абд-эль-Гурна, № 80) доставку, приемку, взвешивание и, надо полагать, подсчет различных ценностей, привезенных, очевидно, из Нубии в сокровищницу египетского фараона.⁴³⁾ Среди этих ценностей выделяются золото в виде прямоугольных брусков, слитков и колец, медные слитки, слоновые клыки, страусовые перья, ящики и ларцы, в которых, возможно, хранились одежды, ткани и т. п. Слуги взвешивают золотые кольца на весах, а писцы записывают результаты взвешивания и подсчета. Наряду с драгоценными металлами в царской сокровищнице в те времена хранились роскошные, высокохудожественные изделия. На фреске из гробницы Кенамона, знатного вельможи времени Аменхотепа II, мы видим изящные, богато отделанные сосуды в виде бутона, в форме лежащей антилопы, зеркало, украшенное слоновой костью и черным деревом, конскую сбрую, панцири, мечи, секиры, ларцы. Судя по изящно сделанным рисункам и тут же помещенным надписям, здесь хранилось 230 кожаных колчанов, 680 щитов, обтянутых кожей, 30 царских посохов из черного дерева, серебра и болота, 360 железных серповидных мечей, 140 железных кинжалов, 220 бичей из золота, слоновой кости, черного дерева и т. д. Изобразив, по-видимому, только небольшую часть сокровищ, ценностей и оружия, вероятно, хранившихся в одном из отделений царской сокровищницы, Кенамон имел в виду дать хотя бы некоторое представление о богатствах, находившихся в распоряжении царя. Вполне естественно, что накопление этих богатств в царской сокровищнице стало возможным благодаря завоевательным походам в Переднюю Азию и Нубию, которые позволили египетским фараонам захватить в покоренных странах. Огромную добычу, обеспечить регулярный приток дани и способствовали дальнейшему развитию внешней торговли Египта.⁴⁴⁾ Египет в период XVIII династии прочно завоевал Нубию. Она была введена в состав египетского государства в качестве особой области, непосредственно подчиненной высокому чиновнику, носившему титулы «царского сына Куша» и «начальника стран юга». При Аменхотепе II эту должность занимал некий Усерсатит, который в своих надписях называет себя «сын царя, начальник стран юга», «наследственный князь», «единственный друг», «состоящий при царе во всех его местах», «начальник дворца», «великие верховные уста во всей стране», «казначей царя Нижнего Египта». Судя по этим титулам и эпитетам Усерсатита, которые сохранились в его надписях, на должность наместника Нубии и вообще южных стран обычно [163] назначался высокопоставленный чиновник, придворный, занимавший видное положение при царском дворе, близкий к царю, может быть, непосредственно ему подчиненный. Одной из его важнейших обязанностей было получение и доставка в царское казначейство ценностей, которые систематически выкачивались египтянами из Нубии. Поэтому Усерсатит с гордостью говорит, что он был «велик данью из Нубии», что он «наполнял сокровищницу золотом (джам)».⁴⁵⁾

Египетское экономическое влияние проникало в Нубию главным образом через города, крепости служили военным оплотом египетского могущества и господства, храмы были проводниками культурного и религиозного влияния египтян на местное население.

С целью все большего укрепления египетского влияния в Нубии при Аменхотепе II здесь были достроены храмы, начавшие строиться еще в предшествующее царствование. Эти храмы были сооружены из камня и окружены кирпичными стенами, что превращало их в своеобразные крепостные сооружения. В надписях из Амады и Элефантины говорится о том, что на это строительство не жалели средств. «Двери [были] из лучшего кедра террас», «ворота из песчаника». Сооружение монументальных Арамов должно было свидетельствовать о силе и богатстве египетского государства, о его прочности и вечности. В надписях из Амады и Элефантины упоминается, что Аменхотеп II построил «большой пилон из песчаника..., окруженный колоннами из песчаника, как вечное сооружение».⁴⁶⁾

В различных районах Нубии сохранились остатки храмов, культовых сооружений, рельефов, статуй и надписей, ясно указывающие на глубокое проникновение египетского влияния в эти южные страны в царствование Аменхотепа II. В районе первых порогов на скалистом острове Бигэ (егип. Сенмет) была найдена сидящая гранитная статуя Аменхотепа II. В Калабша в переднем зале храма сохранился рельеф с изображением Аменхотепа II, который в качестве основателя храма приносит вино в жертву богу Мину и местному божеству Мандулис. В Амаде сохранились рельефы с изображениями и надписями времени Аменхотепа II. К югу от Анибы, на склоне крепостной горы Каср-Ибрим сохранилась памятная ниша с изображением Аменхотепа II, которому чиновники приносят дань (между прочим и пантеру). Между Вади-Хальфа и Керма на острове Саи сохранились остатки святилища, построенного Тутмосом III и достроенного Аменхотепом II между 2-м и 3-м порогами.

Проводником египетского влияния в Нубии было жречество; его высший слой, в состав которого входили крупные рабовладельцы и чиновники, был надежной опорой для проведения в Нубии политики египетского государства. Вполне естественно, [164] что Аменхотеп II, как и все его предшественники, щедро одарял наряду с египетскими также и нубийские храмы. В надписях из Амады и Элефантины говорится, что он «добавил один день к празднику [который праздновался] в Нубии [в честь] его матери, богини Анукет, во время его путешествия «Начало реки». Здесь же перечисляются и жертвы, приносившиеся по этому случаю в храм: «хлеб, пиво, быки, гуси, вино, благовония, фрукты, всякие хорошие и чистые вещи, как полагается каждый год, как добавка к трем дням его обычного праздника...».⁴⁷⁾ Постройки храмов и щедрые жертвы богам, вернее жрецам, связывались с победами фараона, который, вернувшись после победоносного похода в Верхнее Речену, считал своим долгом отблагодарить богов за дарованные им победы, а жрецов — за поддержку.⁴⁸⁾ Огромные естественные богатства Нубии и прилегающих к ней областей широко использовались египетским правительством в значительной степени для проведения завоевательной политики в Передней Азии. Некоторая, очевидно, небольшая часть этих средств, оставалась в Нубии, оседая главным образом в храмах. На эти средства организовывалась религиозная пропаганда, которая должна была укрепить идеологическое влияние Египта в завоеванной Нубии и священный авторитет обоготворяемого фараона. Эти средства использовались и для организации египетского управления в Нубии, а также для материальной поддержки египетских жрецов и чиновников, живших к югу от 1-го порога Нила.

При Аменхотепе II завоевательная политика Египта достигла высокого напряжения. Египетским войскам покорились Палестина, Финикия, Сирия, северосирийские

княжества; Нубия была прочно введена в состав египетского государства и подверглась сильному египетскому влиянию; наконец, даже далекое и большое Митаннийское государство было принуждено признать мощь и авторитет Египта в Передней Азии. Судя по захвату огромного числа пленных, египетские войска были многочисленны и достаточно организованы, чтобы совершать далекие походы вплоть до Напаты на юге и Северо-Западной Месопотамии на севере.

Государственный аппарат Египта был в значительной степени централизован. Страной управлял узкий круг высокопоставленных чиновников, которые контролировали административное управление, хозяйственную жизнь, финансы и даже храмы с их необозримыми богатствами и владениями. Имена некоторых из этих знатных аристократов хорошо известны. Таков Кенамон, в гробнице которого среди многих рисунков сохранилось изображение юного царевича Аменхотепа II, сидящего на коленях своей кормилицы, «великой кормилицы фараона». ⁴⁹⁾ [165]

Таков один из наиболее видных представителей царской администрации того времени (везир) Рехмира, который занимал ряд высоких постов при Тутмосе III и сумел сохранить свое положение при Аменхотепе II. ⁵⁰⁾ Эти высокопоставленные чиновники входили в высший слой правящего класса рабовладельческой аристократии наряду с представителями наиболее знатного и богатого жречества. Весьма возможно, что уже в это время на первое место начало претендовать высшее фиванское жречество, что, конечно, не могло не вызвать некоторых трений между первосвященниками Амона и царской властью. Но конфликт между царской властью и высшим жречеством, особенно фиванским, которое стремилось к некоторой самостоятельности, еще не назрел. Царская власть была достаточно сильна, чтобы не заискивать перед богатым и сановным жречеством. От времени Аменхотепа II до нас дошло довольно мало храмов. Возможно, что в религиозном центре столицы — Фивах, в частности в Карнаке, на было или почти не было возведено в то время каких-либо значительных построек. Однако здесь все же были построены молельня у западного фасада пятого пилона Карнакского храма, а также небольшой юбилейный (хебседный) храм. ⁵¹⁾ Аменхотеп II, как и в Нубии, ограничивался главным образом достройкой храмов, начатых его отцом. В своей надписи он сообщает о сооружении в южном гипостиле «величественных колонн, богато украшенных электрумом». Следуя давней традиции, Аменхотеп II построил свой заупокойный храм, выбрав для него место на западном берегу Нила около святилища Тутмоса III. Очевидно, и в этом сказалось стремление Аменхотепа II во многом подражать своему предшественнику, полностью продолжая его широкую завоевательную политику в Передней Азии и Нубии. К сожалению, этот заупокойный храм не сохранился, и только скудные его остатки были обнаружены Флиндерсом Петри в 1896 г. ⁵²⁾ Весьма вероятно, что уже Аменхотеп II стремился в какой-то мере опереться на провинциальное жречество. В одной надписи, сохранившейся в Турра, говорится, что царем были «открыты каменоломни, чтобы добывать хороший известняк Айяна», причем тут же указано, что это должно было быть «памятником для богов и богинь, для их храмов [на миллионы лет]». ⁵³⁾ Особенно характерно то, что Аменхотеп II изобразил себя в данном случае перед вереницей из 13 божеств. Брэдстед предполагает, что фараон добывал в этих каменоломнях строительный материал для своих построек в Мемфисе и Гелиополе. ⁵⁴⁾ Как бы то ни было, сохранились скудные известия о том, что Аменхотеп строил в Гермополе. В одной надписи ⁵⁵⁾ упоминается о постройке царем «укрепленного дворца [под названием] Аахеперу-Ра» именно в Гермополе. Как эта постройка, так и сооружение [166] пышной гробницы фараона в Долине царских гробниц свидетельствуют об усилении политического и религиозного авторитета обоготворявшегося царя, культ которого с давних пор существовал в Египте и использовался рабовладельческой аристократией в период крупных завоеваний для укрепления классового строя в целом.

Власть фараона все еще была прочными нитями связана с высшим, главным образом фиванским жречеством. Неизбежной данью времени были жертвы храмам, которые щедро расточали многие фараоны Египта. Аменхотеп II, очевидно, пытавшийся в некоторой степени освободиться от влияния фиванских первосвященников, все же принужден был сообщать в своих торжественных надписях о том, как он одарял Фиванский храм Амона — главное святилище и богатейшую сокровищницу Египта в те времена. Вполне естественно, что эти жертвы связываются с победами египтян в Передней Азии и с богатой данью, полученной из страны Митанни. После описания этих важнейших для того времени событий автор надписи говорит о сооружении царем в южном гипостиле величественных колонн, богато украшенных электрумом, и о том, что царь пожертвовал в храм золотую и серебряную утварь. «Сокровищница [храма] была наполнена данью из каждой страны. Его амбары ломились от чистого зерна». Царь пожертвовал Амону алтарь (?) из золота, пол которого был сделан из серебра, а также роскошные драгоценные сосуды, которые были «прекраснее, чем звезды». ⁵⁶⁾ Демагогически используя поддержку все еще могущественного жречества, Аменхотеп II с гордостью говорит, что бог щедро наградил царя за эти жертвы, сделав его «владыкой народа». ⁵⁷⁾ Характерно, что и в эту эпоху, как и во время царствования Хатшепсут, рабовладельческая аристократия, возглавляемая царем, пыталась укрепить всеми способами свой авторитет среди широких масс свободного населения, которые в египетском языке того времени обычно обозначались словом «рехит».

Завоевательные войны в значительной степени содействовали обогащению рабовладельческой аристократии Египта. В сокровищницу фараона непрерывным потоком стекались огромные богатства: военная добыча, подати и дань покоренных народов, большие материальные ресурсы, которые систематически выкачивались как из местного египетского населения, так из завоеванных стран Передней Азии и Нубии. Одновременно с этим развивалась и внешняя торговля, в частности с племенами Эгейского мира, на что между прочим указывают изображения в гробнице Аменемхеба. ⁵⁸⁾ Естественно, что искусство этого времени ярко отразило роскошный быт богатой и знатной аристократии, постоянно и щедро награждаемой [167] царем. «Начальник царской трапезы» Суемнут изобразил на стенах своей гробницы яркие картины быта, характеризующие привольную и праздную жизнь богачей при царском дворе. Мы видим, как Суемнут осматривает «прекрасные места царского погребца в Фивах», в котором хранятся огромные запасы вина, разлитого в кувшины и предназначенного для царского стола. Далее изображена царская пивоварня, в которой готовят пиво. На некоторых сосудах, очевидно, с пивом, видны имена Аменхотепа II. Наконец, на стенах той же гробницы изображен Суемнут, наблюдающий за приготовлением царской трапезы. На стол ставят фрукты, овощи, мясо. В корзинах лежат смоквы и гранаты, в сосудах налит мед. ⁵⁹⁾ Знатные богачи в своих усадьбах старались окружить себя утонченной роскошью. Каждый из них стремился иметь свою свиту. Так, слуги Кенамона несут его оружие и утварь: щит, колчаны, бумеранг, стул, палку, сандалии, кошель — богатые и роскошные вещи его обихода. Не только сад, но и кухня Кенамона достойны того, чтобы их запечатлеть на стенах гробницы. Особенно тщательно и изящно изобразил египетский художник девушку, играющую на лютне. Недаром этот рисунок считается одним из шедевров египетского искусства. ⁶⁰⁾ Роскошные пиры, на которых угощали знатных гостей, развлекая их музыкой и плясками гаремных девушек, хорошо изображены на стенах гробниц Тотнофера, Тота и Небамона. ⁶¹⁾ Знатные богачи гордились своими колесницами, подражая в этом египетскому фараону. Нередко они совершали путешествия на своих кораблях в священный город Озириса — Абидос. Один маленький эскиз, изображающий приготовление постели и причесывание женщины, смотрящейся в зеркало, который сохранился в гробнице «ювелира и скульптора Нефер-ренпет», — дает

яркое представление о роскошной и беспечной жизни богатых рабовладельцев того времени.⁶²⁾

Художественное ремесло и искусство служили в значительной степени для украшения предметов быта и религиозного культа. Об этом говорят изящные изделия, сохранившиеся до наших дней, как, например, статуэтка Аменхотепа II, стоящего на коленях и держащего в руках два жертвенных сосуда.⁶³⁾ В Британском музее хранятся высокохудожественные изделия этого времени: диоритовое ушебти тонкой работы с именем Аменхотепа II, стеклянные и алебастровые сосуды, наконечник булавы, стэла Иату, второго царского жреца, часть сосуда с именем писца Тутмоса и раскрашенная скульптурная группа Иату, занимавшего должности жреца бога Амона, хранителя царского дворца и начальника сокровищницы, который изображен вместе с его родственниками.⁶⁴⁾ Очевидно, этот период был временем особенного обогащения и усиления рабовладельческой [168] аристократии, которая сумела с максимальной выгодой для себя использовать военно-агрессивную политику египетского государства.

Развитие рабовладельческого хозяйства объективно приводило к дальнейшему росту производительных сил в стране. Использование большого количества рабской силы давало возможность расширять территорию обрабатываемых земель и способствовало развитию сельского хозяйства. Укрепление экономических и культурных связей Египта с соседними странами позволяло египетским рабовладельцам использовать технический опыт культурных народов Передней Азии. И хотя технический прогресс в этом отношении был незначительным и не всегда поддается учету, однако ближайшее исследование должно пролить некоторый свет на эти проблемы.

На стенах гробниц египетских вельмож времени Аменхотепа II сохранились изображения, ярко характеризующие хозяйственную жизнь больших рабовладельческих поместий. По-прежнему сохраняло свое значение сельское хозяйство, в частности промысловая ловля птиц сетями, скотоводство, земледелие и виноградарство. Частнособственнический характер этих крупных поместий подчеркивается тщательным учетом хозяйственной продукции, будь то клеймение скота или перепись кувшинов с вином.⁶⁵⁾ Некоторый, пожалуй, несомненный технический прогресс заметен в тех ремесленных производствах, которые возникли или развивались под иноземным воздействием. Так, например, при изготовлении кузова колесниц и сандалий используется цветная кожа. Высокое развитие получает ювелирное искусство, в частности изготовление из золота и серебра роскошных и высокохудожественных ваз и чаш, стиль которых обнаруживает несомненное влияние переднеазиатского и эгейского искусства.⁶⁶⁾

Искусство достигло в это время в Египте высокого расцвета; в период XVIII династии египетский классический стиль выработал свои особенно отчетливые и в то же время утонченные формы. При этом искусство и религия использовались в значительной степени для укрепления существующего классового строя и для связанного с этим возвеличения царя, которого жреческая пропаганда изображала в качестве бога.

Египетские войска, при Аменхотепа II вторгшиеся в Северо-Западную Месопотамию в пределы Митаннийского государства, укрепили главенствующее положение Египта в Передней Азии. Огромные богатства, стекавшие в Египет из завоеванных и соседних стран в виде добычи, дани, податей и товаров, непомерно обогатили царскую казну и храмовые сокровищницы, обеспечив роскошную жизнь рабовладельцев, жрецов и чиновников, но в то же время углубив классовые противоречия между [169] богачами и бедняками, между знатными рабовладельцами и обездоленными рабами.

[Правление Тутмоса IV и Аменхотепа III]²

Ввиду отсутствия документов трудно сказать, совершали ли египтяне крупные военные походы в Переднюю Азию в течение второго десятилетия царствования Аменхотепа II. Однако имеются все основания предполагать, что Египет был обескровлен длительными войнами и что под давлением некоторых слоев населения египетское правительство, как некогда при Хатшепсут, было принуждено временно приостановить политику внешних завоеваний и больших военных походов. Таким образом, уже в последние годы царствования Аменхотепа II мог наметиться тот поворот к новому курсу мирной внешней политики, который получил наиболее четкое выражение при Аменхотепе III и особенно при Эхнатоне. Однако эта передышка была непродолжительной. Вскоре после смерти Аменхотепа II на престол вступил Тутмос IV, который, возможно, стал царем в результате дворцового переворота. Недаром в одной легенде, текст которой начертан на стэле, найденной между лапами большого Гизэского Сфинкса, рассказывается о вещем сне Тутмоса. Заснув после охоты в тени Великого Сфинкса, Тутмос увидел во сне, что к нему явился сам бог «великой статуи Хепра», т. е. верховный бог солнца, и обещал ему свое «царство на земле». Очевидно, эта легенда должна была обосновать законность притязаний Тутмоса IV на царский престол. Больше того, в этой надписи ясно указываются те социальные слои, на которые опирался новый фараон. «Войско, царские дети и все знатные радовались ему и любили его... Кварталы Мемфиса и все города, ему принадлежавшие, пришли к нему, подымая руки перед его лицом и восхваляя его».⁶⁷ Нет ничего удивительного, что войско, дворцовая аристократия и знатные рабовладельцы, а также зажиточные слои городского населения, заинтересованные в возобновлении завоевательной политики, возвели на престол Тутмоса IV, видя в нем истинного преемника Тутмоса III Мен-хепер-Ра. Да и сам Тутмос IV в надписи на Латеранском обелиске называет себя сыном великого завоевателя и считает своим долгом «украсить» и «воздвигнуть» обелиск своего знаменитого предшественника, пролежавший в неоконченном виде 35 лет в Карнакском храме. Возможно, что воцарению Тутмоса IV способствовали и старые сподвижники и соратники Тутмоса III, как, например, писец Чанани, автор «Анналов Тутмоса III», продолжавший свою службу в качестве «начальника войска» и «действительного царского писца» при Тутмосе IV. Характерно, что некоторые особенности летописного стиля, впервые появившиеся в «Анналах Тутмоса III», сохранились и в надписях времени его преемников: Аменхотепа II, Тутмоса IV и даже Аменхотепа III. Так велико [170] было влияние той идеологии, которая была выработана в период расцвета военной политики Египта при Тутмосе III.⁶⁸

Тутмос IV, сражающийся на колеснице. Рельефное изображение на колеснице Тутмоса IV. Каирский Музей. Новое царство. XVIII династия.

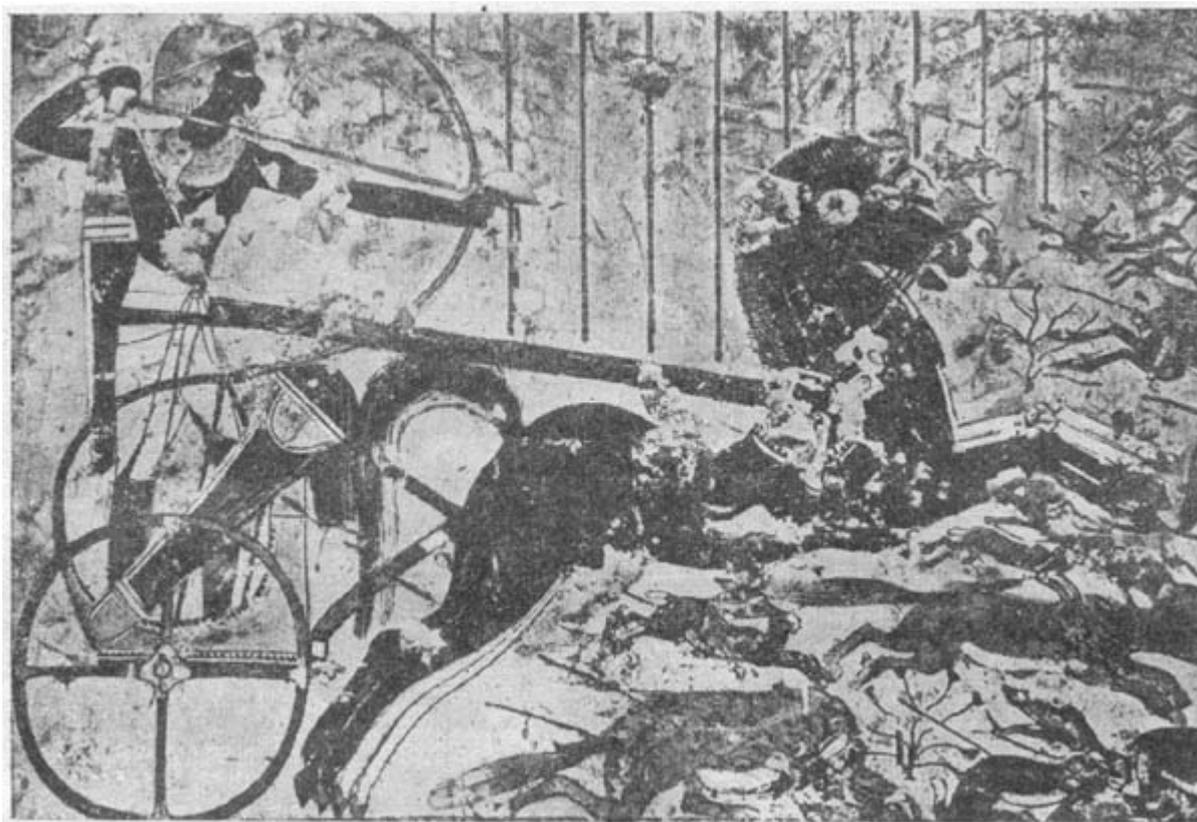
Военная аристократия, возведя на престол Тутмоса IV, использовала все идеологические средства того времени — художественную литературу, изобразительное искусство и религию, для того чтобы окружить фараона ореолом неустрашимого мужества, создав легендарный образ царя-победителя, который с самых юных лет как бы готовился к карьере полководца, будучи смолodu смелым охотником на львов и метким стрелком.⁶⁹⁾ И настолько глубоко внедрился в сознание современников облик фараона-победителя, что даже в гробнице Тутмоса IV сохранились на обломке царского трона и роскошной колесницы его изображения в виде сфинкса, попирающего поверженных нубийцев, и триумфатора, который на своей колеснице топчет и сокрушает сведенные в предсмертных судорогах тела побежденных иноземцев.⁷⁰⁾ Этот образ идеализированного героя — победоносного фараона, мчащегося на своей колеснице во время охоты на диких зверей, а в дни войны — на своих врагов, укрепляется в изобразительном искусстве и художественной литературе времени Нового царства. Особенно характерно, что этот становящийся почти стандартным образ мужественного [171] охотника и смелого воина используется для изображения не только царя, но часто и знатного аристократа, который пользовался своей колесницей как на охоте,⁷¹⁾ так и в бою. Это указывает на то, что египетский фараон в период XVIII династии был особенно тесно связан с богатой и родовитой военной знатью, интересы которой он в первую очередь представлял и защищал.

О походе Тутмоса IV в Переднюю Азию сохранились очень скудные сведения в некоторых надписях того времени. В очень обрывочной надписи в Карнаке, содержащей список жертв, упоминаются «предметы, которые его величество захватил в Нахарине... во время первого победоносного похода».⁷²⁾ Один из сподвижников фараона, служивший в его свите или личной охране, в надписи на своей стэле сообщает, что он находился при царе во время его «походов в южные и северные страны, следуя за его величеством от Нахарины до Кароя и находясь [вместе с ним] на поле битвы».⁷³⁾ Во время этого похода в Переднюю Азию (очевидно, в Северную Сирию) Тутмос IV захватил некоторое

количество пленных. В надписи, высеченной в заупокойном храме Тутмоса IV в Фивах, упоминается «заселение «Крепости Мен-хеперу-Ра» людьми из Хару, которых его величество взял в плен в городе Гезере (Ка-джа)». ⁷⁴⁾ Во время этого похода в Нахарину египетские войска захватили не только пленных, но и добычу. Князя Нахарины принуждены были доставлять в Египет обильную дань, как мы это видим на одном изображении из гробницы Хаемхета. ⁷⁵⁾ В гробнице «действительного царского писца, писца новобранцев и начальника войска Чанани» изображено, как «доставляются приношения из Речену и поставки из северных стран: серебро, золото, малахит, всякие драгоценные камни из страны бога, [которые привозятся] князьями всех стран». ⁷⁶⁾ Очевидно, этот так называемый «первый победоносный поход» Тутмоса IV в Переднюю Азию увенчался несомненным успехом. Его результатом было укрепление египетского влияния в странах Речену и Нахарина, иными словами, во всей Сирии вплоть до границ Малой Азии и Месопотамии. Сирийские князья были снова принуждены поставлять ценности ко двору египетского фараона.

Имеются основания предполагать, что Тутмоса IV в начале его царствования поддерживали военные слои рабовладельческой и придворной аристократии, войско и зажиточные слои городского населения, а также, возможно, и провинциальное жречество. ⁷⁷⁾

В этот период начала упадка военной и политической мощи египетского государства, когда, несомненно, стало понемногу ослабевать политическое влияние Египта в соседних [172]

Египетский вельможа на охотничьей колеснице. Роспись из гробницы Усерхета. Новое царство. XVIII династия.

странах и все больше углублялись классовые и социальные противоречия между различными слоями населения, центральная власть в лице фараона и его ближайшего окружения должна была опираться на более широкие слои населения и умело лавировать

между наиболее сильными группировками в среде правящего класса рабовладельческой аристократии. Однако, возобновив прежний курс завоевательной политики, Тутмос IV, начав на 8-м году своего царствования поход против нубийских племен, сделал попытку опереться теперь на высшее фиванское жречество, которое всегда вдохновляло фараонов на широкие завоевания, в особенности в Нубии, всегда считавшейся исконным доменом верховного фиванского бога Амона, его главного храма в Фивах и его жречества. На скалах Коносо около Филэ, где издавна проходила граница собственно Египта,⁷⁸⁾ сохранилась надпись, описывающая поход Тутмоса против восставших нубийских племен. Эта надпись выдержана в стиле, типичном для того времени, когда египетские фараоны изображали себя в качестве преданных почитателей бога Амона, называя фиванского бога своим «отцом» и спрашивая у него совета как у «правителя богов». В надписи говорится о том, что, когда Тутмос IV находился в Фивах и совершал обряды, в [173] частности обряд очищения, в честь бога Амона, фараону сообщили, что южные племена спустились из страны Вават, задумав поднять восстание против Египта и собрав вокруг себя ряд соседних мятежных племен. Демонстрируя перед народом свое традиционное благочестие и свою связь с высшим фиванским жречеством, Тутмос IV, совершив соответствующие церемонии, обратился за советом к верховному фиванскому богу Амону, названному в этой надписи «правителем богов». Получив от фиванских жрецов согласие на проведение этого похода, фараон во главе своего войска выступил на юг. Судя по тому, что войска фараона двигались по обоим берегам Нила, а корабль фараона шел вверх по Нилу, причем царь останавливался в больших населенных пунктах у наиболее почитаемых храмов, например в Эдфу, этот поход был скорее карательной экспедицией, нежели регулярной войной с организованными войсками противника.⁷⁹⁾ В надписи сказано о том, что население с восторгом встречало фараона, а мятежные враги пытались укрыться в «недоступных долинах» восточного нагорья, где их настигали египетские войска. К сожалению, конец надписи плохо сохранился и поэтому трудно сказать, каковы были реальные последствия этого похода. Очевидно, в результате этого похода восстание мятежных племен, если оно имело место, было подавлено, что дало египтянам возможность укрепить и расширить свою власть над «южными странами», откуда они постоянно получали военную добычу, дань и подати, жестоко взимаемые с местного населения. Как полагает Брэдстед, пленные, захваченные в стране Куш, были поселены фараоном в ограде его заупокойного храма в Фивах. На это, возможно, указывает надпись, найденная Петри и хранящаяся в Хаскельском Восточном музее в Чикаго.⁸⁰⁾ Таким образом, с этого времени египетские фараоны начинают выводить все большее количество рабов из завоеванных соседних стран и расселять их в специальных поселениях и лагерях.

При Тутмосе IV последний подъем завоевательной политики египетского государства носит судорожный характер тщетной попытки удержать обширные территории, которые были завоеваны в Передней Азии и Северо-Восточной Африке в конце XVI и в первой половине XV в. Географические границы территорий, на которых разыгрывалась эта упорная борьба в царствование Тутмоса IV, отмечены названиями, сохранившимися на внутренней стенке кузова колесницы этого фараона. В этом списке перечислены страны и города Передней Азии: Нахарина, Сангара, Тунип, Шасу, Кадеш и Тихиса, а также местности Нубии: Куш (?), Карай, Миу, Ирем, Гурсес и Тиураик.⁸¹⁾ Наряду с известными обозначениями «от Нахарины до Карай» встречаются и некоторые другие, редко упоминаемые. Но район [174] борьбы по-прежнему простирается от берегов Евфрата до далеких стран Восточной Африки.

Аменхотеп III на своей колеснице.
Рельеф Каирского Музея. Новое царство.

При следующем египетском фараоне военная политика Египта становится значительно менее напряженной и активной, чем в предшествующий период, когда египетские войска наводили трепет и ужас на племена и города Передней Азии и Нубии и внушали не только уважение, но даже беспокойство и страх сильным соседним государствам. Судя по отсутствию специальных надписей, повествующих о больших военных походах Аменхотепа III, а также по дипломатическим документам Амарнского архива, после смерти Тутмоса IV египетское правительство принуждено было почти полностью отказаться от прежнего традиционного курса завоевательной политики. Весьма возможно, что это стоит в связи с истощением сил египетского народа после длительного периода войн, с обострением классовых противоречий, когда огромные богатства скопились в руках рабовладельческой аристократии, в частности в руках высшего фиванского жречества. Имеются некоторые основания предполагать, что подготовка Амарнской [175] реформы, связанная с ориентацией центральной власти на провинциальное жречество и средние слои населения, началась еще до вступления на престол Эхнатона, может быть, в царствование Аменхотепа III.⁸²⁾

Весьма возможно, что эти слои населения еще в доамарнский период активно выступали против высшего фиванского жречества. К сожалению, в документах не сохранилось явных на это указаний. Но во всяком случае совершенно ясно, что Аменхотеп III только в начале своего царствования и то главным образом с целью укрепления своего авторитета в первую очередь среди рабовладельческой аристократии и фиванского жречества, а также продолжая старую традицию, совершил поход в Нубию. В ряде надписей этого времени описывается этот поход, который произошел в течение 5-6 годов царствования

Аменхотепа III. В надписи у 1-го порога фараон сообщает о победе над «врагом из Куша» и подчеркивает свою связь с фиванским храмом, называя себя «правителем Фив, любимцем Амона-Ра, царя богов». В надписи, высеченной на скале на острове Коноссо, эта связь фараона с фиванским жречеством подчеркнута еще более ясно и наглядно благодаря изображению Амона, который приводит к Аменхотепу III в качестве пленников четыре южные страны: Куш, Ирем, Урем и Арек. В этой надписи в традиционной напыщенной форме говорится о победах фараона и о том, что «ни один царь Египта не сделал чего-либо подобного».⁸³⁾ В одной надписи Британского музея упоминается о том, что Аменхотеп III одержал победу над нубийскими племенами в районе Ибхата и захватил там 740 пленников.⁸⁴⁾ Однако вряд ли можно согласиться с Брэстедом, что Аменхотеп III углубился в Нубию «немного дальше», чем Тутмос III. Действительно, Бубастисская надпись сообщает, что египетские войска достигли «высот Хуа». Однако если это название встречается в списке географических названий рядом с названием страны Пунт, то из этого никак нельзя делать вывод, что эти «высоты Хуа» находились именно рядом со страной Пунт, поскольку в египетских географических списках названия местностей располагались далеко не всегда в строго географическом порядке. С другой стороны, нельзя принимать на веру трафаретные напыщенные утверждения автора Коносской надписи, что «ни один царь Египта не сделал чего-либо подобного». Такие фразы довольно часто встречаются в египетских победных надписях и с течением времени приобрели чисто стандартный характер. Ведь в каждом языке есть такие слова, как «необыкновенный», «необычайный», «непревзойденный»; однако все эти слова в обычном словоупотреблении часто теряют свой прямой смысл и просто означают «особенный» в смысле «превосходного» и т. д.⁸⁵⁾ Трудно сказать, сколько карательных [176] экспедиций совершил Аменхотеп III в Нубию, но вряд ли они носили более серьезный и внушительный характер, чем походы его предшественников. Эти военные экспедиции на юг предпринимались не для подавления восстаний, не с целью дальнейших завоеваний, а главным образом для захвата добычи, которую Аменхотеп III стремился вывезти из Нубии,⁸⁶⁾ как это делали и многие из его предшественников.

Естественные богатства Нубии и прилегающих стран широко эксплуатировались в течение всего периода XVIII династии, причем эта эксплуатация восточноафриканских ресурсов достигла в царствование Аменхотепа III весьма значительных размеров, что во многом обусловило внешний расцвет материальной культуры, необыкновенный рост храмового хозяйства, обогащение аристократии и обеспечило развитие внешней торговли и дипломатической деятельности египетского государства. В гимне Амону, который сохранился на стэле, найденной в Фивах в заупокойном храме Мернепта, в торжественных словах говорится о том, что «вожди презренной страны Куш» несут фараону дань на своей спине, что в крепости, окруженной высокими стенами, поселены «дети вождей нубийских племен», что «страны Пунта» присылают в Египет лучшие сорта дерева.⁸⁷⁾

Для того чтобы сохранить за Египтом контроль над районами Восточной Африки, от Нижней Нубии до Пунта, необходимо было непрерывно принимать меры к усилению экономического, политического и культурного влияния Египта в этих странах. Поэтому, египтианизация Нубии продолжалась и при Аменхотепе III. С этим была связана обширная строительная деятельность, постройка храмов, которые были в те времена рассадниками и центрами религиозной пропаганды, в частности царского культа. В храме в Седеинга, между 2-м и 3-м порогами Нила египетская царица, жена Аменхотепа III, была изображена в виде богини. Несколько южнее, в Солебе, был построен храм, посвященный культу царствующего фараона. В надписях, сохранившихся в развалинах этого храма, Аменхотеп III торжественно говорит, что он построил этот храм в качестве памятника для возвеличения своего образа, называя себя «владыкой Нубии (Та-педжет),

великим богом, владыкой неба». Далее описываются красоты этого «обширного и просторного» храма, пилоны и флагштоки которого достигают неба и небесных светил.⁸⁸⁾

Еще южнее, в 180 км к югу от Вади-Хальфа, на западном берегу Нила, в Сесеби, между 2-м и 3-м порогами, приблизительно во время Хатшепсут возник важный укрепленный город, своего рода крепость и опорный пункт египетского могущества в Нубии, получивший довольно большое значение [177] при Аменхотепе III. Очевидно, этот город особенно разросся в первые годы царствования Аменхотепа IV, как на это указывают развалины трех храмов, относящихся именно к этому времени.⁸⁹⁾ Наконец, древнейшая часть египетского города времени Нового царства, раскопанного в Кава, к югу от 3-го порога, была, возможно, также построена в царствование Аменхотепа III, так как древнейшие находки, сделанные здесь, относятся к этому времени. Этот город, получивший название Гематон, стал крупным центром при Эхнатоне и, видимо, был связан с культом Атона, первые зачатки которого, как известно, стали появляться еще при Аменхотепе III.⁹⁰⁾

Так завоевание Нубии фараонами XVIII династии привело не только к тому, что Нубия была прочно включена в состав египетского государства, но также к тому, что египетское влияние глубоко проникло в толщу местного населения, сохранившись в своих пережитках до весьма позднего времени.

Совершенно иная обстановка создалась в Передней Азии. В Северо-Западной Месопотамии выросло сильное Митаннийское государство, которое стало соперничать с Хеттским царством. Оба эти государства, ведя между собой упорную борьбу, пытались укрепить свое политическое влияние в Северной Сирии. В Южной Сирии образуется коалиция сиро-финикийских князей и городов, пытающихся освободиться от власти Египта. В Палестину проникают племена хабири, угрожающие египетским резидентам, гарнизонам и городам, сохраняющим верность египетскому фараону. Египет, ослабленный многолетними и тяжелыми войнами, истощивший свои людские резервы, не может удержать своих позиций в Передней Азии. Начинается период ослабления военной мощи Египта при Эхнатоне и его слабых преемниках. Лишь при первых фараонах XIX династии Египет снова начинает активизировать свою внешнюю политику; однако этот период египетской истории уже выходит за пределы нашего исследования. [178]

Глава VI.

Организация и техника военного дела в период крупных войн XVI—XV вв. до н. э. (главным образом при XVIII династии)

Начиная со времени Нового царства Египет вышел на широкую арену активной международной политики. Развитие рабовладельческого хозяйства требовало постоянного притока новой рабочей силы. Только агрессивные войны, дававшие возможность захватывать большое количество пленных, обычно обращавшихся в рабство, обеспечивали крупные поместья царя, храмов и аристократов достаточным количеством рабов. Эти войны не были оборонительными, ибо ни гиксосы, ни мелкие, почти карликовые государства Сирии, Финикии и Палестины, ни слишком далеко расположенные и в то время еще недостаточно сильные царства Малой Азии и Месопотамии не могли представлять серьезной, даже потенциальной опасности для фараонов могущественной XVIII династии.¹⁾ Конечно, эти войны велись не потому, что некоторые фараоны были «великими полководцами»,²⁾ которые воевали из любви к «бранной потехе» или для вящей славы своей и своего государства, а потому, что развитие военно-захватнической политики было обусловлено всем ходом развития социально-экономической жизни древнего Египта.

Военная политика Египта в период Нового царства достигла невиданного ранее в долине Нила размаха. Из сравнительно отсталой, консервативной и экономически замкнутой страны Египет превратился в большую, в рамках древнего мира «великую державу», ведущую широкую завоевательную политику и вступившую в контакт с целым рядом соседних племен, народов, стран и государств.³⁾ [179]

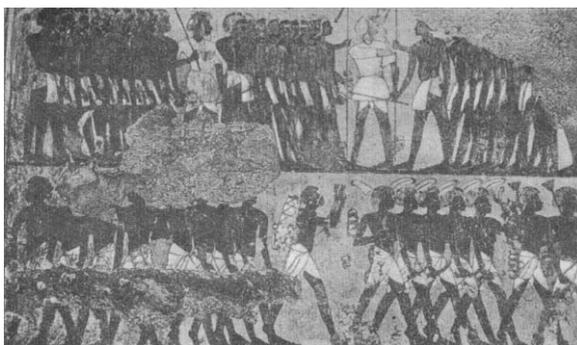
В связи с развитием военной политики организация военного дела в Египте в период Нового царства изменилась по сравнению с предшествующим.⁴⁾ Со времени XVIII династии и связи с началом крупных войн в Египте увеличиваются постоянные войска, усложняется организация армии и военного дела в целом, появляются новые виды оружия и новые роды войск, причем широко используется опыт передовой техники культурных народов Передней Азии. Возникают первые более или менее ясные представления о тактике и стратегии. Непрерывные войны требуют; военизации государственного управления, выдвигают на видное место военную аристократию и окончательно оформляют своеобразную идеологию «великодержавия», которая оказывает сильное воздействие на изобразительное искусство, литературу и идеологию того времени.

Проведение широкой военно-захватнической политики, организация многочисленной, хорошо вооруженной и снабженной всем необходимым армии, которая должна была часто совершать далекие военные походы, сопряженные с большими опасностями, влекли за собой подчинение всей системы государственного управления военной политике, непрерывно требовавшей полного напряжения сил египетского народа. Начиная со времени XVIII династии среди высших чиновников все чаще встречаются профессиональные военные командиры, которые постепенно захватывают в свои руки весь аппарат государственного управления, занимая, наряду с военными должностями, чисто гражданские, хозяйственные посты и даже проникая в область храмового управления. Так, например, «начальник воинов» лично руководит работами на

оросительной сети, от которых всегда зависела египетская экономика, поскольку каналы были главными питательными артериями сельского хозяйства. «Царский колесничий» и «начальник полиции», соответственно ведавшие отборными частями египетской армии, отрядами колесниц и осуществлявшие военную охрану как внутри страны, так и на ее границах, наблюдали за перевозкой памятников, в частности статуй, а также доставкой каменных блоков, необходимых для построек. Эти работы всегда имели в древнем Египте большое значение, так как крупные постройки, особенно при фараонах XVIII династии, создавались в большом масштабе и должны были наглядно свидетельствовать о материальной мощи египетского государства. Характерно, что военные командиры этого времени фактически выполняли те важные обязанности, которые в предшествующие времена были прерогативой «казначея бога».⁵⁾ Многочисленные надписи времени XVIII династии ясно указывают на то, что многие из высших командиров, занимавшие видные посты в военном ведомстве и командовании армией, вместе с тем выполняли (очевидно, [180] по непосредственному указанию фараона) целый ряд не военных обязанностей, занимая различные, чисто гражданские должности. Имунджеху, приближенный и соратник Тутмоса III, бывший «спутником царя во всех странах», т. е. занимавший высокий пост в царской свите, был одновременно «руководителем всех царских работ», «начальником двойного амбара Южной и Северной страны».⁶⁾ «Начальник войска» Интеф, стоявший во главе особого «управления войска менефит», был в то же время «казначеем царя Нижнего Египта» и «начальником двух амбаров».⁷⁾ Другой боевой соратник Тутмоса III состоял в должности «начальника войска западного рукава [Нила]» и вместе с тем был «начальником работ» и довольно видным жрецом.⁸⁾ Многие видные военные чиновники, служившие в военном ведомстве, занимали различные, порой важные посты в храмовом управлении. Так, «писец войска» Нахтсобк, сын «писца войска царя» Хайи, впоследствии занял заметную должность в хозяйственном управлении Фиванского храма Амона и «наполнял амбары Амона».⁹⁾ «Писец новобранцев» Саисет управлял святилищами в Абидосе. Служивший в войсках Тутмоса I ветеран по имени Усер заведовал заупокойным культом этого фараона. Наконец, крупный военный командир, «начальник коней владыки Двух Стран» Нахтмин занимал посты и в гражданском управлении в качестве «царского писца», а также в храмовом хозяйстве в качестве «начальника амбаров Амона» и «начальника людей Амона»¹⁰⁾ Это переплетение чисто военных должностей с гражданскими, главным образом хозяйственными, а также храмовыми, указывает на стремление подчинить государственный аппарат и прежде всего хозяйственное ведомство и храмовое хозяйство со всеми его богатствами военным нуждам рабовладельческого государства, а также на растущее влияние военных командиров, военных чиновников, одним словом, военной аристократии, которая в период максимального развития военной политики Египта все больше и больше захватывала в свои руки государственный аппарат и храмовое хозяйство.

На военизацию государственного аппарата и на наличие довольно большого постоянного войска, которое, возможно, комплектовалось среди свободного населения с помощью регулярных наборов или призывов, указывает распространение в новоегипетском языке особого термина «ремеч меша»,¹¹⁾ который в буквальном переводе означает «люди войска». Этот термин служил для обозначения «рядовых воинов», т. е., употребляя современную терминологию, «рядовых бойцов» или «солдат», очевидно, новобранцев. Напряжение военной политики требовало постоянно иметь наготове довольно большое постоянное войско. Но низкий уровень техники не позволял всегда [181] использовать этих людей на поле боя или даже непосредственно для военных нужд. Поэтому этих «людей войска», особенно в мирное время, часто использовали для работ в каменоломнях. Особенно характерно, что это использование приняло, по-видимому, систематический характер, так как термин «люди войска» стал обозначать не только «рядовые воины», но и «отряды работников в каменоломнях».¹²⁾

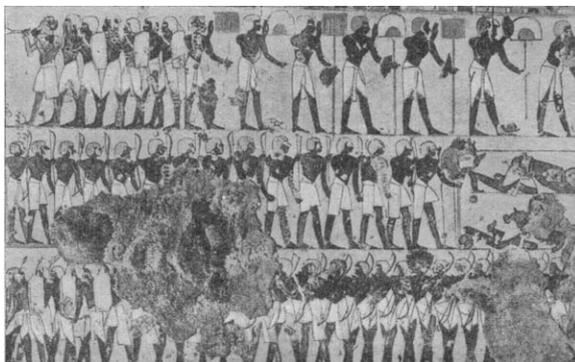
Несомненно, что численность египетских войск в период Нового царства превышала численность армий предшествующего времени; Ведь начиная с эпохи XVIII династии Египет вел значительно более широкую военную политику, чем при фараонах Среднего царства. Египетским завоевателям с XVI в. до н. э. приходилось непрерывно отправлять свои армии в далекие походы в Палестину, Сирию, Финикию вплоть до страны Митанни и в то же время продолжать свою завоевательную деятельность на юге, стремясь покорить все нубийские племена до 4-го нильского порога. Наконец, было необходимо держать войска не только в завоеванных странах, не только на оккупированных территориях, но и в самом Египте, главным образом сохраняя гарнизоны в крепостях. К сожалению, источники не содержат точных данных относительно численности египетских войск. Некоторые сведения мы имеем лишь о хеттских войсках, противостоявших египетской армии под Кадешем во время большой войны, которую вел с хеттами Рамзес II. Судя по надписям около изображений, которые сохранились в Абусимбеле, Рамессее, Луксоре и Абидосе, хеттское войско состояло из двух больших частей, в каждой из которых было от 8 до 9 тыс. воинов. К ним следует добавить вспомогательные отряды союзных племен, наконец, 2500 колесниц, на которых находилось 10 500 человек. Таким образом, все хеттское войско достигало приблизительно 30 тыс. воинов, не считая обоза. Можно предполагать, что войска Рамзеса II насчитывали приблизительно столько же солдат. Судя по ходу битвы, силы противников были почти одинаковыми. Поскольку напряжение военной политики Египта в период XVIII династии во всяком случае было не меньшим, чем в период больших египто-хеттских войн, можно думать, что фараоны, завоевавшие области Сирии, Финикии, Палестины, а также Нубии до 4-го порога, располагали не менее чем 25-30 тыс. воинов. Конечно, численность населения Египта позволяла выставить значительно более многочисленные войска. Так, Масперо полагает, что армия фараонов XVIII династии могла быть доведена до 120 и даже 130 тыс. человек. Но не следует забывать того, что крайне низкий уровень техники, примитивные условия транспорта, отсутствие регулярного и организованного снабжения не позволяли доводить армию до такой высокой для того времени цифры. Поэтому [182] вряд ли можно предполагать, чтобы фараоны, даже во время наивысшего расцвета военного дела и военной политики в период XVIII династии, выставляли одновременно более 25-30 тыс. воинов.¹³⁾

Отряды новобранцев. Роспись из гробницы Чанани.
Новое царство. Время Тутмоса IV.

Необходимость держать довольно значительную постоянную армию требовала систематических наборов новобранцев среди свободного населения Египта. Некоторые изображения на стенах фиванских гробниц, например Пехсухера, Чанани и Хоремхеба, а также немногочисленные надписи дают лишь самое общее представление об этих наборах. На некоторых изображениях мы видим, как специальные призывные комиссии чиновников, состоящие, видимо, из «писцов войска», и особых «писцов новобранцев», набирают из всей массы призванных молодых людей тех, кто, очевидно, лучше всего подходил для службы в армии как по своим физическим, так и по иным данным. Художник весьма красочно изобразил переживания родственников, мужчин и женщин,

которые, весьма вероятно, пытались оказывать некоторое влияние на военных чиновников.¹⁴⁾ Всем делом набора рекрутов ведал особый видный военный чиновник, носивший звание «главного писца новобранцев», которому подчинялись обычные «писцы новобранцев». Так, некий Аменхотеп, живший при Аменхотепе III, писал в своей надписи: «Я набирал молодежь моего господина, я записывал бесконечные цифры, я заменял ветеранов новобранцами из молодых поколений... я брал с их домов определенное количество».¹⁵⁾ [183]

Отряды египетских войск. Роспись из гробницы Небамона.
Новое царство. XVIII династия.

Иногда должность «начальника писцов воинов» занимал знатный аристократ, приближенный царя, как, например, Чанани, который в то же время носил высокое звание «начальника войска» и был царским летописцем, составившим известные «Анналы Тутмоса IV». Весьма возможно, что «начальник писцов воинов» стоял одновременно и во главе ведомства военного снабжения, т. е. был своего рода главным интендантом, который ведал снабжением новобранцев, во всяком случае необученных, а может быть, даже и их обучением военному делу, в частности военному строю. Военные наборы производились не только в Египте, но также и в тех частях Нубии, которые прочно вошли в состав египетского государства и управлялись египетскими чиновниками.¹⁶⁾ При Рамзесе III в войска призывали каждого десятого, причем храмовые поместья освобождались от воинских наборов.¹⁷⁾

Наличие постоянной армии и частые войны с культурными народами Передней Азии, которые в некоторых областях техники, в частности военной, стояли выше египтян, требовали организации воинского обучения. Уже в период Древнего царства существовали особые «начальники обучения», которые ведали в первую очередь муштровкой новобранцев.¹⁸⁾ Очевидно, наиболее распространенные виды физической тренировки воинов существовали задолго до времени Нового царства. Так, воинов учили борьбе, прыжкам, свободному бегу, бегу и шагу [184]

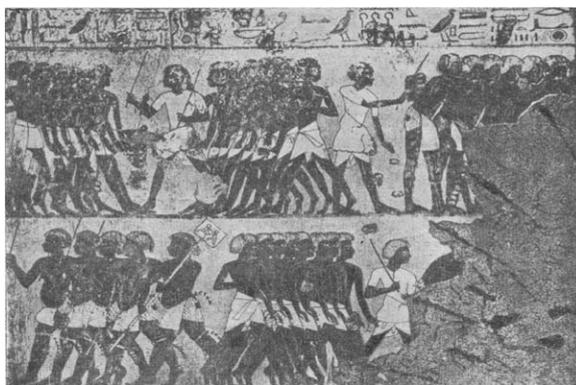

Учет военных отрядов и выдача провианта. Роспись из гробницы Аменемхеба.
Новое царство. XVIII династия.

шеренгами, соблюдая равнение и расстояние между шеренгами, применению копья, меча и кинжала в бою. В период XVIII династии и в последующие времена Нового царства новобранцев особенно усердно обучали военному строю, маршировке и бегу шеренгами, что должно было приучать солдат к военным действиям при массированных наступательных действиях пехоты, а также бою в рассыпном строю. На стенах гробницы Чанани, ведавшего не только призывом новобранцев, но и их обучением, изображено, как специальные командиры обучают солдат маршировке шеренгами. Небольшие отделения или звенья воинов, насчитывающие от 4 до 10 человек, маршируют обычно одной шеренгой. Левофланговый в некоторых случаях держит в руках знамя в виде штандарта или военный значок на длинном шесте. Впереди воинов иногда шагает барабанщик или трубачи. Впереди или сбоку шеренги марширующих солдат идут младшие командиры, отличающиеся от рядовых белыми комзолами¹⁹⁾ и палками, которые, очевидно, были не только знаками командирского достоинства, но и средством физического воздействия на нерадивых воинов. Вместе с египтянами обучались военному строю нубийцы, ливийцы и негры, которых можно отличить по внешним признакам: общему типу, лицу, прическам и страусовым перьям на голове. На стене гробницы Чанани с наряду с египетскими новобранцами изображены пять марширующих негров, причем художник тщательно передал необычайную массивность и толщину этих негров, которые, может быть, входили в состав особой команды иноземных атлетов или борцов тяжелого веса (на это, кстати, указывает штандарт с изображением борцов, который несет левофланговый этого [185] «атлетического звена»). Так как в условиях военной техники и полевого боя того времени особенно ценились наиболее сильные и физически лучше всего подготовленные бойцы, то, естественно, для боевого единоборства тщательно тренировались как египетские новобранцы, так особенно нубийцы и негры, до сих пор являющиеся по своим боевым качествам непревзойденными воинами.¹⁹⁾ Важное значение придавалось обучению воинов стрельбе из лука, так как именно в период Нового царства широко применялись в полевым бою специальные отряды лучников. Весьма возможно, что использование крупных отрядов лучников, вооруженных особо большими (может быть, азиатскими) луками, было новшеством, заимствованным египтянами из Передней Азии. По крайней мере на стенах Карнакского храма изображен бог иноземцев и пустынных стран Сэт, который обучает Тутмоса III стрельбе из большого лука.²⁰⁾ Аменхотеп II в своих надписях с гордостью говорит, что он как меткий стрелок попадал на большом расстоянии в особую мишень, которая, по-видимому, применялась не только при состязаниях в стрельбе из лука, но и при обучении воинов.²¹⁾ В систему военного воспитания царевича входила стрельба из лука в цель стрелами с медными наконечниками.²²⁾ Очевидно, фараоны своим личным примером хотели показать войскам, какое большое значение имела ныне в бою с хорошо обученными азиатскими войсками сверхметкая стрельба из лука.

В состав египетских войск наряду с местным египетским населением входили еще в предшествующие времена наемники, которые могли образовывать отдельные или предназначенные для специальных целей войсковые части или отряды. Начиная со времени Нового царства появляются наемники из племен Передней Азии, бассейна Средиземного моря, в большом количестве из Нубии и Ливии. Увеличение числа и удельного веса иноземных наемников в египетских войсках является в некоторой степени признаком высокого напряжения военной политики и связанного с этим истощения сил египетского народа; с другой стороны, это указывает на все большее сближение Египта с соседними странами. Принужденное в силу развития рабовладельческого хозяйства вести завоевательные войны, египетское правительство должно было все больше и больше опираться на войска наемников, что обуславливало сперва растущую мощь, а затем все возрастающую слабость египетского государства. В XV—XIV вв. государства и богатые торговые города Передней Азии имели возможность включать в свои войска наемников. Полукочевые племена Палестины и Сирии могли поступать на службу к могущественным

царям хеттов и правителям богатых торговых городов, продавая им свою жизнь и боевую силу. В амарнских письмах упоминаются племена [186] суту, или воины-суту, которые, возможно, служили в качестве наемников. Сирийские наемники появляются в египетской армии со времени XVIII династии. Очевидно, это были хорошо обученные профессиональные воины, которые использовались в отборных войсках, в царской охране, причем некоторые, из них занимали более или менее почетное положение, выдвигаясь среди общей массы рядовых бойцов. Так, на одном барельефе этого времени изображен бородатый воин, сидящий на скамейке и пьющий вино (?) из кувшина через особую трубку, которую поддерживает слуга. Около воина на скамейке сидит женщина. Судя по бороде, своеобразной прическе и типу лица, этот воин, вооруженный копьем и коротким мечом, был азиатом, возможно, сирийцем, служившим в египетской армии в качестве командира. Свободный, близкий к реалистическому художественный стиль этой непринужденной бытовой сценки, изображающей домашний быт зажиточного сирийца, служившего в египетских войсках, позволяет отнести это изображение ко времени Эхнатона или несколько более позднему времени, когда в египетском искусстве еще сохранялись остатки амарнского художественного стиля.²³⁾

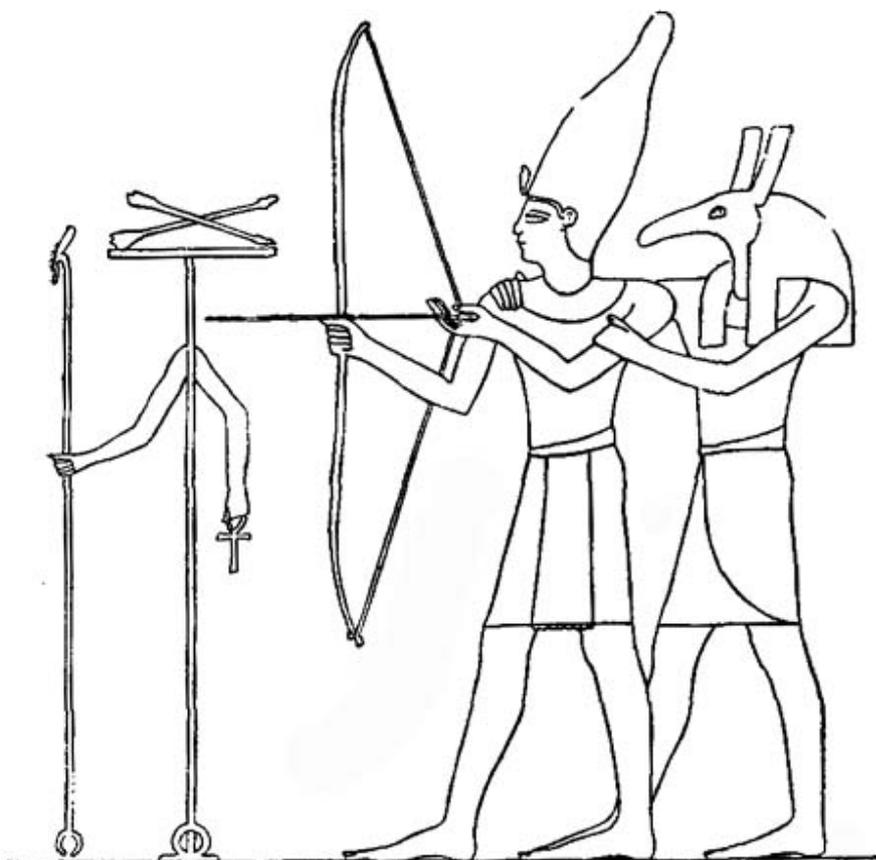
Отряды воинов. Роспись из гробницы Чанани.
Время Тутмоса IV.

В качестве профессиональных наемников особое место в египетских войсках заняли наемники из племени шардана, о которых впервые сообщают амарнские письма как о воинах, находившихся в распоряжении Риб-Адди, князя Библа, подвластного [187] Египту, или в составе египетского гарнизона, расположенного в этом важнейшем опорном пункте египтян в Финикии.²⁴⁾ Племя шардана упоминается в египетских надписях наряду с акуаша, турша, лукки, шеклеши, которые, по мнению египтян, входили в группу северных «морских» народов иноземного происхождения. Так как в египетских надписях говорится, что эти племена населяли «северные страны, которые находятся на своих островах» или пришли «из своих стран на островах посреди Великого Зеленого Моря», т. е. Средиземного моря, можно думать, что название «шардана» родственно древнему названию острова Сардиния, на что указывают археологические находки на этом острове. Изображения шарданских воинов, служивших в египетских войсках, живо напоминают эгейские или крито-микенские изображения и выдержаны в типично средиземноморском стиле того времени. Особенно характерно вооружение наемников из племен шардана, состоящее из длинных мечей, круглых щитов и своеобразных шлемов с круглыми навершиями и выступами в виде рогов.²⁵⁾

Ливийские наемники входили в состав египетского войска еще при Хатшепсут; значительно позднее они образуют крупные и самостоятельные контингенты войск, представивших реальную угрозу самостоятельности египетского государства. Нубийские наемники, а также воины из других африканских, в частности негритянских, племен упоминаются в египетских надписях довольно часто. Ими пользовались египетские

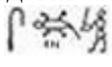
фараоны со времен Древнего царства и вплоть до поздних периодов египетской истории. В рассказе о войне Камесу с гиксосами говорится о том, что в состав египетского войска входил отряд маджаев. Поскольку этнический термин «маджаи» — md³t²⁶⁾ со времени Среднего царства получил очень широкое, распространенное значение, трудно сказать, служили ли маджаи в армии Камесу в качестве наемников или на каких-либо иных условиях. Во всяком случае уже несколько ранее начала Нового царства слово «маджаи» стало обозначать «полицейский». Очевидно, охранные отряды пограничной службы, в особенности в пустынных районах, окаймляющих Нубию и Верхний Египет, комплектовались сперва главным образом, а потом исключительно из нубийцев племени маджаи. Впоследствии ими стали пользоваться в качестве обычной полиции. Однако весьма возможно, что не только нубийцы-маджаи, но и другие африканские племена служили в египетских войсках как наемники.

Иноземные наемники, служившие в египетской армии, иногда происходили из среды военнопленных. Со времени Нового [188] царства египетские фараоны, захватывая во время войн в Передней Азии и Нубии большое количество пленников, часть из них обращали в рабство, часть поселяли в особых лагерях. Большинство этих поселений находилось на территории храмовых поместий, причем жившие в них иноземные пленники могли использоваться в качестве рабов. Таковы поселения сирийских и нубийских пленников, организованные Тутмосом IV.²⁷⁾ В Мемфисе было расположено особое «поле хеттов», в Анибе (Нубия) — «поле кипрян». Наконец, Геродот упоминает «лагерь тирян» в Мемфисе.²⁸⁾ Весьма возможно, что из таких военнопленных-поселенцев, частично обращенных в рабство, вербовались наемники для египетского войска. Так, в «Кадешской поэме», описывающей битву Рамзеса II с хеттами под Кадешем, говорится, что в состав египетского войска входили «шарданы, которых его величество взял в плен своей победоносной рукой».²⁹⁾

Бог Сэт обучает Тутмоса III стрельбе из лука.

Одной из основных функций египетского войска было держать в повиновении простой народ и рабов. Для этой цели фараоны использовали отряды маджаев, которые постепенно превратились в обычную регулярную полицию. Эта полиция по роду и району своей деятельности делилась на отряды пограничной охраны, столичную полицию, речную полицию, полицию фиванского некрополя, а также гарнизонные войска. Таким образом, эти полицейские отряды, состоявшие из египтян, [189] представляли собой отборные части не только для несения полицейской службы, но также для охраны границ, крепостей, и, возможно, во время иноземных походов. На это указывает и то обстоятельство, что Небамон, занимавший в период XVIII династии должности «знаменосца царского корабля, начальника множества воинов» и «начальника лучников в западной части Фив», был в то же время «начальником полиции западной части Фив». Этот высокопоставленный командир, носивший титул «адъютанта владыки Двух Стран в странах юга и севера» и гордившийся милостями Тутмоса IV и Аменхотепа III, командовал, очевидно, не только отрядами полиции, но и регулярными войсками, в частности пехотой. В гробнице Небамона сохранилось изображение как полиции, так и лучников, проходящих в строю и с войсковыми знаменами перед Небамоном или царем.³⁰⁾

Наряду с полицейскими отрядами «маджаев» в Египте в период Нового царства были отряды регулярной полиции s^{cs}3⁻,³¹⁾ которая служила для охраны каналов, полей или зернохранилищ, храмов, наконец, помещений, в которых трудились или жили рабы. Таким образом, эта полиция была тем аппаратом принуждения, на который опирался рабовладельческий класс и который он использовал как военную силу для подавления народных масс и для охраны своих материальных ценностей.³²⁾

Египетские войска Нового царства, как это ясно видно из текста «Кадешской поэмы», делились в основном на три вида: пехоту, колесницы и отряды наемников. Несмотря на то, что отряды колесниц в период XVIII-XIX династий представляли собой довольно значительную боевую силу и что на них сражались отборные воины, принадлежавшие к военной аристократии, все же пехота и по численности, и по боевой подготовке, и по старым военным традициям была главной составной частью армии, «царицей полей», от ратных подвигов, боевой выучки, упорства и выносливости которой в конечном счете зависел исход каждой войны. Поэтому-то в тексте «Кадешской поэмы» эта основная боевая сила египетской армии, состоявшая из египетских новобранцев, поставлена на первом месте, и только затем упомянуты колесницы и шарданы. Египетская пехота по боевым качествам и военной подготовке может быть разделена на три части: отряды новобранцев, своего рода маршевые подразделения призывной молодежи, далее обученные войска, составлявшие основу армии (менфит),³³⁾ наконец, ударные части, называвшиеся «храбрецы царя». Аменемхет в своей автобиографии рассказывает, что во время штурма Кадеша он командовал именно этим отрядом египетской гвардии.³⁴⁾ [190] Совершенно особую воинскую часть образовывал личный конвой фараона, который, очевидно, находился под командованием и в непосредственном распоряжении самого фараона. В конце XVIII династии, при Эхнатоне в этот конвой фараона включались не только египтяне, но также и иноземные воины. Характерно, что в отдельные подразделения наряду с египетскими воинами, вооруженными луками, секирами, копьями, серповидными кинжалами и щитами, входили азиаты, вооруженные копьями, секирами и серповидными кинжалами, ливийцы, вооруженные секирами, и даже негры, причем эти смешанные подразделения находились под командованием египетских командиров. По-видимому, в этом новом способе смешанного комплектования воинских частей отразилась новая политика египетского правительства, стремившегося теснее связать собственно Египет с покоренными народами Палестины, Сирии, Финикии и Нубии.³⁵⁾

Стрельба из лука. Роспись из гробницы Ментуиуи.
Новое царство. XVIII династия.

По боевому вооружению египетская пехота Нового царства делилась на легковооруженные и тяжеловооруженные отряды. К легковооруженным принадлежали лучники , рd.t. Эти стрелки были вооружены большими луками, которые иногда привозились из Нубии или Пунта.³⁶⁾ Оружием тяжеловооруженных [191] пехотинцев были длинное копье, секира, щит, иногда серповидные мечи, вероятно, заимствованные из Передней Азии. На стене храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри изображен небольшой отряд тяжеловооруженной пехоты — восемь воинов, вооруженных копьями, секирами и щитами, во главе с командиром, вооруженным копьем, секирой и луком.³⁷⁾ В гробнице Небамона изображен отряд тяжеловооруженных пехотинцев, вооруженных копьями, щитами и бумерангами, а также два отряда стрелков, вооруженных луками.³⁸⁾

Египетская пехота делилась на отдельные полки,^{*)} которые назывались «меша» — (войско). Войска Рамзеса II, двинутые им против хеттского войска, стоявшего под Кадешем, состояли из четырех полков, носивших названия «полк Амона», «полк Ра», «полк Пта» и «полк Сэта». Эти полки насчитывали по несколько тысяч человек. Полки в свою очередь делились на роты — — s³, которые в раннюю рамессидскую эпоху насчитывали 200 человек.³⁹⁾ В каждой роте было несколько взводов и отделений. Эти наиболее мелкие войсковые подразделения (7-15 человек) представляли собой костяк пехоты, в которой главную роль играли подвижные отряды легковооруженных стрелков.

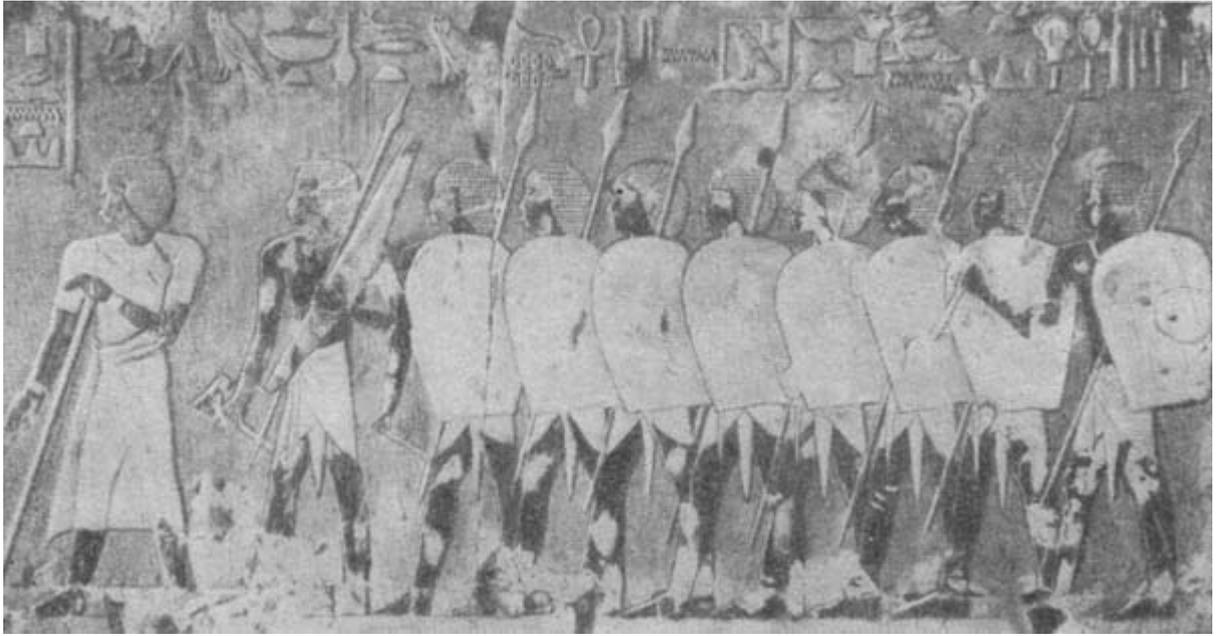
Если пехота составляла основную массу египетского войска, то главной ударной силой было специальное колесничное войско, появившееся только в начале Нового царства, несомненно, под иноземным азиатским влиянием. Очевидно, в самом начале XVIII династии, а может быть, и немного ранее, как это показывают надписи времени Яхмоса I, в Египте появились колесницы и лошади, заимствованные, весьма возможно (как это принято полагать), у гиксосов или какого-либо другого азиатского племени.⁴⁰⁾ С этого времени египтяне начинают все больше и чаще пользоваться колесницей, запряженной конями, для охоты, а также в военном деле. На стенах египетских гробниц часто изображаются колесницы. В надписях, содержащих описания войн, всегда подчеркивается захват колесниц и коней после побед над азиатскими племенами. Видимо, для египтян в те времена колесницы и кони были особенно ценной «военной техникой» наиболее современного типа. Именно благодаря применению колесниц египетская армия могла передвигаться намного быстрее, чем раньше, приобрела значительно большую [192] маневренность, что дало ей возможность стремительно нападать на врага и энергично преследовать его после поражения. Конечно, в те времена и колесницы и кони как технические боевые новинки стоили еще довольно дорого и были доступны только царю, его приближенным и знатым аристократам. Поэтому коням и колесницам, особенно

царским, присваиваются торжественные, пышные имена. Богачи и знатные люди гордятся своими запряжками и часто изображают их на стенах своих гробниц. Даже в царскую гробницу порой клали «заупокойную», особенно разукрашенную колесницу, вроде той, части которой были найдены в гробнице Тутмоса IV. Судя по изображениям, сохранившимся колесницам,⁴¹⁾ а также отдельным их частям, древнеегипетская колесница была сравнительно небольших размеров, чрезвычайно легка и подвижна. В нее обычно впрягали двух коней; в ней могли поместиться всего лишь два, в редких случаях три человека.

Надгробие сирийского наемника.
Новое царство. XVIII династия.

Колесничное войско, появившееся в период XVIII династии, при фараонах XIX династии уже противопоставлялось пехоте и отрядам наемников-шарданов. Следовательно, это было вполне [193]

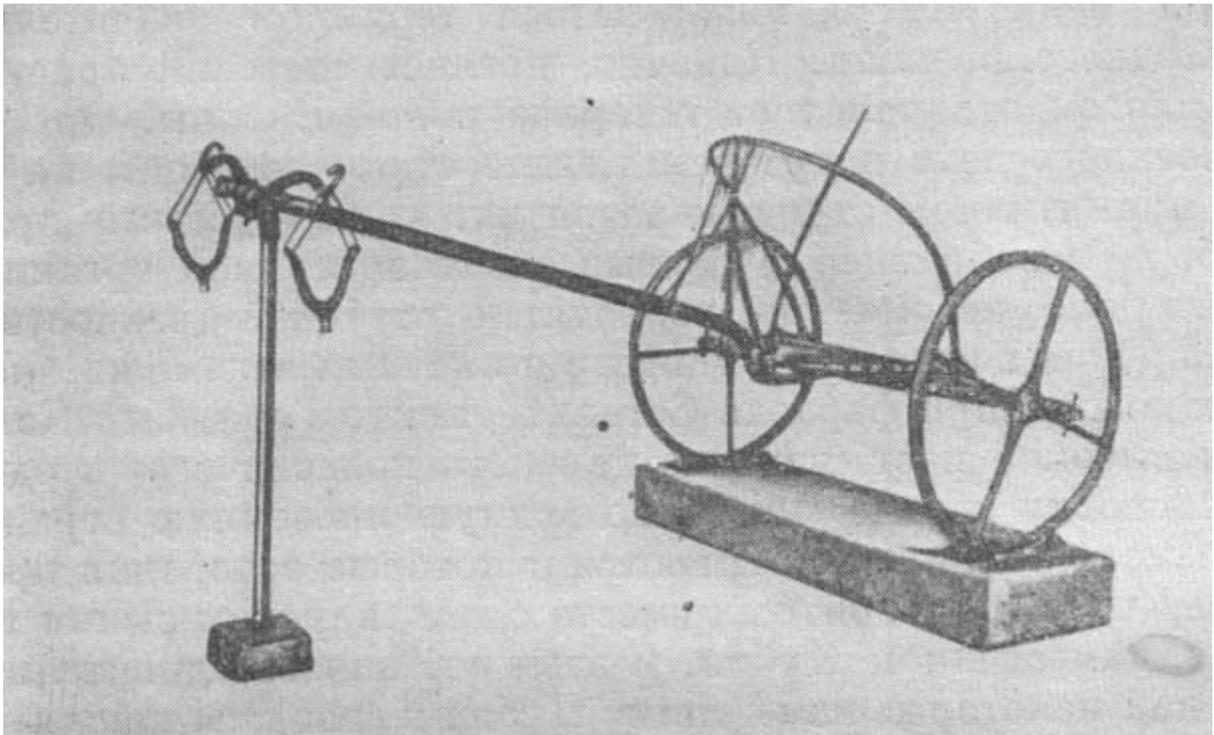
Отряд египетских воинов. Рельеф на стене храма в Дейр-эль-Бахри.
Новое царство. XVIII династия.

самостоятельное и достаточно крупное воинское соединение, которое имело определенное назначение, могло действовать отдельно, имея свою организацию и свое управление. В Голенищевском словаре, текст которого относится ко времени Рамзеса XI, встречается специальный термин для обозначения колесничных воинов, входивших в состав особого

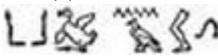
колесничного войска, которое поэтому и получило название t-nt-ḥtri.⁴²⁾

Только благодаря наличию этого колесничного войска египетские войска смогли вступить в борьбу с крупными военными силами переднеазиатских государств и их коалиций, и, тем более, одержать над ними ряд значительных побед. Поэтому понятно то внимание, которое уделяли египетское правительство и весь класс рабовладельцев колесничному войску и конному делу вообще. Очевидно, существовал особый «конный двор», во главе которого стояли виднейшие сановники государства. Возможно, что им управлял особый

«начальник коней» ⁴³⁾ который в то же время командовал и всем колесничным войском. Вероятно, это был один из крупных военных командиров, так как он упомянут в словарях XX династии, например в Голенищевском словаре, на пятом месте среди высших воинских чинов, непосредственно после высокого придворного сановника, носившего титул «начальник царского дома».⁴⁴⁾ Его ближайшим помощником по управлению и командованию колесничным войском был «помощник начальника колесничного войска»,⁴⁵⁾ занимавший здесь такое [194]

Египетская колесница времени Нового царства. Музей во Флоренции.

же положение, как в пехоте «помощник начальника войска» (очевидно, пехотного). Колесничное войско делилось на отряды (своего рода эскадроны) из 25 колесниц, которыми, по мнению Фолькнера,⁴⁶⁾ командовали особые «колесничие резиденции». На каждой колеснице находилось два человека: собственно колесничий, или возница — и колесничный боец — .⁴⁷⁾ В среде колесничных офицеров служили наиболее знатные представители рабовладельческой аристократии. Высокий пост «начальника коней» занимали два сына Рамзеса III, а должность первого «колесничего царя» обычно занимал высокопоставленный сановник, иногда даже царевич.⁴⁸⁾ Высшие должности в колесничном войске порой объединялись с высокими военно-административными или дипломатическими постами. Так, например, Хоремхеб, состоявший в период XVIII династии в высокой должности «начальника коней», был в то же время «начальником всех царских писцов войска» и «царским писцом записи новобранцев», т. е. фактически управлял всеми военными канцеляриями и, в частности, управлением по набору. В компетенцию знатного военачальника конца XVIII династии Хоремхеба входило выполнение обязанностей, связанных с регистрацией рекрутов. Весьма возможно, что с этим делом было связано снабжение и обучение молодых новобранцев. Таким образом, обязанности знатного «начальника коней» несколько напоминали обязанности начальника своего рода мобилизационного управления, если [195] для этой цели можно пользоваться термином значительно более позднего времени. Конечно, древнеегипетский аристократ во многом отличался от генерала новой Европы. Организация военного дела в древнем Египте стояла в общем на довольно примитивной ступени развития. Однако самый принцип набора новобранцев и первые зачатки военной организации этого дела, несомненно, восходят к глубокой древности.⁴⁹⁾ Другой крупный военный командир и знатный вельможа, живший, возможно, при фараоне Сетнахте, некто Гори, сын Кама, занимал высокий пост «первого царского колесничего» и одновременно носил звание «посла во всякую иноземную страну», чем он немало гордился.⁵⁰⁾ Имеются некоторые основания предполагать, что этот Гори был вместе с тем «царским сыном Куша», т. е. наместником Нубии.⁺ В этом нет ничего удивительного, так как некоторые наместники Нубии в своих надписях называли себя «первыми колесничими его величества» и «начальниками конюшни», иными словами, занимали высокие командные

посты в колесничном войске и на «конном дворе», что увеличивало их влияние. В состав конного двора входили особые «начальники конюшен» — ḥrjḥw — ⁵¹, которые управляли не только конюшнями, но и казармами для колесничих и для колесничных бойцов, а также наблюдали за содержанием лошадей. Наряду с обычными конюшнями были и особые тренировочные конюшни, в которых выращивали и обьезжали коней. Начальники конюшен также занимали очень видное место в среде крупной аристократии. Один из «начальников конюшен» занимал в то же время высокий административный пост «наместника Нубии». ⁵² В Голенищевском словаре упоминается и особый «конюх». Очевидно, в период XX династии выделяется довольно значительная группа специального персонала, обслуживающего колесничное войско, конный двор и всякого рода конюшни, которая достойна упоминания в этом древнейшем известном нам своеобразном словаре древнеегипетских слов, названий и терминов. ⁵³

Многочисленные надписи и изображения времени Нового царства, в частности перечни военных должностей, сохранившиеся в словариках и папирусе Лансинга, позволяют в некоторой степени восстановить организационную структуру египетской армии того времени и должностную иерархию ее командного состава. Во главе всей армии и военного дела в целом стоял верховный властитель страны — фараон, во всех важнейших случаях лично командовавший армией, и в надписях, выдержанных в традиционном торжественном и напыщенном стиле, всегда изображавшийся в качестве победителя над врагами и защитника своей страны и своего народа. Помощником самого [196] фараона в деле организации армии и военного дела был везир. Невидимому, именно он руководил военным ведомством. Везиру были подчинены крепости с их военными гарнизонами во всей стране. Везир устанавливал численность армии и царского конвоя. Ему были поручены и другие важные обязанности, связанные с организацией армии и военного ведомства. ⁵⁴ При фараоне и везире состоял особый «совет войска» — $\underline{d}^3 \underline{d}^3 t nt m\check{s}^c$. В мирное время везир передавал этому военному совету особые «военные предписания». ⁵⁵ Во время похода фараон созывал этот военный совет, состоявший, очевидно, из высших военных командиров, для решения наиболее важных вопросов, сообщая ему о создавшейся стратегической или тактической обстановке, советуясь о том, как организовать военные действия и, наконец, передавая ему в форме военного приказа свое окончательное решение. ⁵⁶

Высшим военным званием, дававшим право командовать всеми вооруженными силами страны, было звание «великого начальника войска», которое иногда переводят европейским словом «генералиссимус». Это звание носили знатнейшие аристократы и даже царевичи, как, например, наследники престола при Рамзесах II и III, а также при Мернепта. Этот военный титул, известный со времени Среднего царства, когда уже в некоторой степени оформилась завоевательная политика Египта, помещен в Голенищевском словаре на первом месте в списке военных должностей. ⁵⁷ Отдельными, наиболее крупными воинскими соединениями, своего рода корпусами, командовали «начальники войска» ⁵⁸, звание которых сохранялось в египетском языке с Древнего царства вплоть до поздней коптской эпохи. Как «начальник войска», так и начальник колесничных отрядов имели помощников, своего рода заместителей, которые выполняли обязанности, напоминающие обязанности начальника штаба. В надписях Нового царства упоминаются «помощник начальника войска» и «помощник начальника колесничного войска». Эти «помощники начальника войска» были высокопоставленными командирами. Так, «царевичу Куша» подчинялись два таких помощника (идену), а в декрете фараона Хoremхеба упоминаются два «идену» для двух половин Египта: юга и севера. ⁵⁹ Во главе пехотных полков стояли начальники и командиры лучников, ⁶⁰ которые иногда командовали крепостными гарнизонами. В списке командиров и военных

чиновников папируса Лансинга эти военные командиры занимают почетное место, непосредственно следуя за начальником войска. Основной, наиболее распространенной командной должностью была должность командира роты, состоявшей из 200 человек, который носил специфическое название [197] «знаменосца» . Эти знаменосцы командовали как сухопутными отрядами, так и отрядами корабельных войск. Некоторые из них, например Небамон, служивший при Тутмосе IV, занимали довольно видные посты «знаменосца царского корабля, начальника множества воинов», начальника лучников, начальника полиции западной части столицы.⁶¹⁾ Наконец, низшим командирским званием был «старший над 50-ю» . Возможно, что самыми мелкими воинскими подразделениями — взводами, отделениями или звеньями — командовали младшие командиры, своего рода унтер-офицеры или подпрапорщики. К сожалению, более подробных сведений мы об этом не имеем.⁶²⁾

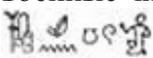
Крепостными гарнизонами командовали коменданты крепостей. В периоды напряженной обороны Египта от надвигавшихся армий противника крепостные гарнизоны Северного и Южного Египта выделялись в особые войсковые соединения во главе с высокопоставленными командирами, носившими звания «начальник крепостей [побережья] Великого Зеленого моря» и «начальник крепостей Нубии».⁶³⁾ Им подчинялись командиры гарнизонов крепостей, расположенных в отдельном округе, так называемые — «начальники гарнизонных войск», наконец, во главе гарнизона отдельной крепости стояли ḥri iw^cjt.⁶⁴⁾

В египетской армии, по-видимому, были специальные командиры, состоявшие при высших командирах для особых поручений, очевидно, в первую очередь для сбора информации, которую они должны были регулярно докладывать своему начальнику, а затем для передачи приказаний нижестоящим командирам. Эти своего рода адъютанты назывались .⁶⁵⁾

Весьма возможно, что Египет в военно-административном отношении делился на ряд территориальных округов. Однако этот вопрос может быть полностью освещен лишь при условии изучения всего относящегося к этому вопросу материала, заимствованного из источников всего периода Нового царства, включая XIX и XX династии. В настоящее время можно указать на то, что Нубия во время XVIII династии представляла собой особый административный округ, своего рода наместничество, подчиненное высокому чиновнику, носившему титул «царский сын Куша».⁶⁶⁾ В компетенцию этого наместника Нубии входило командование войсками, возможно, расположенными [198] или набиравшимися в Нубии. Так, Мермесу, наместник Куша при Аменхотепе III, а позднее Панехеси лично командовали своими войсками. Наместнику Нубии подчинялись, очевидно, на его территории или в пределах его полномочий «начальник лучников Куша» — ḥrj p^d-t n Kš и даже особый «начальник конюшни» — ḥrj iḥw. Именно поэтому наместник Нубии был одним из высоких военных командиров, который занимал важные военные и военно-административные посты и носил высокие военные звания «первого колесничего царя» или «оруженосца царя».⁶⁷⁾

Управление военным ведомством было централизовано и находилось в руках везира, как это видно из инструкции, сохранившейся в гробнице везира Рехмира. Фолкнер предполагает, что везиру в управлении военным ведомством помогал чиновник, носивший звание , однако это предположение нельзя считать доказанным, так

как это звание пока еще не обнаружено в титулатурах чиновников, связанных с военным ведомством, или в надписях, трактующих о военном деле.⁶⁸⁾

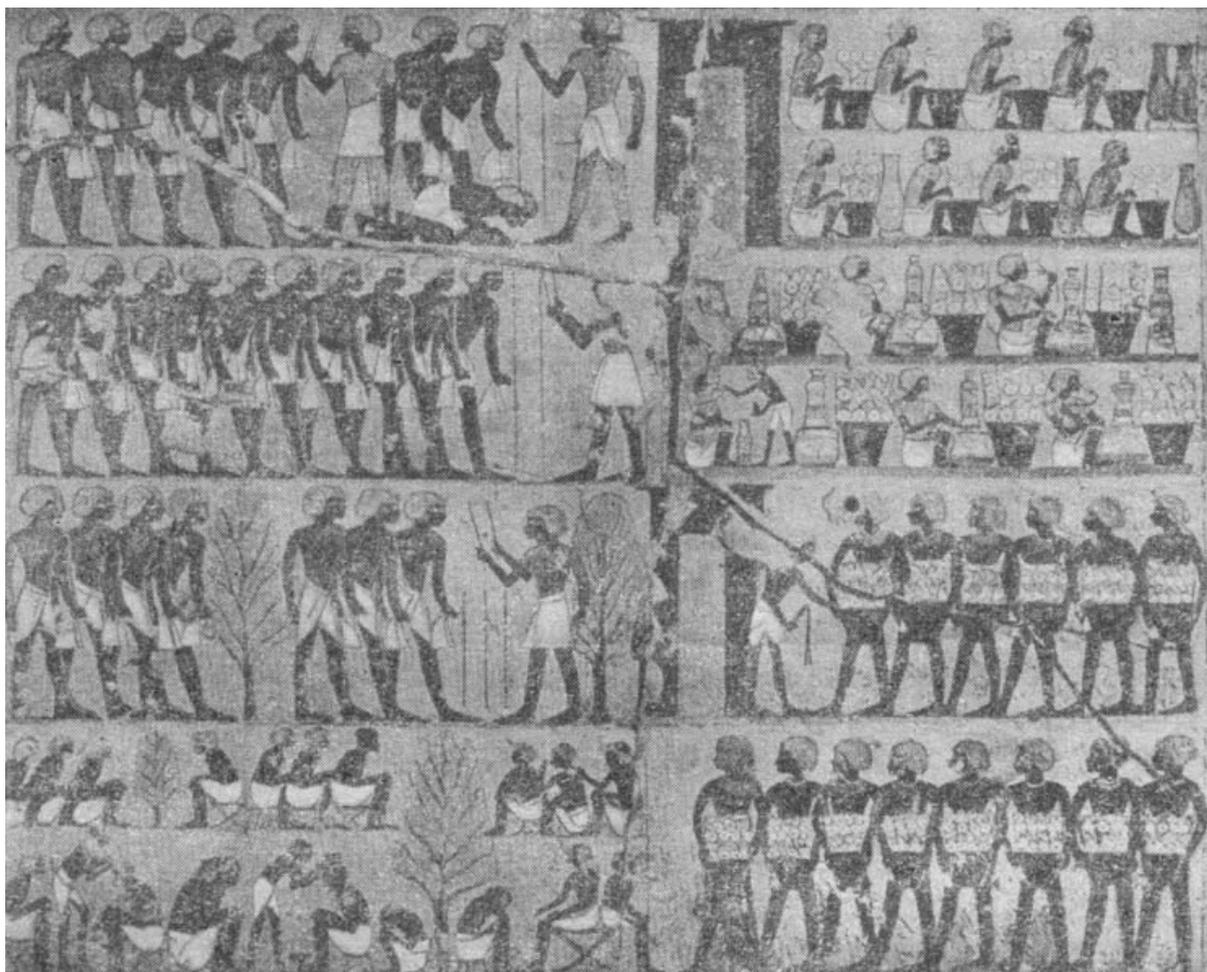
Как в гражданском управлении, так и в военном ведомстве весь механизм управления находился в руках писцов. Начиная со времени Среднего царства и особенно часто со времени XVIII династии в надписях упоминаются «писец войска» и «писец пехоты» . Военным снабжением и распределением припасов и оружия ведали военные чиновники, своего рода интенданты, называвшиеся «писец сбора» и «писец распределения».⁷⁰⁾

Деятельность этих военных чиновников довольно наглядно изображена на стенах гробниц Аменемхеба, Пехсукхера и Усерхета. По-видимому, в каждом «корпусе» было свое более или менее самостоятельное интендантство и поэтому начальник корпуса («начальник войска») или его заместитель ведал снабжением подчиненных ему воинских частей. Так, например, в гробнице «заместителя начальника войска» Аменемхеба сохранилось изображение выдачи «провианта, мяса, вина, хлеба и всевозможных хороших овощей» воинам писцами, которые находились в распоряжении Аменемхеба.⁷¹⁾ В своей автобиографии Аменемхеб старался показать себя храбрым командиром, всегда смело шедшим в бой, на стенах своей гробницы он показал себя в качестве рачительного военного чиновника, который сам наблюдал за правильной раздачей продуктов подчиненным ему рядовым воинам и командирам. Интендантские склады, [199] откуда выдавалось продовольствие воинам и командирам, изображены на стенах гробницы Пехсукхера.⁷²⁾ Выдача пайков изображена в гробнице Усерхета. Старшие чиновники интендантства наблюдают за выдачей, а младшие поддерживают порядок среди воинов, получающих пайки. Судя по этому изображению, солдаты получали только хлеб, тогда как командиры получали добавочные продукты, очевидно, мясо и овощи, а также кувшин с пивом или вином.⁷³⁾

Расширение пределов египетского государства и далекие походы, совершавшиеся вплоть до страны Митанни на северо-востоке и до глубинных областей Восточной Африки на юге, требовали значительного развития военного транспорта, необходимого для переброски войск и кораблей, для доставки продуктов, воды и оружия. С этой целью со времени XVIII династии применялись повозки, запряженные волами. В частности, именно на таких повозках были доставлены из Библа к Евфрату корабли во время восьмого похода Тутмоса III в Переднюю Азию. Такие же повозки применялись в военном деле и при Рамзесе II, а также при Рамзесе III. Весьма возможно, что военным снабжением ведали чиновники, носившие звание «машакабу» — .⁷⁴⁾ Однако эти машакабу были не только военными, но и гражданскими чиновниками, которые ведали главным образом доставкой различного рода имущества при помощи кораблей.

Главным видом транспорта в Египте издревле был водный. Для перевозки людей и грузов со времен Древнего царства пользовались в основном весельными и парусно-весельными кораблями, причем Нил с его сложной сетью рукавов и каналов был основной транспортной магистралью. Поэтому естественно, что и для военных целей водный транспорт имел первостепенное значение. В период Нового царства, когда египтяне стали совершать далекие военные походы в глубь Передней Азии и Нубии почти до Пунта, роль водного транспорта еще более возросла. Для переброски войск к портовым городам восточного побережья Средиземного моря, для захвата этих городов, для их морской блокады, для доставки товаров, оружия, продовольствия в Палестину, Финикию и Сирию,

а также для вывоза различного имущества из этих стран, для переправы через Евфрат, для ведения войны с нубийскими племенами необходим был флот. Поэтому кораблестроение и кораблевождение получили дальнейшее развитие в период Нового царства. В связи с увеличением количества перевозимых грузов и людей не только по Нилу, но и вдоль морского берега начиная со времени XVIII династии в Египте строят более крупные корабли, которые несколько отличаются от кораблей предшествующего [200] периода. Эти корабли снабжаются большим парусом, который укреплен на короткой мачте, так что ширина паруса иногда в два раза превосходит его высоту. На кораблях устраивались особые каюты для людей. Ввиду необходимости перевозить большие грузы, как, например, каменные обелиски, принимались меры для укрепления бортов.⁷⁵⁾

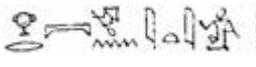
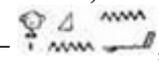
Выдача провианта воинам. Роспись из гробницы Усерхета.
Новое царство.

Развитие водного транспорта требовало сооружения все большего количества кораблей. При Тутмосе III функционировала большая судостроительная верфь, причем в особом сохранившемся до нашего времени журнале тщательно регистрировались обмеры лесоматериалов, выдававшихся на руки группам кораблестроителей.⁷⁶⁾ Однако египетские верфи не могли удовлетворить возросших потребностей, особенно в связи с развитием военной политики. Поэтому египтяне строили корабли в Финикии, пользуясь местным высококачественным строевым и мачтовым лесом. В надписи из Джебель-Баркала Тутмос III сообщает, что его воины «рубил мачтовый лес на сосновых террасах... вожди страны Речену тащили этот мачтовый лес при помощи быков к берегу [моря]. И построило мое величество корабль из соснового дерева на побережье Ливана [Ременен]».⁷⁷⁾ [201]

Любопытно отметить, что эти корабли строились из того знаменитого финикийского дерева «аш», которое и ранее доставлялось в Египет из Сирии. Очевидно, сирийские князья принуждены были оказывать в этом деле существенную помощь египтянам. Корабли, как указывается в этой надписи, должны были служить для доставки в Египет различных ценностей из Сирии и Финикии. Но, конечно, такого рода корабли предназначались и для военных целей. Поскольку Тутмос III систематически совершал военные походы в Переднюю Азию и столь же систематически выкачивал из завоеванных стран их человеческие и материальные ресурсы, постольку Египту нужно было постоянно получать из Финикии все новые и новые корабли. Поэтому Тутмос III, как он сам об этом сообщает, «ежегодно сооружал [корабли] в стране Джахи из настоящего соснового дерева страны Ливан [Ременен]». ⁷⁸⁾

Некоторое представление о форме, оснащении и командах египетских транспортных кораблей дают изображения флота, снаряженного при царице Хатшепсут, сохранившиеся на стенах ее храма в Дейр-эль-Бахри. На больших парусно-весельных кораблях команды достигают 41 человека: капитан и лоцман, обычно изображавшиеся на капитанском мостике, два кормчих, которые управляли большими рулевыми веслами, приводившимися в движение специальными рычагами, 30 гребцов, сидевших на веслах у обоих бортов, три надсмотрщика, наконец, четыре матроса, управлявших парусом. ⁷⁹⁾ Применялись иногда и буксиры. Так громадную баржу, на которой перевозили большой каменный обелиск Хатшепсут, тащили на буксире 30 кораблей, построенных в три параллельных ряда. ⁸⁰⁾

Необходимость пользоваться во время войны кораблями как на северных, так и на южных границах государства привела к разделению египетского флота уже в начале XVIII династии на две флотилии, или эскадры. Яхмос, сын Иабаны, сражавшийся в войсках Яхмоса против гиксосов, сообщает в своей автобиографической надписи, что он служил в северной эскадре.

Судя по тому, что этот «начальник гребцов» , может быть, «начальник морской пехоты» был переведен в северную эскадру «за храбрость» — , служба в северной эскадре считалась более почетной. Вполне естественно, что фараоны XVIII династии обращали особенное внимание на северный и северо-восточный театр военных действий и поэтому заботились об усилении и комплектовании отборными кадрами именно северной эскадры, которой предназначалась крупная роль в борьбе с гиксосами, а затем в завоевании областей Передней Азии. ⁸¹⁾ [202]

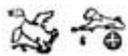
* * *

О развитии военного дела и военного искусства в Египте в период Нового царства свидетельствуют сохранившиеся в летописях описания военных походов Тутмоса III и Рамзеса II. Особые царские писцы, как, например, Чанани, должны были во время похода вести специальные дневники и подробно отмечать в них все детали, касающиеся военных действий. Очевидно, уже в те времена возникали древнейшие формы литературных произведений, в которых описывались военные события и которые имели целью суммировать боевой опыт, накопленный войсками и полководцами. Судя по описаниям походов, при помощи разведчиков собирались сведения о передвижениях неприятельских войск, об их численности, расположении, боевой готовности и всякого рода иная военная информация. Обсуждая план боевых действий на военном совете в Ихеме, Тутмос III опирался на данные разведки, выяснившей важный факт сосредоточения неприятельских войск в Кадеше. Раньше чем вынести окончательное решение, фараон принимает меры к получению дополнительных разведывательных данных и только после этого отдает

приказ о наступлении. Как видно из этого же рассказа летописца, перед принятием особенно ответственных решений фараоны созывали особые военные советы, на которых имели право выступать со своими предложениями, очевидно, наиболее видные командиры. Конечно, эти военные советы могли обладать лишь совещательными функциями. После подробного обсуждения вопросов, связанных с ходом кампании, фараон единолично принимал решение и отдавал соответствующий приказ по войскам.

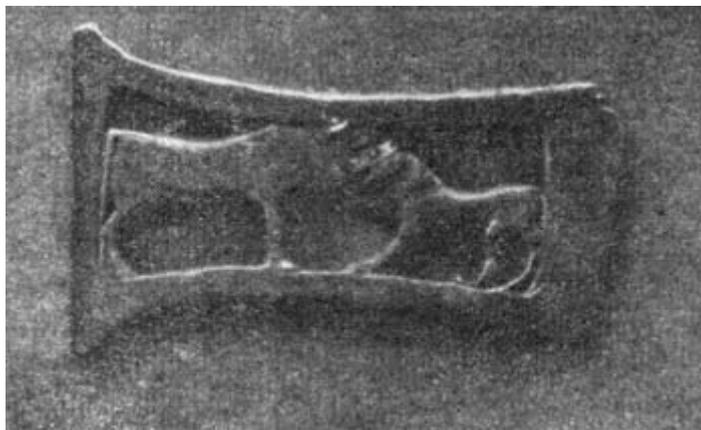
«Анналы Тутмоса III» дают некоторое представление и о тактике боя. Египетское войско во время передвижения делилось на авангард и арьергард, а в бою — на центр и два фланга. В необходимых случаях применялась быстрая сокрушительная атака, которая должна была смять войска противника, внести дезорганизацию в его ряды и уничтожить его живую силу. Ввиду низкого уровня военной техники конечный исход битвы во многом зависел от численности войск, физической силы и выносливости бойцов и, конечно, морального фактора. На военном совете в Ихеме Тутмос III приказывает выступить по опасной горной тропе, чтобы неожиданно и быстро напасть на войско противника и решительным ударом нанести ему полное поражение. При развертывании войск перед боем учитывалось расположение возвышенностей, теснин, рек и дорог, которые должны были усилить позицию.

Уровень военной техники всегда связан с уровнем технических знаний и навыков. Несомненный прогресс в развитии [203] материальной культуры нашел отражение и в военном деле. Египтяне в период Нового царства использовали металлическое оружие лучшего качества, чем в предшествующие времена. Соприкоснувшись во время своих походов в Переднюю Азию с рядом культурных народов, они заимствовали у них различные технические достижения. Применение в военном деле колесницы и коня дало возможность организовать новый вид колесничного войска, что в свою очередь сделало египетскую армию более подвижной и маневренной. Некоторый прогресс наблюдается и в технике изготовления оружия. Появляются большие сложные луки, широко применяются кинжалы и мечи, наконец, у азиатов заимствуется и новая форма особого серповидного меча. В фортификации появляются новые переднеазиатские способы постройки крепостей. Широкое развитие военной политики требует от египетского правительства тщательной обороны границ государства. В связи с этим строится ряд новых пограничных

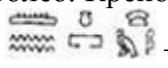
укреплений. На северо-восточном рубеже находилась крепость Джару , которая должна была защищать Дельту Нила от нашествия азиатских племен. В Джару был расположен особый гарнизон, которым командовал офицер, бывший в то же время комендантом крепости. При Тутмосе IV эту должность занимал некто Неби, до этого назначения бывший «начальником крепости в стране Вават».⁸²⁾ Очевидно уже в те времена появляется группа военных командиров, которые специализируются именно в этом направлении. По мере углубления в области Передней Азии египетские фараоны были вынуждены строить различные укрепления в глубине завоеванных территорий, чтобы обороняться от восстаний мятежников, а также от нападения войск соседних больших государств. Так, например, Тутмос III после взятия Мегиддо построил в этом районе крепость и назвал ее «Тутмос — покоритель иноземцев». Судя по этому названию, эта крепость должна была явиться военной базой для дальнейшего продвижения египетских войск.

С той же целью египтяне строили в Нубии не только отдельные крепости, но целые линии укреплений. Под их защитой располагались провиантские склады, военные гарнизоны, которые обеспечивали порядок в завоеванной стране. Вокруг новых крепостей вырастали египто-нубийские поселения, становившиеся центрами хозяйственного, политического и культурного влияния египтян в Нубии. Еще в период Среднего царства в районе 2-го порога Нила была построена мощная линия укрепленных пунктов. По мере углубления

египетских войск во внутренние области Восточной Африки эта первая линия египетских укреплений стала постепенно уступать свое [204] место второй, более южной линии крепостей. Тутмос I построил на острове Томбос крепость, как об этом говорится в Томбосской надписи Тутмоса I и в Ассуанской надписи Тутмоса II. Название этой крепости — «Никто не может противиться ему (фараону. — В. А.) среди племен девяти луков» — должно было указывать на важность этого укрепленного пункта, который призван был обеспечить господство египтян в завоеванной ими Нубии.⁸³⁾

Боевой топор с изображением быка и льва. Новое царство.

Раскопки и надписи позволяют проследить всю цепь египетских укреплений, созданную фараонами Нового царства в Нубии. Крепости, построенные в предшествующий период в Нижней Нубии, снова стали использоваться в военных целях. Внешние стены этих старых крепостей во многих случаях все еще были достаточно прочными и годились для обороны. Так, например, крепости в Элефантине и Бигэ в период Нового царства продолжали служить в качестве опорных пунктов для египтян. В частности, они упоминаются в надписи из гробницы Рехмира и в одной надписи времени Рамзеса V.⁸⁴⁾ Крепость в Иккуре, судя по найденной здесь керамике, существовала и в эпоху Нового царства. Однако по мере дальнейшего продвижения египтян к югу она все больше и больше становилась ненужной. Раскопки Эмери и Кирвана показали, что крепость в Кубане в период Нового царства все еще сохраняла свое значение. Ряд построек здесь был возведен при Сети I и Рамзесе IX. Крепость в Анибе была превращена в большой укрепленный город, вокруг которого выросли большие пригороды. В Фарае, около главного русла Нила выросла новая крепость, которая упоминается в надписи Хэви времени Тутанхамона.⁸⁵⁾ В Бухене, судя по раскопкам Макивера и Уулеля, укрепления времени Среднего царства были расширены и территория, обнесенная стенами, увеличена. На острове во время XVIII династии была, возможно, заложена новая крепость.⁸⁶⁾ Из укреплений, [205] расположенных у 2-го порога, сохранила военную ценность лишь большая крепость в Семнэ. Зато новые важные укрепления были сооружены между Вади-Хальфа и Керма. Эти новые крепости должны были защищать не только южную, но и юго-западную границу Египта. Поэтому многие из этих крепостей были построены на западном берегу Нила. Среди этих укрепленных пунктов следует отметить Амару, Саи, Седеингу, Сесеби и Солеб. Крепость в Солебе еще не раскопана, но она упоминается в надписях под названием — Mnnw H^c-m-m^{3c}.⁸⁷⁾

В Седеинге, как известно, была расположена крепость Тейе.⁸⁸⁾ Еще южнее находились укрепления Гематона, возможно, основанного еще при Аменхотепе III.⁸⁹⁾ Наконец, несомненно, военным целям служили и некоторые храмы, судя по сохранившимся стенам и найденным надписям. Так, храм в Амаде был защищен внешней стеной, а в надписях упоминается «укрепленный город» Амон-хери-иб, расположенный в Абу-симбеле, где

грандиозный пещерный храм мог во время военных действий служить прекрасным убежищем и крепостью.⁹⁰⁾ Одним из крупных центров египетского влияния в Нубии была Напата со своей крепостью, остатки которой еще не обнаружены. Возможно, что в Джебель-Баркальской надписи упоминается именно эта крепость под названием «Шемахазетиу» («Уничтожение азиатов»)⁹¹⁾ А в надписи Аменхотепа говорится, что фараон приказал повесить на крепостной стене Напаты тело захваченного и доставленного сюда азиатского врага.⁹²⁾ Крепость в Напате была наиболее южным форпостом египетского могущества в Верхней Нубии и поэтому имела для египтян большое военное значение.

В надписях Аменхотепа III, Сети I и Рамзеса III упоминаются крепости в Нубии.⁹³⁾ Очевидно, в эти времена крепостное строительство в Нубии считалось важной государственной задачей.

Египетская армия в период XVIII династии превратилась в хорошо обученную, более или менее организованную и для того времени не плохо вооруженную армию, состоящую из профессиональных воинов и кадрового командного состава. Кадровые командиры египетской армии были типичными представителями военной аристократии, которая плотным кольцом окружала фараона, царствующий дом и ближайших сподвижников царя. Автобиографии этих военных командиров, как, например, надпись Яхмоса, сына Иабаны, или надпись Аменемхеба, дают яркое представление о деятельности этих древнеегипетских «офицеров», которые всю свою жизнь проводили в военных походах, старались всячески выслужиться перед фараоном и с гордостью сообщали в своих жизнеописаниях [206] о совершенных ими подвигах и наградах и почестях, которыми они были удостоены. Как видно по этим надписям, в этот период египетской истории уже существовали особые знаки воинских отличий, носившие своеобразные названия «золотая муха» и «лев». Наряду с этими древнейшими военными «орденами» применялись в качестве наград и ценные украшения. Так, фараон награждал своих военных командиров золотыми и серебряными браслетами, ожерельями, опахалами, а также драгоценным оружием, золотыми и серебряными кинжалами и секирами.⁹⁴⁾ Наконец, фараон награждал отличившихся командиров своей армии и более существенными ценностями, как, например, земельными участками и рабами.⁹⁵⁾ Так постепенно создавалась и укреплялась военная прослойка рабовладельческой аристократии, которая была особенно заинтересована в дальнейшем развитии военно-захватнической политики египетского государства. В одном поучении времени XX династии резко подчеркивается классовое расслоение, столь типичное для египетской армии того времени. Автор поучения в образных словах рисует тяжелую жизнь рядового воина, полную бедствий и горестей. Все тяготы похода падают на плечи простого воина, в то время как его начальники «входят и выходят из палат царского дворца».⁹⁶⁾

Углубление классовых противоречий, столь характерное для Египта времени Нового царства, не могло не коснуться армии. Основная масса рядовых бойцов, на долю которых падали все трудности и невзгоды далеких походов в заморские страны, те простые воины, которые гибли тысячами в долинах Сирии и пустынях Восточной Африки и всю свою жизнь платили государству и фараону тяжелый налог кровью, должны были рано или поздно активно выступить против безумной политики военных авантюристов и все развивавшейся агрессии. Свободные массы египетского населения, весь трудовой люд должен был рано или поздно поднять свой голос против непрерывного развития военно-захватнической политики, достигшей наивысшего напряжения при фараонах XVIII династии. И как не пытались идеологи рабовладельческого класса систематической пропагандой убедить народ в том, что «фараон», являясь «сыном солнца от плоти его», т. е. физическим, кровным наследником солнечного божества на земле и тем самым неограниченным повелителем всей страны, облечен самими богами верховной властью и

непререкаемым авторитетом, освященным религией, все же эта жреческая пропаганда, проводившаяся в ритуале, в изобразительном искусстве и литературе, могла лишь на время заглушить протест народных масс. Резкое прекращение военной политики при Аменхотепе III и Эхнатоне было, очевидно, вызвано активным протестом народных масс; [207] силы народа были истощены длительными тяжелыми войнами, поэтому народ требовал, чтобы бесконечным войнам был положен конец.

Военно-агрессивная политика времени XVIII династии привела лишь к иллюзии процветания, а на самом деле вызвала резкое обострение классовых противоречий. Только своевременное изменение правительственного курса внешней политики несколько смягчило эти противоречия и предотвратило взрыв классовой борьбы и повторение такого же крупного восстания бедноты, как то, которое некогда привело к крушению Среднее царство Египта. [208]

